РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(77)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Отечественная война в русской культуре
Patriotic War in Russian Culture

Александр Керенский в 1917 году
Alexander Kerensky in 1917

Демографическое будущее России
Russia's Demographic Future

Грядет ли постчеловеческий мир?
Cometh Posthuman World?

Что такое Государственный литературный музей
What Is The State Museum of Literature

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2012

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Россия и современный мир = Russia and the contemporary
Р 75 world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2012. – ISSN 1726–5223. – № 4 (77). – 278 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

И.И. Глебова
Отечественная война в русской культуре 6

I.I. Glebova
The Patriotic War in Russian Culture

С.В. Тютюкин
Уроки Александра Керенского и «керенщины» в 1917 г. 36

S.V. Tyutyukin
Lessons of Alexander Kerensky and «Kerenshchina» in 1917

Е.В. Фролова
Региональная дифференциация: Роль социальной инфраструктуры 49

Ye.V. Frolova
Regional Differentiation: The Role of Social Infrastructure

М.А. Положихина
Функции государства и структура органов исполнительной власти: Проблема соотношения 62

M.A. Polozhikhina
The Functions of the State and the Structure of Executive Bodies: The Problem of Correlation

В.Ю. Музычук
Основные тенденции культурной политики в современной России 72

V.Yu. Muzychuk
Basic Trends of Cultural Politics in Today's Russia

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

PROBLEMS OF DEMOGRAPHY

Н.И. Кожевникова
Демографическое развитие России: Современный вектор 83

N.I. Kozhevnikova
Russia's Demographic Development: The Current Vector

А.П. Обедков, А.А. Обедкова
Тенденции демографического развития России в постсоветский период 95

A.P. Obedkov, A.A. Obedkova
Russia's Demographic Development Trends in the Post-Soviet Period

В.В. Бубликов, В.В. Маркова
Прогнозы демографического будущего России 109

V.V. Bublikov, V.V. Markova
Forecasts of Russia's Demographic Future

В.В. Пациорковский *Пространственная организация постиндустриального общества: Воспроизводство, движение и размещение населения*	121	*V.V. Patsiorkovsky* *Spatial Organization of the Post-Industrial Society: Reproduction, Migration and Distribution of Population*
Н.А. Родионова *Демографический кризис в России в контексте общественной трансформации*	134	*N.A. Rodionova* *Demographic Crisis in Russia in the Context of Social Transformation*
РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ		**RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY**
В.А. Ковалёв *В ожидании нового Франкенштейна (о «трансгуманизме», NBIC-конвергенции и постчеловеческом мире)*	142	*V.A. Kovalev* *Anticipating a New Frankenstein (on «trans-humanism», NBIC-convergence and the post-human world)*
А.М. Кулькин *Перспективы и риски развития технологий XXI века*	171	*A.M. Kulkin* *Prospects and Risks of Technological Development in the 21st Century*
Л.Г. Белова *Конкурентные преимущества инноваций: Зарубежный опыт*	187	*L.G. Belova* *Innovation Competitive Advantages: Some Foreign Experience*
Т.В. Чубарова *Здравоохранение в мире: Между индивидуальной и социальной ответственностью*	199	*T.V. Chubarova* *Health Care in the World: Between Individual and Social Responsibilities*
ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ		**FACTS. EVENTS. PEOPLE**
В.М. Шевырин *«Я – какой-то могильщик» (Лев Тихомиров в новейшей литературе)*	209	*V.M. Shevyrin* *«I am kind of a gravedigger» (Lev Tikhomirov as portrayed recently)*

И. Жалнина-Василькиоти
Княгиня Сан-Донато (С.И. Демидова) в истории русской эмиграции в Греции 220

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Д. Михайлова
Звездная система – Государственный литературный музей 230

И.В. Обухова-Зелиньская
Издательский проект «Русское еврейство в зарубежье» 240

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Каррер д'Анкос Э.
Россия между двумя мирами 246

Кругман П.
Кризис: Почему экономисты обанкротились? 250

Гюидер М.
Новейшая история «арабской весны» 254

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 260

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2012 г. 270

I. Zhalnina-Vasilkioti
Princess San Donato (S.I. Demidova) in the History of the Russian Emigration in Greece

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

Ye.D. Mikhailova
The Star System – The State Museum of Literature

I.V. Obukhova-Zelinska
Publication Project «Russian Jewry Abroad»

ESSAYS. DIGESTS

Carrere d'Encausse H.
La Russie entre deux mondes

Krugman P.
Crise: Pourquoi les économists ont failli?

Guidere M.
Histoire immediate du «printemps arabe»

SUMMARIES

CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD» FOR 2012

И.И. Глебова

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН.

Посвящаю моему деду
Георгию Ильичу Глебову,
гвардии подполковнику,
Герою Советского Союза
(за форсирование Днепра)

Этот текст посвящен не истории войны, а ее месту в национальном сознании. Мне хотелось бы понять, как память общества реагирует на важнейшие исторические события, какое символическое значение в них вкладывает. В работе предпринимается попытка выявления роли мифа войны, одного из определяющих для национальной культуры, в процессах конструирования легитимности современного режима и идентичности российского общества.

Механизмы постсоветской памяти: Редукция и оправдание

Когда-то Н.М. Карамзин написал историю России, сведя ее к истории государства, власти. Этот подход утвердился в качестве господствующего в науке и общественном сознании. Известно, что в XIX в. при всем разнообразии мнений лидировала государственно-юридическая школа, где по преимуществу анализировались властные институты, но не история общества[1].

В постсоветское время сложилась своя конструкция ближайшей, т.е. советской, истории, тоже связанная с «усечением» прошлого. При анализе

** Статья представляет сокращенный вариант исследования, опубликованного в ежегоднике «Труды по россиеведению» (2011, № 3).*

1. Ею занимались славянофилы и некоторые историки, но сделать ее мейнстримом науки и общественного сознания не удалось.

исторического сознания российского общества и «исторической политики» власти[2] становится очевидным, что итог в основном таков: история сведена к советской (досоветская, русская «интересна» по-прежнему как «пролог» к чему-то действительно важному, касающемуся впрямую ныне живущих; тот же Александр Невский, победитель шведов и псов-рыцарей, любим как герой именно сталинской эпохи, эдакий маршал – победитель германцев…), последняя же редуцирована к Великой Отечественной войне. Это, конечно, не значит, что общество и историки забыли все остальное. Но война, безусловно, стала главным историческим событием, на основе которого выстраиваются идентичность и легитимность постсоветского строя. В центре внимания общества и власти находятся те проблемы, которые связаны с войной (точнее, связываются войной) и ею же оправдываются.

К войне, как оказалось, можно «привязать» если не все, то очень многое в советской истории (точнее, в массовых о ней представлениях – что и составляет историю в массовом сознании, в массовой культуре). Вторая установочная дата постсоветского календаря – 12 апреля, полет Ю. Гагарина – тоже имеет отношение к войне. Ведь именно в результате победоносного окончания Второй мировой войны СССР стал сверхдержавой, а космос еще одна (своего рода побочная) победа – в гонке вооружений, в «холодной войне».

Мифом войны очень логично оправдываются, говоря принятым в СССР и всем еще (или опять?) привычным языком, «ошибки» и «недостатки» советской системы, т.е. травматические моменты советской истории. Так, даже неосталинисты (нынешние сторонники Сталина) признают, что в СССР были репрессии, но вводят их в контекст подготовки к войне. Массовый психоз

2. «Историческая политика» – многозначный термин, употребляемый в разных значениях. Некоторые исследователи видят в исторической политике «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие, отличающихся в посткоммунистических обществах особым своеобразием» [25, с. 10]. Существует другая точка зрения на историческую политику: ее предлагают не сводить к официозной трактовке истории, но трактовать в широком смысле – как процесс «формирования общественно значимых исторических образов и образов идентичности… которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды» [36, с. 90]. В этом значении «историческая политика» практически неразличима с «политикой памяти» – так называют практики общественного бытования истории. Говоря об исторической политике, я имею в виду не «политику памяти» вообще и не использование истории в политических целях, а более частный случай: государственную политику «формирования» общественного исторического сознания и коллективной памяти, государственную пропаганду официальной версии истории, влияние государства на политику памяти и исторические исследования с целью собственной легитимации и укрепления господства.

разоблачения «пятой колонны», «предателей» в «рядах строителей социализма» объясняется происками внешних врагов и угрозой нападения. В конечном счете оказывается, что так страна готовилась к войне.

С той же точки зрения оценивается в официально-массовой истории и пакт Молотова–Риббентропа: благодаря ему удалось отодвинуть границы, выиграть время для подготовки к войне. В ту же логику встраиваются не только индустриализация, но и коллективизация: без нее СССР не выиграл бы войны – индивидуальный крестьянин поприжал бы хлеб, как он это делал в 1916–1917 и в 1920-е годы, что не позволило бы наладить снабжение армии. Да и послевоенное героическое восстановление тоже «идет» из войны. Тяжелая жизнь, голод (который, кстати, был и в Европе), даже послевоенные репрессии объясняются ее последствиями.

Так, через урезание, упрощение и оправдание советской истории новым режимом выстраивается единая историческая логика, определенная победой в войне. *Война является инструментом реабилитации советской истории, ее очищения от всего «ошибочного», «вредного», стыдного и преступного*. Благодаря ей можно легитимировать укорененность постсоветского порядка в советском, положительно интерпретировать и даже героизировать их связь. В этом остро нуждаются и постсоветский человек, ощущающий именно там корни своей идентичности, и постсоветская власть, видящая в советском основания своей легитимности. Через народный подвиг конструируется преемственность двух режимов.

И здесь возникает целая серия вопросов: почему постсоветская Россия в качестве основания своей идентификации и легитимации выбрала именно войну? по какой причине наши массовые сознание и культура оказались так привязаны к военному проекту? какая версия войны оказалась органична постсоветизму? Казалось бы, на эти вопросы уже даны убедительные ответы [см.: 6, 8, 10, 11, 12, 21, 22 и др.]. По-моему, однако, здесь еще есть о чем говорить.

Опыт истории – миф национальной культуры

Примем за основу постсоветский подход – не его оправдательную логику, но своего рода «завороженность» войной, центрированность на Отечественную. Действительно, «через» войну, ее историю, мифологию, память о ней многое можно понять – и не только в советской эпохе. Это один из «ключей» к нашей истории, культуре, порожденному ими человеку («элитарному» и «массовому»).

Употребление в связи с темой Отечественной войны термина «миф», конечно, требует пояснения. Он не используется мною в негативном значении – для того, чтобы «поставить под сомнение величие победы советского наро-

да…» и т.п., как возопят (и, кстати, вопят) нештатные сотрудники Комиссии по фальсификации и заинтересованная общественность[3]. Привлекая этот термин для описания образа войны, утвердившегося в советско-постсоветском общественном сознании, я хотела бы подчеркнуть следующее. Историческое событие вообще не «укладывается» в массовое сознание как последовательная сумма фактов. При усвоении оно неизбежно мифологизируется, причем не только вследствие воздействия пропагандистских, легитимационно-социализирующих инструментов, но и под влиянием работы механизмов национальной культуры. Чем масштабнее событие, чем больше оно будоражит глубины данного типа культуры, тем вернее подвергнется мифологизирующей «проработке».

В ходе такой «проработки» не то чтобы страдает (искажается) фактологическая канва (историческая «действительность»); она вообще становится несущественной. Факт рожден определенным временем, вводит в него и с ним связан; миф темпорально не фиксирован – это способ самоосуществления, существования культуры[4]. Миф строится на фоне исторического факта и в связи с ним, но «вокруг него» нет времени – он выводится за временные рамки, ставится над временем. Миф больше говорит об определенностях культуры, чем о конкретике события, о метаморфозах массового сознания, чем о ходе истории. *Миф лишает событие временно́й адекватности, но обнаруживает в нем смысл, адекватный национальной ментальности, национальной культуре*. Поэтому воспринимать миф национальной культуры в значении фальсификации исторического события могут люди или совершенно неподготовленные (непросвещенные на этот счет), или политически ангажированные и идеологизированные.

Здесь уместно указать на разницу в отношении к мифу историка и этнолога (или антрополога). «Для историка мифологический образ исторического события является упрощающей действительность абстракцией. Для антрополога такой образ, безотносительно к тому, что произошло на самом деле, обладает собственной ценностью. Этнолога интересует не то, соответствует ли

3. Одной из причин появления этого текста было удивление тем, какую власть над умами многих наших людей имеют слова «миф», «фальсификатор» – в особенности в отношении Отечественной войны.

4. Миф – «один из древнейших, опробованных временем типов социального кодирования, свойственный не только традиционному обществу, но и всем этапам развития человеческой цивилизации. Мифы "живут" и "вымирают", но и заново возникают, и степень их значимости все время меняется» [4, с. 10–11]. Начало изучения мифа и мифического (мифологического) сознания было положено трудами Э. Дюркгейма, А. Юбера, М. Мосса; классический статус ему придали работы М. Элиаде, Г. Беккера, С. Брэндона и др. Заметный вклад в развитие темы внесли российские авторы – Е. Мелетинский, С. Аверинцев, В. Иванов, С. Токарев, В. Топоров и др.

миф действительности, а то, как мифологические верования регулируют поведение человека, определяют собой мораль, социальные институты, формы общественной жизни» [33, с. 40–41]. Для меня предпочтительна именно эта точка зрения на миф, эта исследовательская перспектива. Причем здесь мифология важна даже не сама по себе, а в ее отношении к человеку, культурной традиции. Этот подход разрабатывал один из классиков мировой этнологии XX в. Б. Малиновский: «Мы должны изучать миф в его влиянии на жизнь людей. На языке антропологии это означает, что миф или священная история определяются своей функцией. Это та история, которая излагается для того, чтобы утвердить веру… засвидетельствовать прецеденты образа и ритуала или увековечить образцы морального или религиозного поведения» [24, с. 281].

Исторический миф есть преломленное и редуцированное отражение национальной истории в национальной культуре. Он рождается из переработанного культурой исторического опыта, а актуализируется в обстоятельствах, как-то этому опыту созвучных. Важнейшим для России оказался военный опыт; она по существу милитарная страна. И дело здесь не в частых войнах – в конце концов, воевали все и всегда. У нас социальная ткань, сама конструкция социальности во многом созданы войной, выросли из военных нужд, в удовлетворение военных потребностей [см. об этом: 17, 18][5]. Милитаризации подверглось сознание – и элит, и народа; милитарность – родовая черта ментальности «модального» русского человека.

В течение столетий мирная жизнь в России переживалась как короткая межвоенная передышка; гражданские отношения отягощала органика войны – безразличие, жестокость, даже безжалостность людей по отношению друг к другу. Об этом – розановское: «В России так же жалеют человека, как трамвай жалеет человека, через которого он переехал» [28]; отсюда – сталинское «Незаменимых у нас нет». И царство, и империю отличали не то чтобы талант к войне (мы вовсе не так часто, как представляется нашему милитаризованному сознанию, побеждали), но неспособность избавиться от психологии войны с ее страхом врага и завороженностью им, потребностью доминировать и самоутверждаться силой, а также какое-то странное отсутствие таланта

5. Милитаризация, в интерпретации И.М. Клямкина, «это выстраивание не только военной, но и мирной повседневности по военному образцу, это насаждение определенного образа жизни» [23, с. 275]. Здесь важно учитывать следующий момент, на который указал при обсуждении концепции Клямкина А. Пелипенко: «Милитаристская модель общества присуща не только России. Первичный и наиболее глубокий пласт соответствующих ментально-культурных установок восходит к очень древним и универсальным историческим этапам. И эти установки впоследствии уже не исчезают, сохраняясь во всех культурах».

к миру, к осмысленной организации жизни нации в мирное время. В государстве трудящихся все это приняло крайние, опасные с точки зрения национального самосохранения формы. Оно жило войной, даже когда не воевало; вся его история есть перманентная война (гражданская классовая и псевдоклассовая – мировая – «холодная»); мир строился на остаточные средства – те, что не съела война; тяготы быта казались не такими уж безнадежными в проекции архетипической советской формулы «только бы не было войны».

В процессе освоения такого исторического опыта русская культура выработала один из своих установочных мифов – миф <священной (жертвенной, справедливой, победоносной)> войны[6]. Он зафиксирован как в народно-фольклорной, устной и письменной, так и в элитарной, церковно-государственной и интеллектуально-художественной традициях. Основные функции мифа – идентификационная и интеграционная, «нациоскрепляющая». Это миф полного национального единства, полного единения власти и народа во имя высшей цели – защиты Отечества. Под данную мифом архетипическую модель войны народным сознанием подверстывались (и верстаются теперь) реальные войны. Миф ориентирует на освященный традицией образец – то до́лжное, чему подобало бы существовать. Его смысловая ткань чрезвычайно сложна, что предполагает разнообразие прочтений.

Война в мифе предстает неким естественным состоянием – по крайней мере столь же естественным, сколь мир. Более того, война обеспечивает мир, является его условием. При этом речь идет вовсе не о той воинствующей милитарности, которая бросала в грабительско-завоевательные походы дружины викингов или орды монголов. Война ради войны, военное «молодечество» как бунт / бурление молодой, не находящей себе иного применения силы – все это неорганично русской культуре. Возможно, поэтому в ней нет воинственно-гламурного культа рыцарства, но существует былинный культ богатырей – защитников рубежей Отечества, охраняющих / сберегающих русскую землю. *Война в русской культурной традиции – не нападение, а оборона*: отражение внешней агрессии, противостояние врагу, персонифицирующему мировое Зло («злой вражеской силе», «поганым», «воинству антихристову»

6. Этот термин встречается в некоторых современных исследованиях, посвященных Отечественной войне. Немецкий историк И. Хёслер, например, отмечает: «Наряду с мифом об основании Советского Союза вторым столпом легитимности стал миф о “священной войне”» [34, с. 90]. Российский исследователь И. Кукулин пишет: «Война стала легитимирующим “мифом основания” – она-то и должна была обосновывать советскую идентичность» [19, с. 333]. С конца 1980-х годов широко употребимым стало понятие «государственный миф о войне» – это основополагающий элемент советской исторической мифологии, подменявшей реальную историю [27].

из былин, сказок, летописных историй). *Миф войны внутренне мотивирован, если угодно, не избытком силы, а ощущением слабости, уязвимости*.

Такой тип освоения опыта войны обусловлен своеобразием истории и географии и связанными с ними особенностями культуры. Россия как государственная и культурно-историческая единица – это прежде всего территория (измерять мощь государства в километрах – типично русский алгоритм). Она мыслит себя пространственными категориями; «выстраивалась», организовывалась *в* и *для* освоения пространства. Об этом написано так много, что нет необходимости пояснять. Но география этого пространства явно не отвечала требованиям безопасности; исторически данная русским для колонизации территория открыта, не защищена естественными преградами. Землю, пригодную для жизни, столетиями приходилось отвоевывать у природы или отстаивать в противостоянии с легко проникавшими сюда завоевателями.

История о «начале» русской земли – это история о постоянном вторжении кочевников, о бесконечных волнах степных нашествий. Народ, живший на этой территории, очень долго был вовсе не завоевателем, а жертвой геополитических обстоятельств. Внешняя уязвимость, страх врага, напряжение от постоянного ожидания нападения компенсировались в мифе оборонительной войны. (Это вполне логичная находка доминирующего у нас типа сознания – военно-оборонного.) В том понимании, которое свойственно русской культуре, оправдана и справедлива именно она, а не внешняя агрессия. Правда, за которой сила, а значит, и Божественное покровительство / заступничество – на стороне тех, кто обороняет родную землю, защищает Отечество. Как бы ни был силен враг, в логике мифа он обречен – за ним нет Правды.

Рост нации из «первой» Отечественной

В мифе дан сценарий нормативной для нашей культуры войны. Не случайно Россия всегда выигрывала войны, в которых он реализовывался: оборонительные и потому справедливые, сплачивавшие людей разных сословий, состояний, статусных позиций в единый народ. В критической ситуации миф начинал работать; его энергетика проецировалась на реальность, а та, в свою очередь, подзаряжала его «правдой истории».

Логика мифа просматривается в событиях начала XVII в., современная к ним апелляция явно не случайна. Вспомним: тотальная и всеобщая Смута закончилась противостоянием внешнему врагу, с нарастанием справедливой, оборонительной, спасительной для народа и потому священной войны. Именно в ней обнаруживается объединяющий, высший смысл; она – против логики Смуты, сильнее нее. Окончание Смуты типологически подобно завершению священной войны: ликвидируется «иноземное иго», (вос)создается государство, (воз)рождаются русская власть и народ как общность, субъект

истории. Именно со Смутой (точнее, с патриотическим ее «мотивом») историки связывают окончательное закрепление в русском сознании понятия Отечества[7]. И не случайно памятник гражданину Минину и князю Пожарскому появляется на Красной площади в Москве после войны 1812 г. (в 1818 г.) как напоминание об имеющемся в русской истории опыте отечественных войн. Кстати, в этом контексте подвиг Ивана Сусанина из проходного эпизода Смуты превращается в организующее пространство мифа событие. Конечно, мифологический сценарий не реализовался в Смуту в полной мере, тем не менее «химия» от столкновения мифа культуры с фактом истории возникла. А именно это давало жизнь мифу и очищало, оправдывало реальную жизнь.

С точки зрения логики мифа священной войны в народной культуре оценивались агрессивно-наступательные, экспансионистские эпохи нашей истории. С этих позиций петровский и екатерининский экспансионизм, в целом имперство XVIII – начала XIX в. еще могли быть оправданы идеей возвращения (у завоевателей – шведов, поляков, степных разбойников – крымцев) утраченных прежде территорий (отложенность процесса во времени в данном случае не нарушала целостности и логики мифа). Однако блестящие победы елизаветинских и павловских орлов, александровское участие в антинаполеоновских коалициях – на чужой территории и за чужой интерес – выглядели сомнительными, если не бессмысленными авантюрами. Их несоответствие образу культурно-мифологической войны объясняло неудачи и делало несущественными приобретения – особенно в том случае, если в войнах росли не пространства Отечества, а влияние и престиж власти.

Показательно, что агрессивно-наступательный, тщеславный и самоуверенный XVIII век со всеми его военными победами фактически стерся из народной памяти – точнее, не зафиксировался как военно-победоносный. Из военных героев в ней остался, пожалуй, только А.В. Суворов – да и то не столько как полководец, сколько идеалтипический «отец солдатам». В трактовке войн народное миропонимание входило в явное противоречие с государственной целесообразностью, государственными задачами.

Конфликт народного и имперско-государственного образов «правильной» войны был преодолен в 1812 г. В той войне, крепко отпечатавшейся в русской памяти, мистическим образом едва ли не «дословно» реализовался мифологический сценарий. *Миф стал реальностью, получив свое название на все времена – Отечественная война*: народная, справедливая, победоносная,

7. Попутно заметим, что «слово… Родина (в значении "родная страна") первым начнет употреблять Г.Р. Державин лишь в конце XVIII столетия» [9, с. 203].

священная[8], связанная с приращением территории и мировым (тогдашняя Европа и была всем миром) доминированием. Следует заметить, что при всей своей случайности историческое событие пришлось на время, на удивление подходящее для окончательного утверждения мифа в национальной культуре. В наполеоновскую эпоху созидалась новая Европа: шло активное «государственное строительство», романтизировалась (и «придумывалась») национальная традиция, были заметны первые переживания национальной идентичности. В ходе общеевропейского процесса национального самоутверждения и у нас родилось Отечество – из войны, названной поэтому Отечественной. Вместе с появлением Отечества возникла патриотическая идея, стали складываться технологии ее продвижения.

Благодаря войне миф, лишь нащупанный, угаданный культурой, стал ее фактом и достоянием. *Разрозненные мифообразы сложились в миф национального уровня* – готовый фундамент для здания российской нации. Будучи воспет в литературно-художественной традиции, вершинами которой являются лермонтовское «Бородино» и толстовская эпопея «Война и мир», 1812 год и в народное историческое сознание вошел в мифологической форме. Этому способствовал тот факт, что после войны значительно расширился круг текстов, втянутых в поле притяжения мифа.

Современные исследователи считают, что процесс информирования о ходе военной кампании представлял собой не информационное обеспечение общества, а управление сознанием современников. Уже в ходе войны в опоре на опыт наполеоновской Франции «пропагандисты» (см. манифесты А.С. Шишкова, афиши Ф.В. Растопчина, публикации Н.И. Греча и др.) конструировали идеологию народной войны. Однако в послевоенной официальной версии события, созданной при Александре I и Николае I, в качестве коллективного героя фигурировал уже не «единый русский народ», а Российская империя – «наследница Священной империи германской нации». Русские представлялись в официозе неким священным воинством, орудием в «Божьем деле» – войне («великой брани») с «всемирным злом и неверием» [3, с. 160, 161, 168–169]. В противовес официозу, представившему версию «наднациональной» священной войны, «определенный сегмент российской элиты интерпретировал… столкновение как борьбу за национальную независимость России» [там же, с. 167, 168]. Не все смыслы, появившиеся в интерпретациях 1812 г., были приняты мифом. Главное – было отвергнуто представление о

8. Заметим, что категория «священная война», активно использовавшаяся в текстах о 1812 г., взята из лексикона западной культуры. В круге этих материалов тиражировались также метафоры «Россия – Священная империя славянской нации», «Освобождение Европы», русский император – «освободитель народов» [3, с. 216, 217].

наднациональном характере войны. Отечественная осталась в памяти народа как внутреннее дело, имеющее тем не менее «всемирно-историческое» значение.

В начале XIX в. произошел важнейший, пожалуй, после монголо-татарского нашествия и ига взаимообмен исторического и мифологического[9]. Реальная история Отечественной «вошла» в миф, найдя в нем живой и непосредственный отклик. *С этого времени миф священной войны, постоянно питаемый множащимися текстами об истории 12-го года, составлял рамку национального восприятия войны вообще*. Этот культурный механизм точно описан Б. Малиновским – правда, в отношении «примитивного» общества: «Миф в том виде, в каком он существует в общине дикарей, т.е. в своей живой примитивной форме, является не просто пересказываемой историей, а переживаемой реальностью… <Она>, как верят туземцы.., продолжает оказывать воздействие на мир и человеческие судьбы… Наше священное писание живет в наших обрядах, в нашей морали, руководит нашей верой и управляет нашим поведением; ту же роль играет и миф в жизни дикаря» [24, с. 98]. Это описание верно и для общества современного; его во многом направляют мифы национальной культуры.

События 1812–1814 гг. были с точки зрения мифа нашей «правильной» войной. Более того, единственно правильной – «*первой Отечественной*»[10]. Ее сложные «сюжеты» получали в текстах о ней (и благодаря им – в общественных представлениях) «правильное», т.е. соответствующее мифологической логике, объяснение. Пожалуй, самым травматичным военным событием для

9. Современники, кстати, видели связь двух вторжений – монгольского и французского: «Отечество стонет под игом новых татар», – писал патриотический журнал «Сын Отечества» [цит. по: 3, с. 169]. У одного мемуариста известие о появлении французских войск в пределах империи вызвало воспоминание о том, что «Россия была некогда подвластна татарам»; он уже «воображал себя пленником», и «эта участь устрашала» его [5, с. 172]. По аналогии с нападением татар наполеоновская агрессия воспринималась как нашествие – неуклонное, неумолимое, ведущее к установлению «ига»: «Быстрое занятие неприятелем городов внушало опасение, что этот поток ничто не остановит и что он скоро дойдет до нас и поглотит» [там же, с. 173].

10. Интересно, что последний всплеск текстов об Отечественной войне пришелся на начало XX в. К 100-летию 1812 г. было собрано и записано немало «передававшихся из поколения в поколение, бытовавших безымянно-устных повествований, близких к историческим преданиям фольклорного типа» [31, с. 63–64]. То есть именно этот пласт источников был в значительной степени мифологизирован. Ими транслировалось то представление о войне, которое утвердилось в культуре, став своего рода нормативным. Оно воспроизводилось и в научных исследованиях [см., напр.: 2 и др.]. «Народная», «Отечественная» – так вспоминали о войне 1812 г. накануне Первой мировой.

русского сознания оказалась сдача Москвы – кошмар гибели в пожаре столицы как бы вернулся из времен степных нашествий, Смуты. Травма «снималась» включением мифологической логики. В соответствии с ней событие выглядело как своего рода супержертва во имя победы[11]. Кроме того, его отчасти компенсировала трактовка решающего сражения оборонительной войны как победоносного. Во время войны это сражение, как известно, разочаровало русских. Вот одно из свидетельств: «Бородинский бой, составляющий славу русского оружия, не принес никакой отрады; он не обратил неприятеля назад, а этого-то желало робкое чувство безопасности. Напротив, как последствием его было отступление наших войск, то страх более усилился… Последний способ к защите: генеральное сражение, было дано и не послужило к лучшему» [5, с. 173]. Однако в течение всего XIX в. русские стремились переинтерпретировать это событие в безусловную для себя победу. И сейчас в мифологизированной истории 1812 г. Бородино предстает чем-то средним между выигрышем и «ничьей».

Ну, и конечно, все искупалось чудом Победы, религиозно-мистическая трактовка которой противилась, не поддавалась анализу. Классическую формулу этого «чуда» дал Пушкин в десятой главе «Евгения Онегина»: «Гроза двенадцатого года / Настала – кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима, иль русский Бог?» Кстати, здесь наш великий поэт, сам ставший мифом национальной культуры («наше всё»), явно позволил себе вольность, «назначив» героем народной войны немца и отодвинув так подходящего мифу Кутузова. Большинство современников судило иначе. «Неодобрение, даже ропот выражался на Барклая де Толли за отступление армий; его считали изменником, называли французом и утверждали, что сын его служит в армии Наполеона против нас, – свидетельствует житель г. Касимова Рязанской губ., заставший войну мальчиком. – Вот как верны были тогда слухи и мнения. Было всеобщее нетерпеливое желание... чтоб на место Барклая де Толли назначили русского генерала, и особенно смотрели, как на надежный щит, на Багратиона» [5, с. 173].

Тема Барклая как антигероя Отечественной – пожалуй, первое достаточно явное проявление особого механизма: *активизации в массовой культуре в связи с войной мифологемы «внутреннего» (скрытого, тайного) врага – по-*

11. Управляющий III Отделением Императорской канцелярии и начальник штаба корпуса жандармов граф А.Х. Бенкендорф вспоминал: «Довольно долго русское общество не желало признавать, что Москву сожгли сами русские: еще в начале 1813 г. большинство было убеждено, что московский пожар – дело рук французов. Но с течением времени… полностью изменило свой взгляд.., и "французское вандальство превратилось в жертву, принесенную русским народом… для спасения отечества"» [цит. по: 13, с. 283].

собника внешнего (возникла из проработки культурой исторического опыта ига, Смуты). Так объяснялись поражения, им придавался исключительный характер (они не обусловлены самой логикой войны и потому неизбежны, а как бы противоречат ей), а вина за них списывалась с русских и переносилась на «чужих» – даже не внешних врагов, что было бы естественно, а на «своих чужих» (внутренних «немцев»). Такова, видимо, реакция как «низовой», народной, так и «элитарной» традиционалистской культуры на неоднородность социума – сословно-статусную, экономическую, культурную, этническую.

Но вернемся к разговору о победоносно-экспансионистской логике мифа «первой Отечественной». Речь – в реальной войне и историческом мифе – шла о двойной победе над завоевателем: на своей территории и на европейском («чужом», занятом врагом) пространстве. «Освободительный поход» русской армии 1813–1814 гг. остался в нашей национальной памяти как победоносно-героический и едва ли не романтический исторический эпизод. И не оттого (или не только оттого), что мы «владели» Европой, пытались решать ее судьбу, а потому, что этот опыт дал нам, русским, толчок к осмыслению собственного прошлого и настоящего, требовал «улучшения», преобразования себя. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что история «первой Отечественной» как бы подтверждала мифологическую связь победы над внешним врагом (агрессором) и расширения территории Отечества. Одно неизбежно влекло за собой другое: пространственный рост / державное величие интерпретировалось в культуре как воздаяние за военные жертвы, уничтожение никем прежде не побежденного врага и освобождение порабощенных им народов.

И наконец, следует указать на еще одну связующую линию мифа и истории Отечественной. Тема русской жертвы и неоплатного долга <Запада>, ведущая в мифологическом сюжете нашествия / ига, соединилась в войне 1812 г. и мифе о ней с *темой превосходства над врагом*, определявшей сюжет победы. Тема превосходства, столь необходимая для идентификационной полноценности образа русского – этого европейского «отстающего», «ученика» Европы, – впервые получила историческое обоснование в XVIII в. (*благодаря военным победам* Петра, Елизаветы, Екатерины). Но окончательно она подтвердилась историей 1812 г. Изгнание Наполеона и освобождение Европы давали русским повод думать, что их опыт, запечатленный в оригинальной культуре и общем прошлом, более весóм и жизнеспособен, чем «европейский». Казалось, тем самым были дискредитированы не французские войска, а сами претензии Запада на лидерство / гегемонию / менторство. Война послужила «доказательством» глубинной правоты («правды») всего строя

жизни русского народа[12]. Ощущение этого превосходства и этой правды легло в основу новой идентичности, культивировавшей русское – не воспеванием достоинств этноса, а прославлением русской имперскости как милитаристского и культурного проекта.

Война 1812 года, открывшая лучший для русских – XIX в., – *указала наш путь «нациостроительства»*. В отличие от европейского, он милитарный, а не гражданский: через всеобщие сплочение, службу («не за страх, а за совесть», не прислуживаясь) и самоограничение перед лицом внешнего врага. *Нация у нас выходит из горнила войны, пусть и священной; механизмы ее сплочения имеют милитарную природу*. Поэтому интеграция любого рода в России, видимо, невозможна без отсылок к военному опыту, чрезвычайным ситуациям, без актуализации страха внешней агрессии и образа врага. Такой механизм сложился в момент рождения народа / государственности, закрепился в Смуту, сработал в начале XIX в. Однако специфика «первой Отечественной» была в том, что процесс национального самоопределения захватил прежде всего и в основном элиты.

Отечественная начала XIX в. была временем обретения Отечества «верхней», европеизированной субкультурой: появления у ее представителей национального чувства, горделивого осознания себя русскими и создания тем самым условий для роста из нее гражданского общества[13]. *В 12-м году в России появилась национальная элита – еще до рождения нации*. Это не просто особенность русского «нациостроения», но его изъян. Народ в войне получил лишь первое впечатление, первый опыт национального единения, который фактически не был отрефлектирован. Тогда еще не существовало массовых средств внесения этого опыта в народное сознание и его фиксации[14]. Возможности церковной проповеди и народного творчества были в этом смысле ограничены. Но главное – отсутствовали внутренняя готовность принять этот

12. Неслучайно, более того, закономерно, что «победа стала основой для официального утверждения легитимирующего мифа о правильности российской монархии и обеспеченного ею социального порядка» [3, с. 223].

13. В.О. Ключевский отмечал важную перемену, «совершившуюся в том поколении, которое сменило екатерининских вольнодумцев; веселая космополитическая сентиментальность отцов превратилась… в детях в патриотическую скорбь. Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими». Ключевский называет это «настроением… поколения, которое сделало 14 декабря» [16, с. 420].

14. Хотя попытки такого рода предпринимались уже во время войны. В «Сыне Отечества», например, для «обращения к простонародью» использовались возможности фольклорной речи и сатирических картинок. Военные истории «стилизовались под народные былины или сказания, сопровождались а-ля лубочными иллюстрациями» [3, с. 160, 161].

опыт, способность выработать на его основе национальное самосознание, которые даются просвещением, долгой культурной работой, а также практикой свободной самореализации, самоощущением свободного человека.

Тем не менее война вызвала важные изменения и в народном (крестьянском) мироощущении. 1812-й год напитал новой живительной силой «старомосковскую» народную веру в царя – защитника и заступника / покровителя, укрепив традиционную ментальную основу отношений массы народонаселения и власти. Снимались сомнения в народном характере верховной власти, порожденные петровскими новациями, всем «дворянским» (иными словами, «антикрестьянским») XVIII в. Из священной войны царская власть вышла как бы очищенной от неправд, «исправленной», а потому служба и покорность ей получали высшее обоснование. Крестьянская Россия и царь вновь слились в народном мировоззрении. *В победоносной Отечественной 1812 г. – народная легитимация романовской империи; ею был поставлен крест на пугачевщине*. Эта символическая основа властенародного единства, стабилизировавшая общественный порядок, стала разрушаться только в ходе тиктанического социального сдвига последней трети XIX – начала XX в.

Парадоксальным образом из Отечественной вышел также могильщик монархии (как оказалось, и империи), получивший в войне тот эмансипационный заряд, что необходим для самоопределения. *С 12-го года начинается отсчет самостоятельного бытия элит*, точнее *их инобытия* – они внутренне освободились *от* (породившей их когда-то) *власти*. Ощутив свою отдельность от власти, разделив в сознании ее и Отечество, сделав антивластность основой собственной идентичности, элиты (для начала XX в. уместно объединять их термином «интеллигенция», но при этом следует понимать, что это не только «отщепенцы» «общественники» и «художественники», но и административно-управленческая, бизнес-, военная и т.п. элиты) вступили на путь, который привел к Февралю 17-го. Первой вехой на этом пути была попытка антидворцового – не дворцового, заметьте – переворота декабристов (или антисамодержавная революция дворянской аристократии).

Вторая Отечественная: Режим и вождь в народной войне

Войны, как и всякие (особенно самые важные) события в жизни, начинаются совсем не так, как ожидают. Произнося слова о неизбежности войны, формируя атмосферу «предвоенности», люди, как правило, не верят, что война может стать реальностью. Даже политикам свойственно недооценивать риски, совершать ошибки. Любая война, особенно просчитанная и предсказанная, оказывается в той или иной мере неожиданной и внезапной. Для нашей же страны «вероломное нападение» – пожалуй, классический случай начала войны. Так и начинаются в России Отечественные. И все же 22 июня

1941 г. является вопиющим примером всеобщей растерянности и распада в ситуации, «под» которую годами «затачивали» страну.

То, как СССР встретил войну, во многом, как мне кажется, объясняется природой сталинского режима. О нем, конечно, можно сказать много, но мою тему определяет одно. Живя войной и с войны, конструируя реальность в милитарных категориях, он внутренне не был готов к противостоянию с реальным врагом. При всех своих ужасающей жестокости и диком прагматизме, умении ставить и решать большие задачи (от Великих строек до Большого террора), режим 1930-х – начала 1940-х был насквозь иллюзорен: являлся фабрикой социальных грез, производя иллюзии и заставляя все население участвовать в их распространении[15]. Это лучше всего демонстрирует культивировавшийся в те годы образ войны. Людям годами навязывалось сознание того, что страна обречена на войну («война на пороге» – советское предвоенное клише). Подготовка к этому неизбежному испытанию – одно из главных оснований легитимности режима. И он действительно готовился воевать, но явно не планировал Отечественной. Поразительно, насколько безответственно несерьезный, облегченный, опереточный образ войны предлагал ее будущим участникам тот, кто их к ней вел: «победоносная война» «малой кровью» «на вражеской территории».

Людей настраивали не на реальную, а на иллюзорную, «экранную», «постановочную» войну[16]. А в 39-м ее вообще «отменили» – внезапно, вдруг,

15. Эти «грезы» (т.е. тиражные творения социальных конструкторов-соцреалистов) суть самоописания, самопредставления системы. Между ними и реальностью был, конечно, гигантский зазор. Но в том, как система себя описывала, проявлялось ее существо. Она выживала, производя двойную реальность, транслируя идеальные образы себя (фиксировали, какими должны быть народ, власть, их ценности и быт). В «совершенно искусственном, воображаемом сюжетном пространстве» «действовали условия, невидимые, скрытые враги и герои, возникали смертельные угрозы всему целому и избавления от них. Но весь этот мир был принципиально непроверяем, неподконтролен частному опыту, поскольку… держался на непреодолимом разрыве между планом коллективных событий и повседневной жизнью» [7, с. 614].

16. Не случайно главным инструментом продвижения образа в массы являлся киноэкран. По мнению исследователей, кино тех лет, «предвоенный сталинский киноэкран сливался с действительностью, замещал ее… Сознательно высветленное и тщательно профильтрованное киноизображение своей исконной документальностью и убеждающей фактографичностью уверяло, что "жить стало лучше, жить стало веселее" (Сталин)». В рамки «экрана-праздника» 1930-х легко вписалось кино «оборонной тематики». Даже в первые месяцы войны «на киноэкране продолжалась военная игра, где деревенские старушки и дети разоблачали переодетых германских шпионов, в оккупированных городах Восточной Европы действовало мощное подпольное Сопротивление, а в любом фронтовом поединке советский боец легко побеждал неловкого врага» [14, с. 379, 380]. Исключение составлял, пожалуй, только

без объяснения причин: союз с Германией. Главный враг исчез – остались навязанная пропагандой уверенность в интернационализме и солидарности с СССР немецкого рабочего, а также вполне понятные недоумение и вопросы у рабочего (и не только) советского, гасившиеся внутренней самоцензурой[17]. Зимой 1939–1940 гг. провели – и для массового «зрителя» вполне успешно – репетицию «маленькой победоносной войны». Все как-то совпало с 60-летним юбилеем товарища Сталина. Атмосфера праздника укрепляла уверенность советских людей в светлом будущем. Начало Второй мировой, по существу, игнорировалось. *Завороженный иллюзиями режима, СССР не заметил реальности истории*. Жил как бы в параллельном времени, в другой действительности.

И этот импульс – отключиться от реальности – явно шел от вождя. Система, сведенная к одному человеку (Творцу – в том смысле, что он и являлся ее Истиной), была исключительно чувствительна к его представлениям, настроениям, анализам и прогнозам, решениям, кадровой политике. Это неизбежно и естественно – он так ее и творил: для и под себя. В 30-е в своей стране вождь шел от победы к победе, отчего наступило своего рода «головокружение от успехов». Будущее виделось ему в проекции прошлого – без поражений. Это касалось и «большой» (внешней) политики, и войны.

Утвердившись у власти и строя свой порядок на разжигании гражданской войны, Сталин, видимо, полагал, что способен на столь же успешное управление европейскими конфликтами, режиссирование европейской войны. Кстати, он мыслил ее по известному ему примеру – Первой мировой; вероятно, хотел имперского реванша, наказания победителей (они же: интервенты) – и руками Гитлера, и вместе с ним (в форме «анти-Антанты–2»: советско-германского или советско-итало-германского блока). В «перманентной» войне Сталин явно видел больше пользы, чем в ленинско-троцкистских безумиях – всемирной, «перманентной» и т.п. революции. Образ (как и практика) войны «малой» были рассчитаны в основном на внутреннее потребление. Представляется, что наш вождь был так же захвачен идеей передела мира в новой большой (мировой) войне, как и немецкий[18]. Вот только война –

«Невский» (с его «Вставайте, люди русские!»), но он «заработал» во всю силу уже во время настоящей войны.

17. «Советские граждане, – как точно подметили современные исследователи сталинизма, – выработали тонкое искусство укрывать свои частные сомнения или свою внутреннюю сущность за публичным фасадом конформизма. Еще больше людей просто не разбирались в своих позициях» [15, с. 81].

18. При этом для Сталина союз с Германией был явно предпочтительнее войны с нею. Причина – не только в близости природы режимов (антидемократичности, репрессивности, милитарности, популизме) и их лидеров (типа лидерства). Сталин видел сходство в задачах и потенциалах двух стран. Так, в убийстве Рема и других

всерьез, не по «периметру», а с другими претендентами на мировое господство – виделась ему в 1930-е годы отдаленной перспективой. СССР должен был провоцировать, пользоваться плодами, «наращивать мощь», но не участвовать. Иначе политика Сталина (и внутренняя и внешняя) кануна войны (1936–1941) необъяснима, не имеет внутренней логики. Вождь решил, что время еще есть, – и люди, страны, история должны были ему подчиниться. Ведь научилась же соответствовать его представлениям о действительности его страна.

Тем ужаснее для СССР и Сталина была катастрофа 41-го года. Показательно, что пока страна умирала, попадала в плен, оккупацию, страдала от бомбежек и не могла поверить в происходящее, «ее все» («ум, честь и совесть») просто исчез – из публичного пространства, которое до того никогда не покидал и всегда центрировал на себя[19]. «Хитрый режиссер собственной славы, Сталин спрятался в дни поражений. Он появится лишь после Сталинградской битвы» [14, с. 379–380], – указывает исследователь. Справедливости ради заметим, что это не единственный национальный лидер, ушедший в «тень» на первом этапе Отечественной. Стратегию самоизоляции избрал во времена поражений 1812 г. Александр I, причем ее исследовательское объяснение – ожидание Божьего суда[20] – представляется по меньшей мере непол-

штурмовиков он усматривал окончание «партийного» периода в истории немецкого национал-социализма и начало «государственного» [15, с. 320]. Вероятно, тем же был для него 1937-й год. А после войны Сталин отмечал, что германский и советский народы «обладают наибольшими потенциями в Европе для свершения больших акций мирового значения» [цит. по: 4, с. 453].

19. Историки кино отмечают: в первый период войны «на экране почти нет изображений Сталина. Ни в хронике, ни даже на портретах и плакатах внутри кадров…» [14, с. 379]. До ноября 41-го – только одно обращение: на радио, 3 июля, к «братьям и сестрам» [см.: 29]. Показательно, что реального вождя (как и настоящих полководцев, героев труда и т.д.) в деле мобилизации на Отечественную заменили звезды экрана – даже не киноактеры, а экранные образы, киногерои, бывшие кумирами советской толпы: Чапаев – Б. Бабочкин (киноновелла «Чапаев с нами», 31 июля 1941 г.), Максим – Б. Чирков («Боевой киносборник № 1»), почтальонша Стрелка – Л. Орлова (киносборник № 4) и др. [см.: 14, с. 379]. Фактором мобилизации на реальную войну стала иллюзия: персонификаторы образа изобильной, счастливой, свободной советской мирной жизни теперь поднимали народ на отпор врагу, чтобы отстоять эту жизнь. Бóльшего авторитета, лучшего «агента влияния» в стране победившей иллюзии не было.

20. «В версии православной церкви русский человек в таких обстоятельствах должен терпеть и молиться. Оттого-то Александр I был пассивным наблюдателем происходящего. И он действительно не принимал участия в летней кампании: ждал решения своей личной судьбы, судьбы подданных и… молился. Перелом в ходе войны был воспринят им как божественный приговор Наполеону и прощение России. Лишь

ным. Личные вера, мистицизм, страх и отчаяние персонификатора – дело второстепенное; главное в том, что военных поражений не терпит русская власть. И это «ощущение» / опасность – иного порядка, чем нетерпимость к ним любой другой власти.

Нашей власти поражения противопоказаны – как сигнал уязвимости, нетотальности, «несверхъестественности»; они лишают ее субстанциальности. Милитарный властецентричный социальный порядок отрицает неудачливого в этом смысле персонификатора. Человек власти боится и бежит от поражений, не желает нести за них ответственность, переадресуя ее другим – своим полководцам (в сталинские времена, чтобы понести «заслуженное наказание», им уже не надо было иметь немецкие фамилии), солдатам, народу. Власть оставляет публичное пространство («прячется» в «тени»), чтобы дождаться перелома к победе. На публику же выходит в героическом ореоле; в его блеске поражения забываются (растворяются в «тени» побед).

Вот здесь, пожалуй, ответ на главный для власти (и режима) вопрос 41-го года: что произошло со Сталиным в начале войны? Почему он не стал единственным выразителем идеи и организатором практики Отечественной (ведь именно этого ожидали от власти, приучившей народ к мысли, что она здесь – всё)? Впервые начавшуюся войну Отечественной назвал 23 июня 1941 г. в «Правде» один из немногих в тогдашней партии большевиков с дореволюционным стажем, верный сталинец Ем. Ярославский [40]. Он ссылался при этом на войну 1812 г., но явно использовал и пропагандистский опыт Первой мировой. И это знаковый момент. Назвать решающее для страны событие и тем самым придать ему смысл в «Сталин-системе» мог только один человек – Сталин. Потому что (повторю) он и был системой. Сталин этого не сделал. И верховным главкомом назначил себя только 8 августа. Сталин «отпустил» войну, не имея возможностей управлять ею так, как привык – подавляя, уничтожая, контролируя и направляя всё и вся. Это значит, что *с началом войны система стала меняться: от «Сталин-системы» – к сталинской* (из множества вождей, «сталинцев», тех кадров, которые решали все, состоявшей).

Когда началась война, Сталин не был вождем сражающегося насмерть народа – только персонификатором власти, режима. Причем власти, неожиданно лишившейся перспективы, утратившей самоуверенность, режима, не выдержавшего испытания войной. В ситуации режимного паралича война пошла самотеком, потребовав от всех и каждого самостоятельных решений, самостоятельного выбора. Мобилизация на Отечественную имела значитель-

после того, как священное решение стало очевидным, император почел себя вправе стать участником военной эпопеи» [3, с. 176].

ный элемент стихийности, самодеятельности. В особенности это касается мобилизации символической, цель которой – поднять население на отпор врагу, а главные инструменты – патриотическая риторика и патриотические воспоминания.

В первые же дни и месяцы 1941 г. патриотическое массовое искусство (песня и кино, стихотворение и газетный очерк, плакат, карикатура и др.) сформулировало важнейшие темы, обнаружило жанры и сюжеты, способные дать наибольший пропагандистский эффект. Они были не интернационалистскими, классовыми, социалистическими, а народно-освободительными. Страна запела «Священную войну» (определение войны как «священной / отечественной / народной» и указание на то, при каком условии она обретает такое качество: «Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой»; «Пусть ярость благородная вскипает как волна» – главная находка военного масскульта); откликаясь на зов Матери-Родины, записывалась «добровольцем»; вспомнила о провале исторической попытки внешней агрессии (например, в популярной короткометражке «Случай на телеграфе» из августовского 41-го «Боевого киносборника» Наполеон посылал депешу Гитлеру: «пробовал зпт не советую тчк»). Отношение к врагу формировала «публицистика ненависти»; ее определяли «Убей немца!» И. Эренбурга (и симоновский рефрен «Убей его!»), «Призываю к ненависти» А. Толстого и др. Первые же «Боевые киносборники», вышедшие в августе 1941 г., сопровождали экранные лозунги: «Все для фронта! Все для победы!», «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» [14, с. 377–378].

И все это вовсе не результат единой, спланированной «сверху» кампании, жесткого и четкого госпартийного руководства, но выражение «низового», массового, народного порыва – на «смертный бой не ради славы, / ради жизни на земле». Деятели официального, соцреалистического искусства 30-х, продвигавшие его в массы в соответствии с директивами партии и лично вождя, не принадлежали больше агитпропу в самом пошлом значении этого слова. Они не только (а может, и не столько) служили режиму, но нашли поле своего сражения в Отечественной: стали голосом воюющего и погибающего народа. А слова / образы обнаруживали и в дне сегодняшнем, и в прошлом.

Военный масскульт (повторю: будучи подцензурным и в этом смысле официальным, он не остался пошло и подло пропагандистским[21]), призванный «мобилизовать население на упорный, почти каторжный труд и исключительные проявления личного героизма», был эффективен потому, что резонировал с «естественными человеческими стремлениями выжить, победить,

21. Например, советское кино военных лет, «начав как агитационно-пропагандистское», стало «народным киноискусством» [14, с. 387[.

отомстить» [19, с. 329][22]. Чрезвычайный мобилизационный эффект имело «натуралистическое» искусство, фиксировавшее горе и смерть, горькую правду войны. Это касается прежде всего кино, отданного в 30-е во власть «бесчеловечного владычества выдумки» (Б. Пастернак). «Страдание, боль, разлуки, потери, слезы, голод, страх – все это, изгнанное с экрана в 1930-х, вынуждена была легализовать война» [14, с. 382]. Жесткая военная цензура, не допускавшая в кадр зрелище поражений и смерти, капитулировала перед страшным натурализмом «Разгрома немецко-фашистских войск под Москвой» (1942), «Она защищает Родину» (1943), «Радуги» (1944) [там же, с. 383–387] То было «кино ненависти», обличавшее врага и звавшее к возмездию. Из соединения народного чувства и патриотического масскульта в первые месяцы войны родился «стихийный яростный патриотизм»[23].

Имело массовое искусство тех лет и другую, психотерапевтическую функцию. Военные литература, кино, музыка давали людям нравственную поддержку; создавали то смысловое пространство, где получали объяснение переносимые ими страдания. Например, легализованную войной любовную лирику М.О. Чудакова сравнивает с фронтовыми «100 граммами», которые выдавали солдатам перед боем [35, с. 239]. Ю.С. Пивоваров считает, что «Жди меня», «Темная ночь» (знаменитая песня из фильма «Два бойца», 1944) и проч. заменили людям, порвавшим связи с церковью / Богом, молитву; стали своего рода военным символом веры. Страстное, отчаянное, всенародное ожидание Победы отчасти разряжалось в условно-счастливом, «праздничном» кино (одна из его вершин – «В шесть часов вечера после войны», 1944). Охватывая всех и обращаясь к каждому, военный масскульт в лучших своих проявлениях стал высоким освобождающим искусством, преобразующим системную «человекоединицу» в личность.

Неожиданно быстрые и поразительно точные находки патриотического масскульта «брались» не только из личного таланта авторов или переданного ими народного инстинкта, обостренного войной. Они шли из самого естества национальной культуры, переработанного ею опыта, проводниками которого являлись культурные деятели. Одно это доказывало, что не все связи с прошлым были разорваны, не все забыто и разрушено. Культурная, «ментальная» мобилизация на Отечественную в 1941–1942 гг. напомнила о том, что история народа – не открытое, ничем не защищенное, «необработанное» поле («пустошь») для тотальной переделки в интересах текущей политики и

22. Автор, кстати, указывает на изменение с начала войны цензурного режима, благодаря чему только и могли появиться в печати стихотворения К. Симонова, военные песни, поэма А. Твардовского «Василий Тёркин» и др. [19, с. 330].

23. Определение И. Кукулина [19, с. 329].

текущих политиков, а источник национальных сил, питающий надежды нации на будущее.

С первых же дней *война* была помещена в историческую перспективу, *рассматривалась сквозь призму образов прошлого*, отчасти уже известных советскому человеку с довоенных времен. Но именно *Отечественная связала их с живой жизнью, вплела в настоящее*. «На войне нам открылась история, ожили страницы книг. Герои прошлого перешли из учебников в блиндажи. Кто не пережил двенадцатый год как близкую и понятную повесть? Какой комсомолец не возмущен развалинами Кремля в Новгороде?» [39], – писал в 1942 г. И. Эренбург. Исторические отсылки во множестве встречаются в публицистике А.Н. Толстого. Вот только один пример: «Навстречу тотальной войне встала сила народной войны. Навстречу развязанному зверю встала собранная, воодушевленная любовью к родине и правде, нравственная сила советского народа… Вот я сижу на высоком и крутом берегу Волги, у подножия памятника Валерия Чкалова… Направо от него – древний <Нижегородский> белый кремль… Отсюда в самую тяжелую из годин поднялся народ на оборону государства» [32, с. 492].

В 1941-м (да и в 42-м) при дефиците побед и новых героев патриотические воспоминания имели особое значение. Истории о национальных победах стали важнейшим фактором мобилизации. Их сила в том, что они указывали на возможность не просто выстоять, но и победить, «приложить» к безнадежной, казалось бы, ситуации победную логику. Наиболее «эффективными» в этом отношении были события 1812 и 1612 гг., поэтому и вспоминали их чаще. Воспоминания же неизбежно «взывали» к мифу священной войны. И здесь срезонировали два процесса. Ужас тотальной войны на уничтожение дал народу ощущение «последней минуты», которое «запустило» процесс мифологического осмысления происходившего. Отсылка же к соответствующему историческому опыту и связанной с ним информационно-символической «базе» актуализировала тот настрой на Отечественную (справедливую и освободительную), который столетиями реализовывался в истории, формировался в мифе и мифом.

Миф священной войны приобрел тогда как бы практическое значение, предлагая «правильное» (в рамках нашей культуры и в той ситуации) объяснение происходившего и «правильное» решение. Он настраивал на тотальную войну, сводя весь мир и все жизни к единственному противостоянию: «мы» – «они». Миф смирял с безумием, неизвестностью, трагедией первых месяцев войны: все дело в вероломном нападении («мы взяты врасплох»), в силе агрессора. Наконец, миф давал ощущение, что отступление, оккупация, поражения первого этапа войны при всем их ужасе еще не конец – главное будет потом. И в то же время «предуказывал», что расплата за это «главное» будет страшной. В мифологизированном народном сознании жило предощу-

щение невиданной жертвы, которую потребует священная война (более того, понимание, что только жертвенность народная и делает ее священной). Не будем, конечно, забывать, что в советской политической мифологии в 1920–1930-е формировался (и довольно успешно) культ жертвенности[24]. Советского человека готовили к самопожертвованию – сначала во имя «светлого будущего всех трудящихся», потом – чтобы «жила… страна родная». Это не в последнюю очередь помогло ему победить, *выстрадать победу*. Но в конечном счете с безмерностью цены могло примирить только одно – народная вера в неизбежность Чуда Победы[25]. И она тоже брала начало в мифе, им поддерживалась.

В целом можно сказать, что *миф священной войны, сама русская культура сыграли в 1941–1942 гг. свою патриотическую, мобилизационную роль*. Ни революционно-нигилистическое отношение к традициям в 1920-е, ни сталинская державно-вождистская переделка истории не смогли добить живительную «генетическую» связь человека, людей, народов, живших в СССР, с многовековой культурой. Война, а не исторический конструктивизм режима 30-х (по нещадности, враждебности к национальной истории не имеющий аналогов) оживили то ощущение, какое только и может быть признано патриотическим: эта земля наша и мы за нее отвечаем.

Первые пропагандистские, мобилизационные действия власти, эпизодические и бессистемные, не могут быть поняты и адекватно оценены вне учета этого контекста, этих обстоятельств. *Власть больше не указывала направление народного движения – оно обозначилось и без нее*. «Братья и сестры» /

24. «С политической мифологией связан особый механизм управления людьми: они должны не просто бояться наказания и подчиняться приказам, но искренне и глубоко верить в необходимость и справедливость такого положения вещей, которое обрекает их на жертвы и лишения. Советская литература и искусство талантливо разработали такую тему, как этика и даже эстетика жертвы… Предполагалось, что жертвы не только оправданы, но и необходимы, причем более всего ценилось принесение в жертву самого себя – самопожертвование» [33, с. 48].

25. Русский народ, вообще, приучен к идее чуда (невозможное, если в него верить, обязательно свершится). В народной культуре господствовало сказочное, мифологическое, утопическое отношение к миру. Это продемонстрировала социальная практика XX в. Атмосфера чуда оживилась в войну. О чудесном заговорил даже вождь. «Отечественная война показала, что советский народ способен творить чудеса и выходить победителем из самых тяжелых испытаний», – сказано в приказе верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. [30, с. 144]. Правда, разговоры Сталина о чудесном имеют вполне практическое объяснение: у чуда нет цены; если победы – следствие сверхъестественных способностей народа, снимается вопрос об ужасающих военных жертвах. Это один из примеров того, как режим «ловил» народ, метя в самое естество, в его представления о себе, как использовал в своих интересах особенности народного миропонимания.

«друзья мои», определение характера войны как Отечественной, великой и всенародной, справедливой и освободительной, знаменитый исторический ряд героев – спасителей Отечества, возникшие в сталинских обращениях к народу 1941 г. [см.: 29, с. 7–34], – не первоосновы (отправные моменты), а лишь элементы военного патриотического проекта. В деле его формирования власть / вождь оказались ведомыми; направлялись же они той силой, о которой со времен революции основательно подзабыли – народом (но не его инстинктом саморазрушения, использованным ими в 17-м, а волей к самосохранению, питаемой неразрывной связью с пространством-Отечеством).

Это предполагало основательную перестройку не только властной риторики и символики, но и политики (внутренней и внешней). Пусть некоторые меры и означали для режима проблемы в будущем (например, смещение центра тяжести в руководстве от партийных, идеологических к государственным, т.е. собственно бюрократическим, органам[26], «свертывание» привычной – социалистической, интернационалистской – основы идеологии и возрождение церкви, этого идеологического конкурента, союз с западными демократиями и др.), в войну, особенно в период поражений, они были необходимы. Режим формировал условия, в которых люди могли бы демонстрировать ему даже не пассивную лояльность, а приверженность, защищая его вместе с Отечеством. Это прежде всего означало признание приоритета идеи Отечества, национально-патриотических ценностей над режимной (уже не «марксистско-ленинской», а сталинско-ленинской) идеологией и «перепроектирование» идентичности – отказ от социальной, классовой в пользу национальной (национально-государственной, народно-державной). Только так можно было «идентифицировать свои интересы с интересами народа и возглавить патриотический подъем»[27].

Бытует мнение, что такая трансформация уже состоялась до войны, в середине 1930-х годов, и национальная (точнее, национал-имперская) идеология, преемственно связанная с дореволюционным имперским проектом, стала

26. В дни войны государственная бюрократия стала основным организатором; партийный аппарат играл только вспомогательную роль [см. об этом, напр.: 20, с. 228]. Милитаризация и «экономизация» партии, ее полное подчинение боевым и военно-экономическим задачам, придание «марксистско-ленинской» идеологии (прежде всего, теории классовой борьбы) инструментального, функционального значения вели к утрате партией властной самостоятельности, ставили под вопрос ее существование как правящего института. Это признавалось и активно обсуждалось в «верхах» после войны [см.: там же, с. 238–239, 550]. Результатом стало окончательное слияние партийного и бюрократического, что вело к обветшанию идеологии и торжеству партбюрократии, все больше переориентировавшейся с социального управления на самообеспечение.

27. Так главную задачу власти в войну определяли М. Геллер, А. Некрич [4, с. 452].

идеологическим основанием сталинизма[28]. Сказать, что это не совсем так, значило бы не сказать ничего. Очевидно, что до войны сталинский режим пытался синтезировать две идеи – социальную (социалистическую) и национальную (в традиционно российском, державном изводе)[29]. Характер синтеза был обусловлен спецификой режима – в нем соединялось несоединимое: акцент на национальное (т.е. традиционное) сочетался с «социалистической»

28. «Великое отступление» после 1934 г., т.е. «изменение в сторону… националистического мировоззрения», современные исследователи сталинизма вписывают в более широкий контекст «формирования национальной идентичности на народном уровне» [15, с. 127]. При этом указывают на постепенное возобладание в политике «преемственности» над «сдвигами» [см., напр.: 37, с. 81], апелляцию режима 30-х к дореволюционной великодержавно-патриотической традиции. Весьма распространен следующий взгляд: «В предвоенные годы основой советской пропаганды стала имперско-националистическая идеология в социалистической "перекодировке", окончательно оформившаяся после заключения "пакта Молотова–Риббентропа"» [см.: 19, с. 329]. Здесь следует указать на три момента. Во-первых, речь шла об «изобретении» / конструировании в интересах режима традиции, которую – в тех же интересах – уничтожали все 1920-е годы. Отождествление сталинского СССР и дореволюционной («вечной», исторической) России – лишь пропагандистский ход. Между ними уже не было связи. Во-вторых, не революция, а реставрация добивает старый порядок. Апеллируя к прошлому и «переделывая» его, Сталин окончательно избавил от него советский народ. И наконец, искусственность и чрезмерность сталинского национализма 1930-х объясняется тем, что он был негативной реакцией на большевистско-коминтерновский интернационализм и экспериментализм 1920-х.

29. Говоря о «реабилитации» Сталиным «русского патриотизма, русского национализма», вернемся к аргументации М. Геллера и А. Некрича: «Завершив создание своего государства, Сталин нуждается в цементирующей идее, которую не мог дать ортодоксальный марксизм с его обещанием "отмирания государства". Цементирующей идеей становится патриотизм, который называют советским, но который все чаще звучит как русский. Для Сталина важно было, что русский патриотизм имел подлинные корни в русском народе, кроме того, русская история давала материал для воспитания в советских людях некоторых нужных Вождю качеств: верности государству, верности самодержцу, воинской отваги. Сталин выбирает из русского прошлого то, что ему нужно: героев, черты характера, врагов, которых следует ненавидеть, друзей, которых нужно любить… Советская история, препарированная Сталиным, приобретает вид чудовищного гибрида: национализма и марксизма… Схема ортодоксального марксизма о борьбе классов хитроумно увязывается со схемой ортодоксального национализма» [4, с. 289–290]. Собственно, о том же писал Э. Морен: «Исторический гений Сталина заключается в том, что он совершил интеграцию социализм↔нация, одновременно создав религиозную марксократическую власть, аналог власти теократической: и та, и другая являются держателями абсолютной Истины, Авторитета… Сталин понимал значение идей, мифа, контроля за коммуникацией, манипулирования информацией, в то время как марксизм, замкнувшийся на "производительных силах", был и продолжает оставаться совершенно несостоятельным в этих областях» [26, с. 90, 122].

переделкой «пережитков старого мира», а интегративная национальная идея – с разобщающей идеологией классовой борьбы, главное требование которой – «убей врага!» (как вне, так и внутри страны). На практике получалась совершенная нелепица, последовательное извращение каждой из идей.

Социалистическое переустройство было неосуществимо без национальной солидарности / сплочения, а велось в режиме перманентной гражданской войны. Устойчивого ощущения общности в таких условиях возникнуть не могло. *Советский народ 30-х – лишь пропагандистское режимное клише*. Идеологией «строительства социализма в одной стране» были в одно и то же время национализм / национальное (это естественно: то, что получалось, строили все же во вполне – исторически, географически, культурно – определенном пространстве) и борьба с ним. Интегративная идея «социалистического национализма» в большевистском, ленинско-сталинском, варианте означала «коренную переделку» традиционного русского человека и его жизненного уклада. Это демонстрировала национальная практика социалистического строительства – прежде всего коллективизация и культурная революция. Только в корне «переделанная» (т.е. утратившая важнейшие признаки, качества национального) нация могла считаться «в основном социалистической». Конструируя и культивируя национализм, режим в то же время уничтожал его естественную основу. В качестве же традиционного сохранялось только то, что было полезно для режимной стабильности: культура несвободы и репрессивности, ориентации на подчинение / «подданичество», иерархичность, милитарность, страх другого и т.п.

Таким образом, от власти в 1930-е годы одновременно поступали как интеграционные, так и дезинтегрирующие импульсы, что вело к социальному расстройству (перманентному кризису – психологическому, этическому, культурному). Тем не менее следует признать, что именно *в конце 1930-х обозначился идеологический проект, который был способен обеспечить советской власти общественную поддержку*. Наибольший эффект давало самоотождествление с патриотизмом, отсылающим к прошлому, национальным традициям, и с прогрессом, т.е. революционным социальным проектом, образом социалистического и интернационального будущего (создание «светлого завтра» для всего человечества – это завораживающе высокая претензия)[30]. Но в 30-е проект был именно обозначен, последовательно же не

30. Все элементы этого проекта имели мощный мобилизационный потенциал; при этом по-разному воздействовали на различные социальные слои. Скажем, для выживших «старых элит», а также для менее образованных и более пожилых советских людей более значима была связь с традицией (через культуру и традиционные институты, начиная с православной церкви); для молодых (особенно образованных горожан) – идея социалистического прогресса. И так далее.

реализовывался. *Режим применял его фрагментарно, ситуативно, с циничным прагматизмом*: энтузиазм строителей пятилеток направлялся и поддерживался обещанием социализма и его ожиданием; в войну делалась ставка на патриотизм.

«Развитой сталинизм» есть сложное соединение примитивных, противоречащих друг другу стратегий «переработки» исходной социальности. И национально-патриотическая идея служила той же цели – «переработать» в интересах режима[31]. Скрепляющим началом для всех этих конфликтующих между собой стратегий могло стать лишь принуждение (тотальное государственное насилие, угроза насилия, страх перед насилием). Только примитивнейшее управленческое средство способно заставить работать социальный механизм в крайне травматичных для него условиях. Однако военная реальность настоятельно требовала иных средств, иных стратегий. Первоочередной была нужда в согласии и определенности: *режим и народ «договорились», признав защиту Отечества единственной ценностью, основой всеобщего сплочения и мобилизации*. Это договор на уровне высоких, «предельных» даже ценностей, существо которого очень точно передал потом Б. Окуджава: «Мы за ценой не постоим». Он скреплен патриотизмом стоявших насмерть, но не сдавшихся. На такой высоте невозможно было держаться долго; военный патриотический проект был обречен поэтому на краткосрочность, подлежал пересмотру после войны.

Из этого «договора» и родился властенародный режим, который только и способен побеждать в Отечественных. Местом рождения стал Сталинград (хотя и Москва была важнейшей вехой на этом пути)[32]. Не было больше – в высоком, высшем даже смысле – отдельно власти, отдельно народа; они слились – и устремились к общей Великой Победе. (То же, замечу, случилось в 1812 г. после освобождения столицы.) Одновременно произошло взаимо-

31. Национализм, имевший преимущественно милитарный, мобилизационный характер, культивировался властью по причине своей «полезности»: «Сталин использует (берет на вооружение) русский национализм, как он использовал множество других самых различных кирпичей для строительства своей империи. Русский национализм необходим Сталину для легитимизации своей власти…» [4, с. 260].

32. Не случайно именно в тот момент, во время битвы под Москвой, «возвращается» власть. Сталинград качнул опять к «Сталин-системе», с лихвой вернул власти растраченную в поражениях властную субъектность. Почти полностью утратив легитимность летом-осенью 1941 г., власть наращивала ее от победы к победе. Она не только вела и направляла, руководя рутинной военной работой, но и «сосредоточивалась», готовясь к новому броску на социум, к новому этапу его «переработки». В этом суть сталинской власти: она не могла не «перерабатывать», используя привычное средство – репрессию, принуждение. Ее проблема была в том, что военно-послевоенный социум «перерос» это средство.

проникновение режимного и народного. Режим растворился в народном, народ в советском (одно из внешних проявлений этого – массовое «хождение» фронтовиков в партию). *Произошел «коренной перелом» – не только военный, но и ментальный, имевший важнейшие социальные последствия*.

Война 1941–1945 гг. стала самым тяжелым потрясением в нашей современной истории, изменившим и народ, и власть. Трансформировались сами основы существования режима. Величие и трагедия Отечественной высветила его неправду, дав ему в то же время подлинную, живую легитимность. Причем легитимность традиционную, укорененную в культуре: сражавшейся вместе с народом и во главе его власти. Народ же обрел в Отечественной собственную идентичность – тоже через связь с историей, традицией. В войне сформировалась основа «властенародного» единства; ею были заложены основы «новой исторической общности людей».

Естественно возникал вопрос: что будет дальше? И здесь следует учитывать несколько обстоятельств. Советские люди предвоенного «образца», привыкшие к чрезвычайщине, репрессивности, к существованию на грани жизни и смерти, воспитанные войной и для войны, выдержали ее нечеловеческое напряжение. И надорвались – после Великой Отечественной война для нас возможна только как воспоминание. В рамках *послевоенного* порядка запустился процесс разложения раннесоветской мобилизационной системы.

В войне и войной закончился «развитой сталинизм» (1929–1941); послевоенная политика, выглядевшая как его апофеоз, в действительности – лишь арьергардные бои. Их смысл – задавить, скрыть внутреннее перерождение режима[33]. После смерти Сталина социальная «демобилизация» пошла полным ходом; ее сдерживала только «холодная война», милитарная гонка двух систем. Но вектор режимной трансформации вполне определился: от военного интереса – к гражданскому, от системного – к частному, от общего – к личному (мещанско-обывательскому обустройству), который в той системе мог реализоваться только как антиобщественный. Послевоенное советское общество перестало понимать себя как единый военный лагерь – вооруженную «эсэсэрию» в кольце врагов. Оно хотело не выживать, готовясь к войне и жертвуя собой во имя победы, а просто жить. Но логика социальной самореализации осталась прежней: каждый сам за себя – и против всех. В мирной жизни, потребительско-обывательской реальности действовали «понятия» гражданской войны.

В то же время в Отечественной накопился и ждал реализации эмансипационный потенциал. Это неизбежно: войны такого масштаба и накала не выигрывают люди-«винтики», серая масса под дулом заградотрядов. (Кара-

33. О характере этого перерождения см.: 49, с. 76–91.

тельно-принудительный инструментарий, созданный личной инициативой Сталина, не способен сыграть решающей роли в такой войне. Нельзя принудить воевать, как невозможно сконструировать Отечественную «сверху» – это показал опыт Первой мировой.) Во «вторую Отечественную» народонаселение («популяция», по терминологии «Русской Системы»[34]) выросло в народ; из подлинно патриотического порыва родился гражданин. Народ-победитель / солдат-гражданин, ощутив себя субъектом истории, вершителем исторических судеб мира, естественно захотел свободы, сужения зоны властного контроля и насилия. В конечном счете *двойной социальный запрос – на свободу и потребление – и уничтожил сталинский порядок*.

В связи с войной возникла и проблема культурного, ментального характера: как о ней помнить. Ощущение себя победителями определяло послевоенную – живую, «участническую» – память советских людей. Но она вовсе не была победной, не центрировалась на все объясняющий и оправдывающий результат. Напротив, нестерпимая боль войны, а также тяжесть и беспросветность (не экономическая только) послевоенной ситуации заставляли обостренно, мучительно переживать проблему цены Победы. Кроме того, то была память, как бы «стремившаяся» к забвению (что, видимо, инстинктивно чувствовала и использовала в своих интересах сталинская власть). Пережившие войну ощущали ее как ужас, трагедию, главную травму своей жизни. Они хотели забыть – перекрыть войну миром.

И, наконец, это пример памяти победителя, которому не воздали по заслугам. Послевоенное двадцатилетие прошло под знаком недооцененности народной Победы – власть «забыла» о том, что имеет дело с народом-победителем, отказала в достойной его награде. Видимо, прежде всего потому, что боялась быть призванной этим победителем к ответу за те непомерные военные жертвы, что ему пришлось принести – в том числе по ее вине. Это подвергало эрозии военное единство народа и власти, естественное и неизбежное в эпохи наших Отечественных.

Литература

1. Аймермахер К., Бомсдорф Ф., Бордюгов Г. Предисловие // Мифы и мифология в современной России. – М.: АИРО-XX, 2000. – С. 10–11.

2. Алексеев В.П. Народная война // Отечественная война и русское общество: В 7 т. – Т. 4. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С. 228–230.

3. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.

4. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. – М.: МИК, 2000. – 856 с.

34. Речь идет о работе Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова «Русская Система» (см.: Политическая наука. – М., 1995. – № 2, 3).

5. Голдинский И.Е. Воспоминания старожила о войнах 1807–1912 гг. // 1812 год в воспоминаниях современников. – М.: Наука, 1995. – С. 170–177.

6. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 46–57.

7. Гудков Л. Идеологема «врага» // Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. – М.: НЛО–ВЦИОМ-А, 2004. – С. 552–649.

8. Гудков Л. Победа в войне: К социологии одного национального символа // Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. – М.: НЛО–ВЦИОМ-А, 2004. – С. 20–58.

9. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. – М.: Аспект-пресс, 2001. – 389 с.

10. Драгунский Д. Нация и война // Дружба народов. – М., 1992. – № 10. – С. 56–78.

11. Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» Победа: О конструировании и передаче комплективных представлений в России 1980–2000-х годов // Дубин Б. Россия нулевых: Политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 47–64.

12. Дубин Б. Память, война, память о войне: Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Дубин Б. Россия нулевых: Политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 140–155.

13. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. – СПб.: Алетейя, 2001. – 640 с.

14. Зоркая Н. Визуальные образы войны // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 377–387.

15. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2009. – 328 с.

16. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. – М.: Мысль, 1993. – Кн. 3. – 558, [1] с.

17. Клямкин И. Демилитаризация как историческая и культурная проблема // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 261–275.

18. Клямкин И.М. Постмилитаристское государство // Российское государство: Вчера, сегодня, завтра. – М., 2007. – С. 11–28.

19. Кукулин И. Регулирование боли. (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 324–336.

20. Левин М. Советский век. – М.: Европа, 2008. – 680 с.

21. Левинсон А. Война и земля как этические категории // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 104–107.

22. Левинсон А. Люди молодые за историю без травм // Неприкосновенный запас. – М., 2004. – № 36. – С. 61–64.

23. Ловушки демилитаризации: Обсуждение доклада И. Клямкина «Демилитаризация как историческая и культурная проблема» // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 275–306.

24. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.

25. Миллер А. Россия: Власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – № 3/4 (46), май–август. – С. 6–23.

26. Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. – М.: РГГУ, Науч.-изд. центр «Наука для общества», 1995. – 220 с.

27. Память о войне в современных российских СМИ // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 353–368.

28. Розанов В. Последние листья (запись от 12 октября 1916 г.) // Розанов В. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2000. – 380, [2] с.

29. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1942. – 51 с.

30. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1953. – 207 с.

31. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 312 с.

32. Толстой А.Н. Нас не одолеешь! // Толстой А.Н. Собр. соч. – В 10 т. – М., 1961. – Т. 10. – С. 491–493.

33. Топорков А.Л. Миф: Традиция и психология восприятия // Мифы и мифология в современной России. – М.: ФИРО–XX, 2000. – С. 39–66.

34. Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – № 2/3 (40/41). – М., 2005. – С. 88–95.

35. Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. – М., 2002. – № 58. – С. 223–259.

36. Шеррер Ю. Германия и Франция: Проработка прошлого // Pro et Contra. – М., 2009. – № 3/4 (46), май–август. – С. 89–108.

37. Шишкин В.А. Власть, политика, экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 400 с.

38. Шлёгель К. Постигая Москву. – М.: РОССПЭН, 2010. – 311 с.

39. Эренбург И. Свет в блиндаже // Эренбург И. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Худ. лит-ра, 1966. – Т. 7. – С. 674–675.

40. Ярославский Е. Великая Отечественная война советского народа // Правда. – М., 1941. – 23 июня. – С. 2.

С.В. Тютюкин

УРОКИ АЛЕКСАНДРА КЕРЕНСКОГО И «КЕРЕНЩИНЫ» В 1917 г.

Тютюкин Станислав Васильевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Февральская революция 1917 г. в России за несколько дней покончила с царизмом и в качестве одного из новых национальных лидеров выдвинула руководителя во многом близкой к социалистам-революционерам Трудовой группы IV Государственной думы Александра Федоровича Керенского (1881–1970)[1]. А в марте–октябре 1917 г. он сделал в 36 лет поистине феноменальную по тем временам карьеру, последовательно заняв посты министра юстиции (март-апрель), военного и морского (май–август) и наконец министра-председателя Временного правительства (июль–октябрь). Правда, Керенский удержался в председательском кресле всего четыре месяца, но зато стал

1. В советское время в Керенском видели крайне амбициозного «болтуна», мелкобуржуазного предателя интересов трудящихся, прислужника русской буржуазии и международного капитала. Исключения делались иногда только для его резких оппозиционных выступлений в царской Государственной думе, хотя чаще их просто замалчивали.

В постсоветский период журналисты и ученые ищут новые подходы к оценке роли Керенского в истории России. См.: Старцев В.И. Керенский: Шарж и личность // Диалог. – 1990. – № 16; Голиков А.Г. Феномен Керенского // История СССР. – 1992. – № 5; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – М., 1993; Соболев Г.Л. А.Ф. Керенский (штрихи к портрету) // Александр Керенский: Любовь и ненависть революции... – Чебоксары, 1993; Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. – Саратов, 1996; Колоницкий Б.И. Керенский как «новый человек» и новый политик: К изучению генеалогии культа личности // Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX – XX в.). – СПб., 2010; Федюк В.П. Керенский. – М., 2009; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2, доп. – М., 2010; и др.

тогда самым молодым премьером страны, так как наиболее именитые его предшественники С.Ю. Витте и П.А. Столыпин пришли к высшей власти соответственно в 56 и в 44 года.

Детские и юношеские годы Керенского прошли в Симбирске и Ташкенте в семье видного педагога с крепкими религиозно-монархическими традициями. Но уже на юридическом факультете Петербургского университета (1899–1904) началось стихийное приобщение молодого студента к модным тогда в молодежной среде либерально-демократическим ценностям при определенной симпатии вдобавок к неонародничеству, но зато стойкой неприязни к слишком «узкому», по его мнению, марксизму. Получив высшее юридическое образование, он вступил в столичную коллегию адвокатов. Переломным для Керенского стал 1905 год, когда он даже сделал неудачную попытку вступить в Боевую террористическую организацию партии эсеров, а в декабре 1905 – апреле 1906 г. его без достаточных оснований на несколько месяцев посадили в столичную тюрьму «Кресты». После этого с осени 1906 г. он начал выступать в качестве адвоката на судебных процессах политического характера, часто добиваясь оправдания некоторых подсудимых или смягчения их приговора. В конце же 1912 г. Керенский был избран депутатом IV Государственной думы от Поволжья и с тех пор стал профессиональным политиком.

В Думе он связал свою судьбу с маленькой (всего десять депутатов) крестьянской Трудовой группой и блокировался в основном с социал-демократами, включая большевиков, и с кадетами. Керенский резко и последовательно критиковал с трибуны Таврического дворца всю внутреннюю политику царизма. Эту линию он продолжил и в годы Первой мировой войны, соединяя безусловную преданность Родине с обличением близорукого нежелания власти идти на любые уступки обществу. Апогеем оппозиционной работы Керенского в Думе стала его речь там 15 февраля 1917 г. В ней он позволил себе дать депутатам (и не только им) совет применять к «нарушителям закона», включая главных деятелей царского режима, средства их «физического (!) устранения». Когда же ошеломленный такой дерзостью председатель Думы М.В. Родзянко поинтересовался у оратора, что он при этом имеет в виду, тот ответил: нужно поступать с ними так же, как во времена Древнего Рима небезызвестный Брут поступил с тираном Цезарем, убив его (в стенограмму заседания этот ответ Керенского, естественно, не вошел). Власти приняли решение арестовать за подобные слова оратора, но Родзянко доверительно сообщил ему, что депутаты его не выдадут. Заметим, что до начала Февральской революции оставалось тогда всего неделя, и это во многом оп-

ределило поведение всех участников данного очень знаменательного исторического эпизода[2].

Регулярно работал Керенский и вне Думы (поездки по стране, встречи с избирателями, связи с различными легальными организациями), вступив также еще в конце 1912 или в 1913 г. в масонское братство «Великий Восток народов России». Его членов объединял, помимо всего прочего, и обет молчания о том, чем они там занимались. По его собственным словам, все усилия масонов «были направлены на установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федеративного государственного устройства», причем они считали, что монархия в стране к 1917 г. уже полностью обречена[3]. Сохранялись масонские связи Керенского и в 1917 г., как и возобновленные им со времени войны связи с эсерами, ставшими затем самой крупной социалистической партией в России.

На пороге Февральской революции Керенский был уже достаточно яркой, хотя и далеко не цельной личностью. Его явно подводило, прежде всего, здоровье (повышенная нервозность, удаление одной почки). Сказывался также и его разрыв в 1916 г. с женой О.Л. Барановской и двумя сыновьями, хотя до развода дело тогда и не дошло. В характере Керенского все чаще проглядывали самоуверенность, большие претензии на крупную политическую карьеру и замашки будущего вождя народных масс, о чем он, несомненно, мечтал. Кроме того, Керенский явно не обладал сильным интеллектом, волевым характером и житейской мудростью. К сожалению, все это не привлекло тогда должного внимания тех, кто уже видел в Керенском новую звезду в элите российского общества. Не приходится говорить и о самом Александре Федоровиче, не сомневавшемся в своих талантах. Но так или иначе, 1917 г. он встретил как демократ, революционер, республиканец и потенциальный социалист, хотя, в отличие от Ленина, Керенский о немедленном введении социализма в России тогда даже не помышлял.

Звездным часом Керенского стала очень скоротечная и почти бескровная Февральская революция, заслуженно выдвинувшая его 2 марта 1917 г. на роль министра юстиции Временного правительства. Еще раньше, 27 февраля, он был избран зампредом Петроградского совета рабочих (а затем рабочих и солдатских) депутатов. Дело в том, что наиболее видные социалисты всех направлений находились тогда в эмиграции или в ссылке, а кроме того, Керенский был единственным, кто решился преодолеть вето Петросовета на

2. См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. – М., 1995. – С. 259; Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. – М., 2006. – С. 186–187.

3. См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. – С. 96–97.

вступление социалистов в правительство под тем предлогом, что происшедшая в Россия революция носит буржуазный, а не социалистический характер.

Керенскому, конечно, был известен так называемый «казус» французского социалиста Мильерана, который в 1899 г. вошел в состав буржуазного правительства и не оправдал ожиданий своих товарищей, был осужден за это всем II Интернационалом. Но этот «казус» не имел прямого отношения к России, где только что произошла почти молниеносная и относительно бескровная революция, в которой пролетариат и солдаты (в основном те же крестьяне) сыграли очень важную роль. Это давало социал-демократам и эсерам право войти во Временное правительство, чтобы защищать там интересы трудящихся, чем и воспользовался Керенский.

В решающие для судеб революции дни с 27 февраля по 2 марта 1917 г. Керенский продемонстрировал умение предельно сконцентрировать всю волю и энергию на достижении своей главной цели – принять участие в руководстве восставшими петроградскими рабочими и солдатами, чтобы в полной мере проявить присущие ему ораторские способности. При этом Керенский сразу же показал себя убежденным республиканцем, добровольно взяв на себя обязанность некого комиссара, ответственного за судьбы арестованных и подвергнутых тюремному заключению Николая II, членов его семьи, бывших царских министров и высших сановников. Он же убедительно доказал 3 марта Великому князю Михаилу Александровичу, которому свергнутый брат в последний момент передал права на российский престол, что короноваться в сложившейся ситуации ему просто небезопасно. В итоге Россия фактически стала тогда демократической республикой, хотя законодательно закреплено это и не было вплоть до 1 сентября 1917 г. Кроме того, в начале марта Керенский самочинно зачислил себя в ряды партии эсеров, хотя никаких реальных обязанностей члена ПСР он не выполнял.

Актив Керенского как нового министра юстиции (это назначение за весь 1917 г. было единственным, которое соответствовало профилю его юридического образования) выглядел более чем солидно. Здесь были объявление полной амнистии всем политическим заключенным и частичной – уголовным преступникам, отмена в стране смертной казни, осуществление свободы печати, слова, митингов, собраний и создания политических партий, отмена цензуры, уравнение женщин в правах с мужчинами, начало подготовки к созыву в будущем главного, как тогда думали, вершителя судеб страны – Учредительного собрания и др. Правда, под амнистию попали не только революционеры, но и некоторые провокаторы, а среди уголовников – и матерые воры-рецидивисты. Очень неоднозначную оценку (как и в наше время) получила полная отмена в России смертной казни. Однако в целом демократизация и гуманизация пенитенциарной системы и явно понравившаяся народу вся ситуация с демократическими свободами в России после свержения ца-

ризма во многом приблизили тогда нашу страну к передовым странам Запада. И в этом, несомненно, была определенная личная заслуга Керенского. К сожалению, уже в апреле 1917 г. он охладел к своим обязанностям министра юстиции и сосредоточился на внешнеполитических и военных вопросах, которыми занималось Временное правительство.

Еще одной неожиданностью стало уже в марте полное игнорирование Керенским своего избрания в состав руководства Петросоветом. Он с охотой согласился на это еще во время Февральской революции, но потом начал откровенно манкировать своими советскими обязанностями. Керенский уже в марте всецело сосредоточился на работе в правительстве, видимо, почувствовав полную бесперспективность своего реального присутствия в Совете, поскольку это не сулило ему серьезного карьерного роста и успеха. Характерно, однако, что в отставку с этого поста Керенский до сентября сам так и не ушел.

Время с марта 1917 г. совпало с возникновением и распространением в Петрограде и по всей стране настоящего культа личности Керенского – явления нового для революционной России и в чем-то до конца до сих пор так и не объясненного. Культ этот просуществовал очень недолго – примерно с марта до лета 1917 г., быстро сменившись разочарованием в недавнем кумире, которого с легкой руки таких ярких поэтических натур, как Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева и Андрей Белый, называли чуть ли не «солнцем» и великим сыном России. Выходцы из городского «среднего» класса, интеллигенции, студентов, чиновников, солдат восхищались простотой Керенского, близостью министра к народу, честным служением его интересам. Но он прошел тогда не только через восхищение толпы, но и через ее поношение и разочарование, когда очень скоро стало ясно, что жизнь простого народа от его красивых слов не улучшается, а, наоборот, ухудшается.

У самого же Керенского весной и в начале лета 1917 г. на глазах росли тщеславие, непомерная самоуверенность, сознание собственной непогрешимости и избранности. Керенский начал откровенно стремиться поскорее избавиться от своих соперников и недругов и стать первым лицом в государстве. Это хорошо видно на примере его мартовско-апрельских столкновений с лидером кадетов П.Н. Милюковым и с учетом некоторых признаний, сделанных им в апреле своему новому французскому другу, министру-социалисту и масону А. Тома, приехавшему в Россию из Парижа. Они показывают, что Керенский не просто «плыл по течению», как до сих пор еще думают у нас многие, а расчетливо и искусно сам строил свою карьеру, не соразмеряя, увы, имеющиеся в его распоряжении реальные возможности с непрерывно рождавшимися у него поистине «наполеоновскими» планами. При этом мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, принадлежали ли подобные замыслы самому Керенскому или были подсказаны ему, например, все теми же таинст-

венными масонами. Так или иначе, уже тогда он выражал вполне определенное желание лично возглавить Временное правительство, но не был поддержан Тома и отложил на время – но только на время – реализацию этого далеко идущего плана[4].

Вражда Керенского и Милюкова началась еще в царской Думе. Тот до конца марта открыто был вместе со многими кадетами монархистом, а Керенский – республиканцем. И хотя оба стремились сохранять союзнические отношения России с Англией, Францией, Италией и США, первый видел смысл продолжения нашей страной мировой войны в получении ею в случае победы в качестве военного приза Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы, а второй категорически отрицал это и выступал за всеобщий мир без аннексий и контрибуций. Острое столкновение министра иностранных дел Временного правительства Милюкова и министра юстиции Керенского заняло март и апрель и закончилось победой последнего. Керенский организовал внутри кабинета большой антимилюковский блок, включавший и премьера князя Г.Е. Львова, шантажировал своих коллег угрозой собственного выхода из правительства и немедленно воспользовался предоставившейся ему возможностью занять пост военного и морского министра вместо солидаризировавшегося с Милюковым А.И. Гучкова, ушедшего в самом конце апреля в отставку. Милюкову было предложено перейти в сложившейся ситуации на более «спокойный» пост руководителя делом народного просвещения, но он также предпочел отставку.

Очередной урок, преподанный Керенским весной 1917 г. правительству, Петросовету, социалистическим партиям и кадетам, а также более широкой общественности, состоял в том, что за март-апрель он вырос в достаточно крупного, очень активного, опасного для соперников и хорошо владеющего многими приемами политической борьбы бойца. Он интриговал, блефовал, угрожал, искусно разыгрывал обиду или даже отчаяние, а затем наносил короткий, но оказывавшийся часто решающим контрудар. Военным и морским министром Керенский стал в мае 1917 г. несколько неожиданно, но упускать саму шедшую в руки добычу было не в его характере. К тому же он очень быстро понял, что даже ослабевшая за время войны и особенно в 1917 г., но все еще достаточно мощная русская армия – это очень благодатный материал, который можно использовать и в своих личных целях, т.е. для укрепления своей власти.

Многое здесь было против такого сугубо штатского человека, как Керенский. Он не доверял генералам, а те, в свою очередь, нередко просто презира-

4. См.: Abraham R. Alexander Kerensky. The first Love of the Revolution. Columbia University Press. – New York, 1987. – P. 181. (Автор ссылается на дневник А. Тома, хранящийся в парижском архиве).

ли нового военного министра и смеялись над ним. Сама армия была измотана войной, плохим боевым и материальным обеспечением и мечтала о скорейшем заключении мира. Существовала оборотная сторона и у совершенно неизбежного и безальтернативного после Февральской революции, но не имевшего еще прецедента процесса демократизации вооруженных сил. Речь идет о резком падении воинской дисциплины, утрате офицерским корпусом своего былого авторитета у солдат, а также о часто необоснованном понижении или, наоборот, повышении в чинах и должностях лиц командного состава. Характерно, что, несмотря на частичное сохранение в войсках прежнего культа Керенского, последний уже в мае – начале июня все чаще сталкивался с открытой грубостью и дерзостью военнослужащих, отказывавшихся подчиняться приказам нового министра.

Но Керенский, безусловно, рассчитывал, что ему поможет подготовленная при его участии и изданная в мае «Декларация прав солдата» (новый вариант мартовской «армейской конституции» – знаменитого приказа № 1 Петросовета, но уже во всеармейском масштабе и с выводами дисциплинарного порядка). Еще больше он надеялся на целиком захватившую его идею июньского контрнаступления русской армии на фронте с перспективой достижения перелома в ходе всей Первой мировой войны. Керенский не претендовал на роль крупного военного стратега, а хотел стать лишь своего рода главным политагитатором за упорядочение армейской жизни и переход к активной борьбе с врагом (стать «главноуговаривающим», как остроумно, но довольно язвительно окрестили тогда его). Обнадеживало и то, что Керенского поддержали в мае все командующие фронтами, прямо назвавшие его кандидатуру на пост военного и морского министра в ответ на соответствующий запрос премьера Львова.

Однако начавшееся 18 июня контрнаступление русской армии на Юго-Западном фронте, к горькому разочарованию всего Временного правительства и особенно Керенского, быстро выдохлось, а вражеские войска сами перешли в июле к активным действиям. Министру удалось успокоить тогда правительство, сославшись на мощь противника, подрывные действия большевиков и недостаток военной помощи со стороны стран Антанты. Но главное состояло в том, что солдатская масса, быстро забыв недавние майские патриотические речи Керенского перед фронтовиками и не понимая, во имя чего ее посылают в бой, оказалась неспособной вести наступательные операции и стала попросту бежать от немцев. В итоге в действующей армии воцарились настроения дезертирства, мародерства, паникерства и прямые отказы идти в наступление. Негативно сказались на армии и флоте и испорченные Керенским отношения с такими видными военачальниками, как А.В. Колчак, А.А. Брусилов, М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов и др.

Более чем странно выглядело в этих условиях поспешное назначение Керенского 7 июля на пост премьера вместо скоропалительно отказавшегося от него князя Львова. На его долю выпали бурные выступления 3–4 июля солдат столичного гарнизона и поддержавших их матросов-балтийцев из Кронштадта, а также многочисленные демонстрации питерских рабочих антиправительственного характера, которыми руководили часть большевиков и анархисты. Правда В.И. Ленин, трезво оценив силы своей партии, счел подобный левацкий, во многом авантюристический план захвата власти несвоевременным и отверг его. В итоге князь Львов справился с этой критической ситуацией, но решил больше не искушать судьбу и подал в отставку, не желая применять силовые методы усмирения масс. Он же предложил членам правительства утвердить в должности министра-председателя Керенского, который, по его мнению, способен был, если понадобится, даже отдать приказ стрелять в смутьянов и, кроме того, сам давно уже рвался к власти.

Видимо, неслучайно Керенский сознательно уехал 3 июля из Петрограда в Ставку и затем откровенно проигнорировал просьбу Львова срочно вернуться в столицу, чтобы помочь ему водворить там порядок. Этим он, несомненно, усугубил колебания премьера и тоже подтолкнул его к уходу из правительства. В интересах Керенского действовали в те дни в столице и поддерживавшие его «братья масоны» Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко, а также ряд других министров. В итоге мечта Керенского о большой власти стала наконец реальностью. При этом он сохранил за собой еще и пост военного и морского министра, наглядно продемонстрировав, что революция тоже не чужда тенденции к наращиванию личной власти своих лидеров.

Июль 1917 г. стал в истории Временного правительства тем рубежом, который делит ее на две почти равные половины. При этом вторая, когда Временное правительство возглавил уже Керенский, стала временем многочисленных неудач и разочарований, оказавшись еще менее плодотворной, чем первая. Во многом изменился вдобавок и сам премьер, что, конечно, неслучайно. Напомним, что в марте–июне Керенский вел себя как демократ и патриот, афишировал себя эсером, был удачным митинговым оратором и любимцем толпы. Терпимо относился он и к большевикам, хотя постепенно полностью разочаровался в Ленине. Дальнейшая эволюция Керенского шла уже в направлении его приобщения к сугубо «государственнической» правительственной позиции на принципах патриотизма и сохранения территориальной целостности России при усилении своей личной власти. При этом он любил выдавать последнюю за гарантию сохранения Временным правительством его революционности. Не осталось и следа от прежних связей Керенского с эсерами и былой терпимости к большевизму.

Внешне окружавшая Керенского обстановка становилась все более помпезной. В Петрограде премьер жил теперь и работал в Зимнем дворце,

водворившись там в былые покои Александра III. Он пользовался бывшими царскими автомобилями и «высочайшим» поездом, доставлявшим еще недавно Николая II в Ставку. Керенскому было смешно вспоминать, что еще в начале марта он собирался в назидание потомкам повесить последнего русского царя, которого теперь называл «Ваше величество». Еще один характерный штрих: в августе Керенский присутствовал и на открытии поместного собора Российской православной церкви в Успенском соборе, хотя никогда не был фанатичным ее приверженцем.

Решающую роль играл он и при формировании в июле и сентябре новых составов Временного правительства, исходя из своих личных симпатий и преданности кандидатов в министры лично ему, Керенскому. При этом в июле он позволил себе даже повторить тактику Ивана Грозного, внезапно покинувшего в свое время Москву, чтобы заставить бояр дать согласие на введение печально знаменитой впоследствии опричнины.

Но чем помпезнее становился антураж, тем хуже обстояло у Керенского-премьера дело с решением важнейших вопросов государственного значения. Напомним, что еще в марте Временное правительство решило не предрешать волю будущего «хозяина Земли русской» – Учредительного собрания, заморозив, таким образом, на неопределенный срок решение всех самых острых социальных вопросов, включая аграрный и вопрос о выходе России из Первой мировой войны. Внешне подобная тактика как будто свидетельствовала о подлинном демократизме новой власти, готовой послушно выполнить волю всех российских граждан. Однако на деле и Львов, и особенно продолживший его тактику «непредрешенства» Керенский взяли на себя ответственность за окончательное превращение возглавляемых ими кабинетов министров в недееспособные государственные органы, обманувшие надежды многих миллионов россиян, жаждавших скорейшего улучшения своего значительно ухудшегося в 1914–1917 гг. материального положения. Временное правительство вело себя в конце лета и осенью 1917 г. так, как будто история отпустила ему в кредит не поддающееся счету время, хотя его реальный запас оказался более чем ограниченным, а расплата за подобное государственное легкомыслие наступила скорее, чем предполагал Керенский.

Много сил – и, как оказалось, впустую – потратил Керенский, чтобы достигнуть договоренности с назначенным в июле Верховным главнокомандующим генералом Корниловым. Это был своенравный и явно не склонный подчиняться Керенскому профессиональный военный, видевший спасение России в твердом порядке на фронте и в тылу и в неукоснительным соблюдении строгой военной дисциплины, Корнилов позволял себе предъявлять премьеру настоящие ультиматумы и требовал полного невмешательства правительства в свои действия. Он и его ближайшее окружение позволяли себе все это, поскольку генерал был единственным военачальником, добившимся

некоторого успеха в начале июньского контрнаступления русской армии. Когда же оно быстро выдохлось и превратилось в позорное отступление, Корнилов стал применять к бегущим от врага поистине драконовские меры наказания, что ненадолго принесло временный эффект. Именно он и заставил Керенского восстановить 12 июля смертную казнь изменников и дезертиров на фронте, хотя применять ее и не удавалось из опасения настоящих бунтов со стороны солдат, которым эта кара то и дело теперь угрожала.

По подсказке главного эсеровского экс-боевика Б.В. Савинкова, ставшего главным помощником Керенского в Военном министерстве, Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим вместо не угодившего премьеру Брусилова, но тут же вступил в неразрешимый конфликт с премьером. Дело в том, что Корнилов, как и многие другие генералы, был сторонником восстановления смертной казни за аналогичные преступления и в тылу, а это было чревато его полной милитаризацией и установлением настоящей военной диктатуры в стране. С этим, естественно, не могли согласиться левые партии, Советы да и сам Керенский, мнивший себя главным защитником демократии в России. Он даже хотел уволить Корнилова в отставку, но его не поддержали другие члены правительства. В итоге к концу августа найти способ разрешения этого острейшего конфликта так и не удалось.

Та же судьба постигла и отношения власти с большевиками, открыто обвиненными в начале июля в шпионаже в пользу Германии. Керенский категорически не принимал ленинского курса на социалистическую революцию и верил в личную виновность вождя большевиков в сговоре с немцами. Однако собрать убедительные улики в пользу этой версии Временному правительству не удалось. Одних арестов многих видных большевиков (сам Ленин ушел в глубокое подполье) оказалось недостаточно, и на фоне других неудач правительства ленинская партия стала быстро восстанавливать свои подорванные в июле позиции, причем Керенский не посмел объявить большевизм вне закона и добиться суда над его главным вождем. Ленина же стал с успехом заменять Л.Д. Троцкий, очень быстро превратившийся к осени 1917 г. из его главного оппонента в горячего и талантливого сторонника большевизма. В июле-августе он побывал в тюрьме, но уже в начале сентября был освобожден из-под ареста и сразу же активно включился в процесс наращивания ленинцами своего политического авторитета в глазах масс.

Как известно, Керенский был прирожденным политиком-центристом, умело лавировавшим до поры до времени между политическими полюсами и искавшим некий средний путь, суливший, как ему казалось, надежный успех. Аналогичными методами действовал премьер и летом 1917 г., применяя свой излюбленный прием улаживания конфликтов: не доводить их до точки кипения, обещать неопределенные уступки и правым, и левым и предельно оттягивать ответы на самые острые вопросы современности. Керенский обещал

провести позже (но когда?) крупные социальные реформы, поднять (но как?) дисциплину в армии и в тылу, удовлетворить требования генералов возродить русские вооруженные силы (но только не вводить военную диктатуру), признать на словах (без убедительного доказательства и суда над зачинщиками) вину большевиков, но не запрещать их агитацию. Это объективно означало разрешение на продолжение партией Ленина ее подрывной антиправительственной работы. Надо ли доказывать, что к концу лета 1917 г. хваленый центризм Керенского трещал по всем швам, предвещая близкий крах всей его политики? Неслучайно такое ужасное впечатление на участников и гостей августовского Государственного совещания в Москве произвела заключительная речь Керенского, напоминавшая выступление наркомана, у которого действия спасительных препаратов кончилось раньше, чем он довел до конца свое выступление (об этом прямо говорили уже современники).

Но оказавшийся роковым удар нанес Керенскому 27–31 августа все тот же Корнилов[5]. Многие искренне считали, что поправить кризисную ситуацию, сложившуюся тогда в России, мог бы его политический союз с премьером. Корнилов взял бы на себя в таком случае наведение в стране порядка, причем предполагалось в качестве крайней меры даже ввести военную диктатуру. Керенский же должен был легитимизировать эту новую ситуацию, поступившись, скорее всего, при этом и своими правами премьера. Однако он был вообще против военной диктатуры и, кроме того, явно не хотел делиться с Корниловым или другими генералами властью. Поэтому вместо союза этих «двух К.» – Керенского и Корнилова – вечером 26 августа последовал по инициативе честолюбивого премьера их полный разрыв, доведенный до реальной угрозы возникновения в России гражданской войны. При этом Керенский категорически отказался вести какие-либо переговоры с Корниловым и готов был разговаривать с ним только языком ультиматумов.

Однако и Корнилов плохо (хотя ныне это часто публично ставится под сомнение) организовал свой заговор, все время колебался, идти ли ему на полный разрыв с Керенским или нет, так что в итоге заговорщики повели себя крайне пассивно. Это относилось, прежде всего, к самому Корнилову, а также к главному исполнителю его замыслов генералу А.М. Крымову, столкнувшемуся с предательством подчиненных ему частей казаков и кавказских горцев и доведенному до самоубийства 31 августа, хотя настоящих боев с правительственными войсками у него и не было.

Не поддержали Корнилова ни другие командующие фронтами, ни многие сочувствовавшие ему члены партии кадетов, ни большевики, меньшевики и эсеры, ни послы западных держав, давно уже разочаровавшиеся в Керенском.

5. Подробнее см.: Федюк В.П. Керенский. – М., 2009. – С. 274–285.

Плохо повел себя в последние августовские дни и сам премьер, показавший себя фанатиком сохранения своей личной власти над Россией. Замышлявшийся Корниловым и его окружением военный путч фактически не состоялся, заговорщики без борьбы 1 сентября сдались, своей вины перед властью и лично перед Керенским не признали и к суду, вопреки горячему первоначальному желанию премьера, даже не привлекались. Формальная победа над путчистами на деле обернулась огромной потерей авторитета Керенского в армии и в обществе и настоящим параличом его воли.

Провалом закончилось созванное в сентябре советскими лидерами при одобрении Керенского так называемое Демократическое совещание, а образованный его участниками в октябре чисто консультативный Предпарламент (Временный совет Российской Республики) сразу же выродился в фарс. Резко обострились к концу сентября и отношения Керенского с раздосадованными его бездействием послами стран Антанты.

Образованный единолично Керенским 25 сентября четвертый (третий коалиционный) состав Временного правительства опять включал кадетов, меньшевиков, одного эсера и несколько внепартийных. Последнее тоже было знамением времени, а кредит доверия общества к кадетам был уже по существу исчерпан. Этот состав правительства был наиболее слабым из всех, и его деятельность не ознаменовалась никакими реальными шагами ни в экономике, ни в социальной сфере, ни во внешней политике. За созданной Керенским системой власти в России прочно закрепилось полуироническое, полупрезрительное название «керенщины», а сам премьер был уже не нужен ни «низам», ни «верхам» общества. Первых он разочаровал своим полным бездействием, ростом инфляции, выпуском огромного количества обесцененных бумажных денег («керенок»), карательными экспедициями против крестьян и т.д. Вторых же – своей пассивностью и пустословием, разбродом в органах власти и полным падением престижа России за рубежом. Они уже не воспринимали премьера и как сколько-нибудь надежный оплот против быстро набиравшего силу большевизма.

Гнев премьера вызвала в октябре попытка последнего военного министра – генерала А.И. Верховского провести значительное сокращение армии и начать переговоры о мире с Германией и Австро-Венгрией. В итоге Верховский, открыто признавший перед лицом власти, что русская армия воевать больше вообще не может, вынужден был бесславно уйти в отставку. Сюрприз властям приготовили и большевики во главе с Лениным и Троцким. После бурной летней кампании властей с обвинением их в государственной измене и арестами ряда руководящих деятелей ленинской партии они оправились от этого удара, умножили численность своих рядов и подготовили октябрьский переворот. В ночь на 26 октября Керенский и все Временное правительство

были свергнуты, а жалкие попытки потерявшего в одночасье власть премьера оказать сопротивление большевикам позорно провалились.

Керенскому было суждено еще во второй половине его жизни долголетие (он дожил почти до 90 лет). Его ждали еще интересные впечатления, немало творческой и полезной потомкам литературной работы. Но он ушел в небытие отставным генералом без армии, политиком-одиночкой и в конечном счете премьером-неудачником. За ним никогда не было сильной и тем более лично им созданной, подобно Ленину, политической партии, оригинальных идей, талантливых и преданных единомышленников и благодарной памяти потомков. Список ошибок и просчетов Керенского-политика поистине огромен, а его политическая, да и человеческая судьба во многом трагичны, хотя, к счастью, он не заслужил и имени «Керенский кровавый».

Сегодня ни его политические «двойники», если бы таковые нашлись, ни пресловутая «керенщина» современной России больше не нужны. Не произошла и, видимо, не произойдет никогда и полная реабилитация этого, несомненно, вошедшего в историю, но слабого по сути политического деятеля. И Керенский, а вместе с ним и современная ему Россия получили в 1917 г. то, что заслужили, – сначала поразительный по темпам и масштабам карьерный взлет, а потом неизбежное и глубоко поучительное падение. При этом ни первое, ни второе не должны удивлять того, кто знает Россию и ее народ.

Е.В. Фролова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Фролова Елена Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социальной инженерии Российского государственного социального университета.

Инфраструктура является важнейшим элементом экономического развития как государства в целом, так и его отдельных регионов. Эффективность развития инфраструктуры определяет, с одной стороны, уровень и качество жизни населения, а с другой – инвестиционную привлекательность территории, благоприятные условия деятельности хозяйствующих субъектов. «Рассмотрение проблем социальной инфраструктуры – это поиск резервов более динамичного развития общества, позволяющих эффективнее использовать материально-вещественную основу этого развития» [7, с. 6].

Статистически прослеживается прямая зависимость между государственными расходами на развитие инфраструктуры и динамикой производительности труда. Наибольшим государственным расходам на инфраструктуру в Японии соответствовала самая высокая производительность труда. Такая же тенденция прослежена во Франции, ФРГ, Италии, Канаде, Великобритании. Более низкие темпы роста производительности труда за тот же период в США связываются с относительно меньшими государственными расходами на развитие производственной инфраструктуры.

Исследователи делают логичный вывод о том, что активное государственное участие в развитии инфраструктуры повышает конкурентоспособность национального производства на мировом рынке [12].

В современной России развитие инфраструктуры как региональной, так и муниципальной носит весьма неравномерный характер, что порождает неравенство в доходах, условиях, уровне жизни людей, их возможностях удовлетворения своих насущных потребностей в образовании, приобщении к куль-

турным ценностям. Именно различия в инфраструктурном оснащении территорий являются основой региональной дифференциации.

Большинство задач региональной политики Российской Федерации лежит в плоскости сглаживания территориальных различий. Среди них особо выделим следующие:

– обеспечение равных возможностей для жителей всех частей страны в реализации своих социальных и экономических прав вне зависимости от места проживания;

– снижение территориальных диспропорций в уровне и качестве жизни, в том числе поддержка кризисных регионов;

– преодоление инфраструктурных и институциональных ограничений в социально-экономическом развитии территорий.

Важнейшим инструментом влияния на социально-экономическое развитие муниципальных образований является размещение и развитие на их территориях федеральной производственной, социальной, транспортной, общественной и таможенно-логистической инфраструктуры [5, с. 6–8]. Отсутствие эффективных механизмов формирования инфраструктуры в депрессивных регионах значительно усиливает деструктивные процессы, лимитируя развитие большинства поселений России.

В связи с этим необходим, на наш взгляд, анализ уровня регионального развития инфраструктуры, сравнение основных показателей по федеральным округам РФ, а также в зависимости от типа поселения. Эффективность функционирования объектов инфраструктуры оценивается с помощью таких показателей, как качество жилищного фонда, его благоустройство водопроводом, водоотведением, отоплением и горячим водоснабжением; качество дорожного хозяйства и транспортного комплекса; обеспеченность населения средствами связи.

Основные показатели развития инфраструктуры в регионах РФ (сравнительный анализ по федеральным округам)

Жилищно-коммунальное хозяйство является важнейшей отраслью инфраструктуры. Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя Российской Федерации в 2010 г., составляет 22,8 м^2, что на 0,4 м^2 больше чем в 2009 г. Наибольшая площадь жилого помещения, приходящаяся на одного жителя, зафиксирована в Северо-Западном и Центральном федеральных округах (24,5 м^2 и 24,0 м^2 соответственно). Наименьшая площадь – в Северо-Кавказском (17,9 м^2), Сибирском (21,4 м^2), Дальневосточном (21,8 м^2) федеральных округах. Динамика ввода в действие жилых домов подтверждает усиление тенденций региональной дифференциации.

Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда в России составляет 3,1%, из этого в аварийном состоянии – 0,6%. Наименее тревожная ситуация по данным показателям характерна для Центрального федерального округа (1,9%, что значительно ниже, чем в целом по России) и Приволжского федерального округа (2,5%). Самый высокий удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда выявлен в Сибирском (4,7%), Дальневосточном (6,1%) и Северо-Кавказском (6,8%) федеральных округах. Если для благополучных регионов характерна динамика уменьшения доли аварийного жилищного фонда, то в проблемных регионах присутствуют противоположные тенденции. Так, в 2005 г. доля аварийного фонда в Сибирском и Дальневосточном округах составляла 0,6 и 0,8% соответственно, в 2008 г. – 0,9 и 1,3%, в 2009 г. – 1 и 1,5%.

При этом доля расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Федеральной службы государственной статистики) в Дальневосточном федеральном округе является самой высокой – 10,2% от общей суммы потребительских расходов (для сравнения: в РФ в целом этот показатель составляет 8,7%) [9].

Электроснабжение – также один важнейших элементов коммунального хозяйства. Наиболее важной особенностью функционирования электроэнергетики Дальнего Востока является технологическая изолированность ее работы вследствие недостаточной связи с Единой энергосистемой России. Кроме того, электроэнергетика Дальнего Востока состоит из нескольких изолированных друг от друга крупных энергообъединений, большого количества мелких энергоузлов и энергорайонов, централизованно снабжающих потребителей электроэнергией, а также из районов децентрализованного энергоснабжения с небольшими объемами энергопотребления, не имеющих электрических связей с энергосистемой из-за значительной удаленности от нее. Это приводит к снижению надежности электроснабжения потребителей и необходимости содержания увеличенного по сравнению с другими энергосистемами страны резерва генерирующей мощности, составляющего более 23% максимальной нагрузки [6].

Еще один важный показатель инфраструктурного комплекса – характеристики дорожного хозяйства. Общая протяженность автомобильных дорог в Российской Федерации составляет 939 700 км, из них наибольший удельный вес составляют дороги Приволжского и Центрального федеральных округов (206 747 и 179 008 км соответственно). Показатель удельного веса дорог с усовершенствованным дорожным покрытием, в процентном соотношении к автомобильным дорогам с твердым покрытием общего пользования, наиболее высок в Южном и Центральном федеральных округах (84,3 и 81,6%). Для сравнения: в Дальневосточном федеральном округе этот показатель ниже в

2,5 раза и составляет 33%. Что касается в целом доли дорог с твердым покрытием в общей протяженности дорог общего пользования, то здесь региональная дифференциация выражена не столь ярко. Однако и в данном случае Дальневосточный регион является аутсайдером, занимая последнее место в статистической таблице.

Густота железнодорожных путей на 10 000 км^2 территории в среднем по России составляет 50 км. В самом насыщенном железными дорогами Центральном округе – 261 км, что превышает среднероссийский показатель в 5,2 раза. В то же время на Дальнем Востоке обеспеченность железнодорожными путями ниже средних показателей почти в 4 раза, а отставание от Центрального округа – в 20 раз [9]. Основными транспортными артериями Дальнего Востока и Байкальского региона являются Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали. В настоящее время основная нагрузка в экспортных и транзитных перевозках приходится на Транссибирскую магистраль, имеющую пропускную способность до 100 млн. т в год. Пропускная способность Байкало-Амурской магистрали составляет 12,5 млн. т в год и не имеет резервов пропускной способности на протяжении 280 км пути. Износ основных фондов железнодорожного транспорта составляет 60% [6].

Региональная дифференциация в обеспечении транспортными услугами подтверждается показателями числа автобусов общего пользования, приходящимися на 100 тыс. человек. Так, в Северо-Западном, Уральском и Центральном федеральных округах эти показатели наиболее высоки (61, 57 и 49 соответственно); почти в 2 раза ниже они на Дальнем Востоке и Северном Кавказе (29 и 25 соответственно) [9].

В условиях XXI в. решающее значение приобретают информационные технологии. Не столько транспортная доступность, сколько услуги связи, Интернет обеспечивают интеграцию личности в образовательное, культурное пространство, широкие возможности коммуникации, приобщения к культурным ценностям.

Затраты на информационные и коммуникационные технологии в Центральном федеральном округе в десятки раз выше, чем, например, в Дальневосточном (10 раз) и Северо-Кавказском (40 раз) федеральных округах. Не менее важным представляется показатель обеспеченности персональными компьютерами, используемыми в учебных целях, в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях. Так, на начало 2010/2011 учебного года на 1 тыс. обучающихся приходилось 89 компьютеров в Уральском округе, что превышает показатели Северо-Кавказского округа в 2 раза (43 компьютера). Для Сибири и Дальнего Востока этот показатель составлял 66 и 63 компьютера соответственно. Обеспеченность населения услугами связи измеряется показателем наличия квартирных телефонных аппаратов сети общего пользования на 1 тыс. человек, здесь лидиру-

ют Северо-Западный и Центральный федеральные округа. Гораздо глубже прослеживается дифференциация в обеспеченности сотовой связью. В Дальневосточном округе зарегистрировано 10 393,6 тыс. абонентских терминалов сотовой связи, в то время как 70 102 тыс. – в Центральном [9].

Таким образом, проведенный анализ показывает высокий уровень региональных различий, диктующий необходимость разработки концептуально новых подходов к реализации государственной политики, которая прежде всего должна фокусироваться на снятии инфраструктурных ограничений регионального развития.

Так, в федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» отмечено, что одним из факторов, затрудняющих освоение природно-ресурсного потенциала данных регионов, является наличие инфраструктурных ограничений в энергетической и транспортной сферах.

Поэтому целью Программы является формирование необходимой инфраструктуры и благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики Дальнего Востока и Забайкалья с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности Российской Федерации.

Задачами Программы являются:

– закрепление населения в регионе путем стимулирования сохранения и создания новых рабочих мест;

– снятие инфраструктурных ограничений развития экономики на региональном уровне;

– реализация ряда проектов, связанных с развитием инженерной инфраструктуры и социальной сферы [8].

Таким образом, основным направлением преодоления региональной дифференциации, согласно нормативно-правовым документам, является формирование и развитие необходимой инфраструктуры [6].

Анализ развития инфраструктуры предполагает рассмотрение не только объективных показателей, но и субъективных, отражающих степень удовлетворенности населения функционированием объектов инфраструктуры. В таком анализе, подчеркивает Г.И. Осадчая, субъективные оценки людей существующей социальной инфраструктуры в конкретном регионе или на конкретном предприятии дают возможность судить о качестве и количестве социальных услуг в сравнении с другими странами и требованиями современной цивилизации [4, с. 106].

Исследование, проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2009 г., (опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах, в 46 областях, краях и республиках России), выявило достаточно негативные оценки. Так, каждый десятый респондент полностью не удовлетворен социаль-

ной инфраструктурой в месте своего проживания (дороги, магазины, детские, образовательные учреждения), каждый четвертый (25%) – скорее не удовлетворен, и только 18% респондентов полностью удовлетворены функционированием объектов инфраструктуры.

В субъективных оценках развития инфраструктуры также прослеживается региональная дифференциация, подтверждая данные официальной статистики. Так, именно среди жителей Дальневосточного федерального округа преобладают наиболее негативные оценки развития инфраструктуры. Почти каждый пятый (18%) совершенно не удовлетворен социальной инфраструктурой, этот показатель в 2 раза выше, чем в Северо-Западном, Приволжском округах (9% неудовлетворенных) и в 4,5 раза выше, чем в Уральском (4%). Тревожная ситуация сложилась и в Сибирском федеральном округе: 12% совершенно неудовлетворенных и 24% скорее неудовлетворенных; в сумме этот показатель значительно выше, чем в среднем по России. Наиболее благоприятна обстановка в Уральском и Северо-Западном округах, где доля населения, удовлетворенного развитием социальной инфраструктуры составляет 75 и 69% соответственно. В Центральном, Приволжском и Южном федеральных округах оценки населения приближены к средним по России [1].

Результаты, полученные ВЦИОМ, коррелируются с данными Фонда «Общественное мнение». Так, например, по результатам опроса, проведенного в январе 2011 г., жители Дальнего Востока чаще других отмечали перебои с электричеством (37%; в среднем по России этот показатель равен 26%), отоплением (18; в среднем по России – 11%), вывозом мусора (31; в среднем по России – 17%). Исследование, проведенное в ноябре 2010 г., выявило регионы, в которых население наиболее обеспокоено состоянием жилищно-коммунального хозяйства. Среди них оказались Мурманская область (69%), Хабаровский край (59), Камчатский край (58), Республика Карелия, Магаданская область (52%) [10].

Таким образом, как объективные статистические показатели, так и данные социологических исследований подтверждают значительную региональную дифференциацию развития инфраструктурного комплекса. На одном полюсе расположены достаточно успешные регионы с высоким уровнем развития транспорта, дорожного хозяйства, благоустройства жилищного фонда (Центральный, Северо-Западный, Уральский федеральные округа). А на другом – Северо-Кавказский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, где уровень развития транспортного комплекса, дорожного хозяйства, коммуникаций, а также инженерная обеспеченность жилищного фонда в несколько раз ниже, чем в среднем по России.

Неразвитая энергетическая и транспортная инфраструктура прямо или косвенно продолжает оставаться основным ограничителем осуществления любых видов деятельности на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе,

причиной низкой конкурентоспособности произведенных продукции, товаров и услуг [6].

Необходимость усилить инвестиционную привлекательность – одна из главных задач России. Такая позиция заявлена в ряде официальных документов и выступлений руководителей страны. В частности, ставится задача увеличить приток иностранных инвестиций до 60–70 млрд. долл. в год, т.е. достичь предкризисного уровня 2008 г. Однако при этом необходимо учитывать существенный отток прямых инвестиций из России, одной из главных причин которого является неблагоприятный инвестиционный климат. Отток прямых инвестиций из России превысил в 2009–2010 гг. их приток [11].

Неравномерность инвестиционных потоков в стране отражает процессы дивергенции социально-экономического пространства страны. Так, на долю Центрального федерального округа приходится 21% всех инвестиций в России, в то время как на долю Дальневосточного – только 11, Северо-Кавказского – 3%. Поступление иностранных инвестиций только подтверждает выявленные закономерности. На долю Центрального федерального округа приходится 67% иностранных инвестиций в Россию, самый низкий их уровень присутствует в Северо-Кавказском, Южном и Сибирском федеральных округах (0,1, 2 и 3,1% соответственно). Что касается внешней торговли, то доходы Центрального округа от экспорта со странами дальнего зарубежья в 2010 г. составляли 143 544,4 млн. долл. США. Это в 8 раз больше, чем в Дальневосточном округе (18 523,5 млн. долл.), в 16 раз больше, чем в Южном (9038,0 млн. долл.) и почти в 200 раз больше, чем в Северо-Кавказском федеральном округе. Еще более серьезные масштабы региональной дифференциации прослеживаются в уровне развития наукоемких технологий. Так, в 2009 г. на долю Центрального округа приходилось почти 50% всех поступлений от экспорта технологий и услуг технического характера (277 523 тыс. долл.). Это в 24 раза больше, чем в Дальневосточном округе (11 457 тыс. долл.) [9].

Одним из важнейших показателей социально-экономического развития регионов является их территориальный валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения. Одними из самых успешных в 2009 г. по данному показателю являлись Уральский и Центральный федеральные округа, где отношение ВРП на душу населения к среднему по стране составило 1,59 и 1,44 соответственно. Наиболее низкие показатели были зафиксированы в Сибирском (0,77), Южном (0,64) и Северо-Кавказском (0,48) федеральных округах.

Темпы экономического развития региона отражаются и на характере занятости населения. Самый низкий уровень безработицы, по данным выборочных обследований, зафиксирован в Центральном округе (4,7%), а самый высокий – в Северо-Кавказском, где безработным является каждый шестой

житель (16,9%). В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах уровень безработицы выше, чем в Центральном, почти в 2 раза (8,7%) [9].

Высокий уровень безработицы, ограниченные возможности в получении инфраструктурных услуг детерминируют миграционные процессы. Население Дальневосточного федерального округа за 2010 г. сократилось на 19 709 человек, это самая большая убыль среди всех федеральных округов [9].

Таким образом, низкий уровень развития инфраструктуры Северо-Кавказского, Дальневосточного, Сибирского федеральных округов предопределили достаточно негативные тенденции их социально-экономического развития: низкие показатели занятости населения, валового регионального продукта, ограниченные возможности привлечения инвестиций в данные регионы.

Уровень развития инфраструктуры как фактор условий жизни городского и сельского населения

Фактором региональной дифференциации выступает не только территориальное расположение, но и тип муниципального образования. Муниципальные образования в России характеризуются значительным разнообразием по численности населения, функциональному назначению и многим другим параметрам. Наиболее значимым является различие между городскими и сельскими муниципальными образованиями. Характерными особенностями сельской инфраструктуры являются, как правило, следующие: рассредоточенность расселения, преобладание малоэтажной застройки, децентрализация инженерной инфраструктуры, более низкая обеспеченность транспортными услугами и средствами связи, неразветвленная система потребительского рынка. Данные особенности детерминированы низкой материально-технической обеспеченностью объектов сельской инфраструктуры, что порождает высокий уровень поляризации в уровне жизни городского и сельского населения.

Рассмотрим уровень обеспеченности инфраструктурными объектами городских и сельских поселений. Статистические данные свидетельствуют, что значительная часть сельского жилищного фонда не обеспечена элементарными коммунальными удобствами.

Так, водопроводом сегодня обеспечено подавляющее большинство городских жителей (89% от общей площади жилищного фонда) и только 47% – в сельской местности. В 2,3 раза выше обеспеченность городского жилого фонда водоотведением (87 и 38% соответственно), в 1,6 раз отоплением (92 и 59% соответственно). Только в четвертой части жилищного фонда сельских муниципальных образований имеется горячее водоснабжение [9]. По данным опроса фонда «Общественное мнение» (проведен в августе 2010 г. в 100 на-

селенных пунктах, опрошены 2 тыс. человек), каждый десятый сельский житель (11%) отмечал регулярные перебои с электричеством, и только 28% не сталкивались с данной проблемой. Для сравнения: в целом по стране 41% респондентов никогда не сталкивались с перебоями с электричеством [10].

Не менее серьезной является проблема обеспечения электроэнергией сельскохозяйственного производства. По сравнению с 2000 г. показатель потребления электроэнергии на производственные цели в сельскохозяйственных организациях снизился более чем в 2 раза, а по сравнению с 1995 г. в 4 раза! В 1995 г. этот показатель составлял 53,0 млрд. кВт·ч, в 2000 г. – 30,2 млрд., в 2009 г. – 13,5 млрд., в 2010 г. – 13,2 млрд. кВт·ч [9].

Важным показателем функционирования инфраструктуры является уровень развития коммуникаций. Несмотря на положительную динамику обеспеченности сельских поселений телефонной и почтовой связью, тревогу вызывает тот факт, что сегодня 5% сельских населенных пунктов не охвачены сетью почтовой связи, 9,7% сельских поселений – не телефонизированы. Обеспеченность телефонными аппаратами из расчета на 1 тыс. человек в городе составляет 385 штук, а на селе – 140 [9].

Развитие сельских поселений и сельскохозяйственного производства обусловлено эффективностью функционирования не только инженерной, но и транспортной инфраструктуры. Сегодня почти каждый третий сельский населенный пункт (28,5%) не имеет связи по дорогам с твердым покрытием с более широкой сетью путей сообщения. При этом ввод в действие в сельской местности автомобильных дорог с твердым покрытием не ускоряется, а замедляется. В 1990 г. этот показатель составлял 11,6 тыс. км, в 1995 – 6,9 тыс., в 2000 – 5,6 тыс., в 2008 – 2,8 тыс., в 2009 – 0,9 тыс., в 2010 г. – 1,5 тыс. км [9].

Удручающей выглядит ситуация в обеспеченности сельского населения объектами образования и культуры. Данные статистики наглядно демонстрируют исключительно отрицательную динамику в данной сфере (см. табл. 1). Стремительными темпами сокращается количество сельских школ, учреждений культурно-досугового типа. Это негативно сказывается не только на качестве жизни, ограничивая удовлетворение культурных потребностей и усложняя получение образования для молодежи, но и трансформирует структуру занятости в сельской местности, сокращая и без того малую сферу приложения труда для сельской интеллигенции.

Это достаточно тревожная тенденция, учитывая, что в сельской местности сегодня проживают более 37 млн. человек, т.е. примерно каждый четвертый житель Российской Федерации (26,3%) [9]. Глобализация и информатизация общества значительно обостряют выделенные проблемы, усиливают миграционные настроения. Контрасты в условиях организации жизненного пространства городских и сельских поселений усиливают процессы урбани-

зации, отток из села наиболее высококвалифицированных кадров, в первую очередь молодежи. Сельское население России сократилось за 2009 г. более чем на 4 тыс. человек, а за 2010 г., по предварительным данным Росстата, на 720 тыс. Соответственно в 2010 г. численность городского населения выросла более чем на 1,5 млн. человек [9].

Таблица 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ [9]

Показатели	*Годы*							
	2000	*2004*	*2005*	*2006*	*2007*	*2008*	*2009*	*2010*
Число государственных (муниципальных) дневных общеобразовательных учреждений на начало учебного года, тыс.	45,1	41,6	40,4	38,6	36,0	34,3	32,2	30,3
Число учреждений культурно-досугового типа, тыс.	48,1	46,5	45,2	43,7	43,9	42,9	41,8	41,1
Число мест в учреждениях культурно-досугового типа на 1 тыс. человек населения	204	198	191	192	190	186	181	180
Число общедоступных библиотек, тыс.	38,8	37,7	38,2	36,4	36,1	36,4	36,2	35,8

Низкий уровень развития сельской инфраструктуры сказывается на низкой рентабельности сельскохозяйственного производства, и, как следствие, сокращении площади сельскохозяйственных угодий и земель, сжатии и без того слабо освоенного сельского пространства. Посевная площадь зерновых и зернобобовых культур сокращается стремительными темпами, составляя 50,9 млн. га в 1995 г., 40,7 млн. – в 2000 и 32,0 млн. га – в 2010 г. Сокращение объемов сельскохозяйственного производства провоцирует увеличение и без того высокого уровня безработицы на селе. Так, численность только официально зарегистрированных безработных составляет 2% от численности сельского населения, что почти в 3 раза выше, чем в городе [9].

Таким образом, низкий уровень развития сельской инфраструктуры (транспортной, коммунальной, социальной) является катализатором ухудшения качества социальной среды на селе, уменьшения объемов сельскохозяйственного производства, снижения занятости сельского населения.

Региональная дифференциация в современных российских условиях: Основные тенденции и проблемы

Из вышесказанного следует, что преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии отдельных регионов и муниципальных образований является одной из наиболее актуальных задач современной России. Необходимо проведение дифференцированной государственной политики в отношении субъектов Федерации, учитывая специфику и особенности той или иной территории – удаленность, климатические и погодные условия, демографические возможности, национальный и конфессиональный состав, наличие подготовленных специалистов, финансовые и особенно инфраструктурные возможности.

Существование депрессивных и слаборазвитых регионов негативно сказывается на развитии всего общества. Оно порождает сильное недоиспользование человеческих и природных ресурсов, осложняет взаимодействие отдельных частей страны друг с другом, отвлекает силы и время на ликвидацию этого порока территориальной структуры общества [5, с. 21–22].

Масштабы дифференциации таковы, что они представляют для страны не только экономическую и социальную проблему, но и угрозу национальной безопасности. В результате дисбаланса развития в регионах существует огромный разрыв в условиях занятости населения, его уровне и качестве жизни. На сегодняшний день успешно развивается только небольшая часть регионов, большинство являются дотационными. Социально-экономические различия могут стать еще более выраженными в условиях сокращения доходов местных бюджетов и трансфертов из федерального бюджета. В сложившейся ситуации регионы не в состоянии в полном объеме профинансировать выполнение всех социальных обязательств государства по эффективному функционированию и развитию объектов инфраструктуры, что приводит к нарушению конституционного права равной доступности к социальным благам и услугам всех граждан.

В России, как и в большинстве развитых стран мира, задача совершенствования общественной инфраструктуры лежит в основном на плечах государства. Но существующая бюджетная политика, к сожалению, усиливает процессы региональной дифференциации. Зачисление налога на доходы физических лиц по месту их проживания позволило бы снизить неравномерность распределения налоговой базы по муниципальным образованиям. Большие города, концентрируя на своих территориях крупные производства, являются очагами притяжения рабочей силы, что позволяет формировать их бюджетные поступления. Малые города, сельские населенные пункты, жители которых работают за пределами своего поселения, преимущественно

поставлены в условия, детерминирующие их регрессивное развитие. Такого типа муниципальные образования настолько перегружены расходными обязательствами, что не имеют возможности вкладывать ресурсы в развитие своей инфраструктуры.

Остро стоит вопрос эффективности использования бюджетных средств, выделенных непосредственно на развитие инфраструктуры. Российское правительство инвестировало в дорожное строительство огромные суммы. Фактические расходы по реализации федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 годы)» в 2002–2007 гг. составили 1,93 трлн. руб., в том числе за счет средств федерального бюджета 0,54 трлн. руб., или 27,7%. При этом значительного прироста протяженности вводимых в строй дорог не зафиксировано. Зато средняя цена 1 км автодорог в РФ значительно превышает зарубежные показатели. В частности, 1 км дороги Краснодар–Новороссийск стоил российскому бюджету в несколько раз больше, чем, например, километр среднего шоссе в США американским налогоплательщикам [3, с. 16–17].

Необходима разработка модели, обеспечивающей контроль управления процессами развития инфраструктуры, в первую очередь эффективного расходования средств, исключающего коррупционную составляющую. Данная модель должна включать субъектов контроля как со стороны общества, населения, так и бизнес-сообщества. Это предполагает разработку механизмов общественного контроля, а также государственно-частного партнерства, обеспечивающего участие предпринимателей в развитии инфраструктуры.

Особую тревогу масштабы дивергенции регионального развития РФ вызывают в свете процессов глобализации, сопровождающихся огромными издержками в финансово-экономической сфере. В новом тысячелетии размываются привычные контуры опасности и безопасности обществ и людей [2, с. 39]. Глобальная кооперация и конкуренция предъявляют особые требования к развитию современной инфраструктуры, без которой невозможно ни извлечь дивиденды из сотрудничества, ни выстоять в конкурентной борьбе. Рост социально-экономической поляризации как между странами, так и внутри них, обострение социальных проблем, рост безработицы, отрицательные тенденции миграционных процессов, дестабилизация финансовой сферы, увеличение рисков для низкорентабельных сельскохозяйственных и промышленных национальных производств – эти последствия глобализации становятся особенно острыми для стран с недостаточно высоким уровнем экономической конкурентоспособности. Именно поэтому особое внимание должно уделяться отраслям инфраструктуры, оказывающим стимулирующие воздействие на социально-экономическое развитие страны. Решение столь сложной задачи видится только в консолидации усилий государства, регионов, местного самоуправления и гражданского общества.

Литература

1. База социологических данных ВЦИОМ (http://wciom.ru/).
2. Игрицкий Ю.И. Россия – XXI: Поиск баланса в мировом дисбалансе. – Свободная мысль. – М., 2006. – № 9–10. – С. 38–52.
3. Иноземцев В.Л. Принуждение к инновациям: Стратегия для России. – М., Центр постиндустриального общества, 2009.
4. Осадчая Г.И. Социология социальной сферы: Учебное пособие для высшей школы. – 2-е изд. – М., 2003.
5. Проект концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 г. (http://minregion.ru/activities/territorial_planning).
6. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. (http://minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/).
7. Тощенко Ж.Т. Социальная инфраструктура: Сущность и пути развития. – М., 1980.
8. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480.
9. Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru).
10. Фонд «Общественное мнение» (www.fom.ru).
11. Хейфец Б.А. Конкуренция за иностранные инвестиции в таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России. – Россия и современный мир. – № 4. – 2011 (http://imepi-eurasia.ru/russian.php#soder411).
12. Хубиев К. «О содержании “новой экономики”». – Финансовая аналитика (http://finanal.ru/ekonomist).

М.А. Положихина

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И СТРУКТУРА ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Положихина Мария Анатольевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Преобразование структуры органов исполнительной власти после очередных президентских выборов превратилось в традицию современной России. За период 1992–2011 гг. по этим вопросам было принято не менее десяти указов Президента РФ, а также более 100 поправок к ним. Однако формирование органов исполнительной власти во многом остается стихийно-субъективным. Поэтому важна научная разработка принципов построения и изменения системы органов государственной власти и управления.

Очевидно, что система федеральных органов власти (управления) должна быть связана с функциями государства. Конкретнее – функции исполнительных органов (как и остальных органов государственной власти), объем их прав и полномочий должны отражать функции государства. Исходя из этого, система федеральных (государственных) органов управления в принципе должна выглядеть следующим образом:

– определенный набор государственных функций – соответствующий ему перечень федеральных органов управления первого уровня;

– определенный набор подфункций, признаваемых государственными, – соответствующий ему перечень федеральных органов управления второго уровня;

– определенный набор задач, выполняемых государством, – соответствующий ему перечень федеральных органов управления третьего уровня и т.д.[1]

1. Возможно выделение, в частности, четвертого уровня – уровня государственных подзадач.

При этом должны существовать определенные «вертикальные» и «горизонтальные» связи как во множестве «государственные функции – подфункции – задачи», так и в системе федеральных органов управления разного уровня.

Для построения такой идеальной модели управления необходимо знать: количество или принципы разграничения функций государства; количество или критерии подразделения функций государства на подфункции, а подфункций – на задачи и далее; принципы соотнесения органов управления и функций государства на одном уровне: один к одному или иначе; правила декомпозиции функций (подфункций, задач) государства во внутреннюю структуру соответствующего органа управления (обеспечивающие внутреннее единство системы управления); способы согласования органов управления одного уровня (по горизонтали) и разных уровней (по вертикали).

Однако только последний вопрос в настоящее время имеет некоторое решение. Так, для согласования действий государственных органов управления одного уровня принимаются специальные правила (в России – регламенты и совместные приказы), а вертикальное согласование деятельности органов управления обеспечивается иерархией подчинения. Попытка же построения системы федеральных органов исполнительной власти (управления) на основе современных представлений о функциях государства (т.е. «сверху вниз») наталкивается на целый ряд нерешенных теоретических проблем.

Во-первых, наука пока не дает четкого определения функций государства. В отечественной литературе приняты следующие определения. Функция рассматривается как роль, которую выполняет определенный институт по отношению к целому; как деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойства какого-либо объекта в данной системе отношений. Чаще встречается определение функций государства как основных направлений деятельности, обусловленных его сущностью, содержанием, целями и задачами [9, с. 26–48]. Но есть и другие, иногда прямо противоположные подходы. Одни исследователи считают главной функцией (целью) государства обеспечение безопасности сложно структурированного общества. Другие видят ее в защите индивида, его прав и свобод.

Во-вторых, набор государственных функций и их классификация у различных авторов осуществляется по-разному. Если одни рассматривают функции государства в генерализованном виде (две-три функции, в частности охранительная и регулятивная), то другие предпочитают их детализацию – десять и более функций.

Наиболее традиционным является разделение функций государства на внешние и внутренние, а также по сферам деятельности (экономические, социальные, политические и т.д.). Но даже на основании этих двух критериев можно построить разные системы органов управления, так как нет иерархии самих критериев.

Проиллюстрировать это можно на примере обеспечения безопасности – одной из традиционных функций государства, необходимость которой никем не оспаривается. Достаточно устоялся и набор государственных органов, деятельность которых направлена на выполнение данной функции. Однако при попытке построения системы этих органов управления на основе указанных критериев возможно несколько комбинаций (см.: рис.).

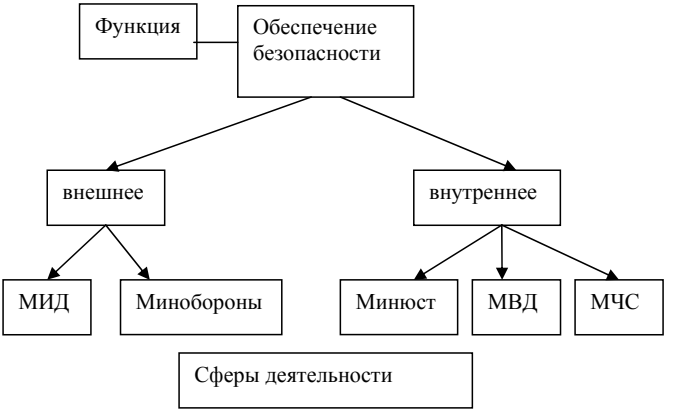
Не существует обоснованных принципов выбора, какой из вариантов предпочтительнее. А если принять во внимание, что в обеспечении безопасности участвуют и другие органы (например, здравоохранения), то ситуация становится еще более запутанной и многовариантной.

Не все ясно и с самим критерием «разные сферы деятельности». Разделение сфер деятельности и функций государства на экономические, социальные, политические и т.д. носит достаточно условный характер. В реальности между ними нет четких границ – наоборот, существуют области пересечения. Поэтому принятие каких-либо практических решений в экономической (социальной, политической и т.д.) области обязательно сопровождается позитивными или негативными эффектами в других областях. И эти побочные эффекты по своей значимости могут превосходить результаты прямого влияния. Таким образом, выполнение «чисто» экономических, социальных и т.д. функций государства в принципе невозможно. Осознанно или нет, всегда осуществляется комплексное воздействие государства на жизнь общества.

Декомпозицию других функций государства – регулятивных – провести гораздо труднее. Они в большей степени историчны и детерминированы субъективными факторами, меняются в зависимости от этапа общественного развития, внешних и внутренних условий. Сегодня очевидно, что масштабы и характер участия государства в экономике изменяются как во времени, так и в пространстве. Транформирующаяся экономика, модернизирующаяся или стабильная – разные исторические условия определяют разный набор функций государства и методы их реализации, т.е. различную комбинацию органов управления и их полномочий.

Современный период перехода общества к новому этапу развития сопровождается принципиальной трансформацией цели государства: от приоритета защиты социума к ориентации на его развитие. Другим следствием является усложнение системы государственного управления. Сегодня функций у государства становится больше, изменяется их иерархия. Вплоть до конца XIX в. в государственных расходах доминировали традиционные функции (обеспечение внутренней безопасности и обороны, администрирование и сбор налогов, развитие экономической инфраструктуры). В конце XX в. на первый план в деятельности наиболее развитых государств вышли новые функции – социальное обеспечение, образование, наука и здравоохранение [8, с. 28–29].

Вариант А.

Вариант Б.

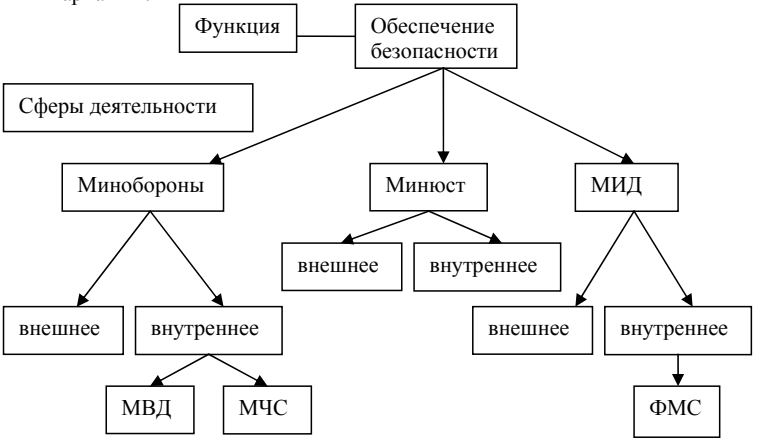

Рис. Варианты возможных комбинаций государственных органов на примере функции государства по обеспечению безопасности.

С одной стороны, современное государство является социальным, поэтому существует некоторый пакет социальных обязательств, отказаться от которого государство уже не может. Но появление новых видов социальных обязательств, как и расширение существующих, становится уже проблематичным. Ведь значительные масштабы государственных социальных льгот и пособий способствуют росту иждивенческих настроений среди населения. Выходом представляется введение системы взаимных обязательств государства и граждан, повышающей ответственность пользователей общественных (публичных, государственных) услуг. С другой стороны, государство в настоящее время должно быть еще и эффективным. В связи с этим особое значение приобретают вопросы эффективности администрирования, обостряются проблемы государственного предпринимательства и управления государственным сектором экономики.

Выбор функций, выполняемых государством, является принципиальным моментом государственной политики. А так как государство – это не просто институт (организация), но и определенная группа людей, облеченных властными полномочиями и принимающих решения, то в этом выборе высока доля субъективных факторов и, следовательно, влияния различных идеологических, философских и теоретических взглядов. В частности, количество только экономических функций государства в работах разных российских авторов значительно варьируются.

Например, согласно либеральному экономическому направлению [6], признаваемые функции государства и соответствующие им органы государственного управления выглядят следующим образом: обеспечение законности и правопорядка («функция ночного сторожа») – Минюст и МВД; оборона и защита от внешних угроз – Минобороны и МЧС; макроэкономическая стабильность (борьба с инфляцией и обеспечение устойчивости национальной валюты) – Минфин; проведение реформ и формирование необходимых институтов (по мере необходимости) – федерального органа, выполняющего подобную функцию, в настоящее время в России не существует; оказание услуг в образовании – Министерство образования; оказание услуг в здравоохранении – Министерство здравоохранения; предоставление социальных гарантий – Министерство социального обеспечения; обеспечение экологической безопасности – Министерство экологии.

С точки зрения сторонников кейнсианского подхода (так называемых «дирижистов») [6], к функциям государства и соответствующим органам государственного управления добавляются: проведение промышленной (структурной) политики – Министерство промышленности; предупреждение или устранение «провалов» рынка – Министерство экономики; государственное предпринимательство – Министерство государственного имущества и предпринимательства.

Наконец, сторонники концепции традиционных и современных функций государства [8] определяют следующий набор федеральных органов управления: оборона – Минобороны; обеспечение внутреннего правопорядка – Минюст и МВД; общее административное управление соответствующего федерального органа сегодня в России нет; организация образования – Министерство образования; здравоохранение – Министерство здравоохранения; социальное обеспечение – Министерство социального обеспечения; поддержка науки – Министерство науки; экономические услуги – Министерство экономики.

Общим у последователей приведенных взглядов является отношение к силовому и социальному блоку управления. По остальным направлениям государственного управления мнения значительно расходятся.

Разногласия по поводу функций государства являются следствием несовершенства собственно экономической теории и теории государства и права, а также недостаточного учета достижений других научных дисциплин (теории управления и теории систем). Сказываются здесь и различия в решаемых разными науками задачах. Существующие в экономической науке классификации функций государства преимущественно ориентированы на оптимизацию форм и методов государственного регулирования и не предназначены для решения вопроса о субъектах регулирования. Принятые в правоведении классификации носят преимущественно описательный характер и не пригодны для конструирования органов государственного управления. Некоторые авторы отмечают, что структура органов государственного управления (органов исполнительной власти) в России обычно рождается вне поля административно-правовой науки. Последней предоставлялось «почетное» право наукообразно описать волю политического руководства страны по этому вопросу в тот или иной промежуток времени [5, с. 135].

Наконец, имеет место терминологическая путаница (смешение целей, функций, задач, способов и методов); проявляется разный уровень абстрагирования или, наоборот, конкретизации. В результате количество функций государства может увеличиваться до бесконечности, так как отсутствуют четкие критерии их выделения. Как отмечает О. Гаман-Голутвина, административная реформа в РФ началась с призывов сократить избыточное число функций государства. Назывались цифры 500, 600, 800 и даже 5000 функций, якобы выполняемых современным российским государством, тогда как в теории и практике государственного управления их насчитывают от 5–6 до 10–12. Очевидно, что в основе тезиса об избыточности функций государства лежало расширительное толкование понятия функций, отождествляющее их с видами работ [1, с. 110–111]. Кроме того, не было проведено разграничение между полномочиями и функциями государства, полномочиями и функциями государственных органов, прежде всего органов исполнительной власти.

Между тем подобное различение весьма существенно как концептуально, так и практически. Гипертрофированные полномочия административно-политической бюрократии (органов государственного управления) действительно необходимо урезать, тогда как государству не должно непродуманно и поспешно расставаться со своими прерогативами и функциями [1, с. 110–111]. Однако принципы разделения функций государства и функций государственных органов не установлены и до настоящего времени. Более того, этот вопрос даже не рассматривается.

Согласно одному из определений, функция федерального органа исполнительной власти означает нормативно установленный вид властной деятельности этого органа государства, постоянно осуществляемый им в масштабах Российской Федерации [2, с. 114]. Приводятся возможные классификация функций органов исполнительной власти по различным признакам, в частности: а) по характеру (политические, ресурсно-распределительные, контрольные, обеспечения внешних и внутренних интересов и безопасности государства, правоохранительные («силовые»), аналитические и т.п.); б) по значимости (основные и вспомогательные); в) по уровням управления (федеральный уровень, уровень субъектов РФ, органов местного самоуправления); г) по слагаемым управленческого цикла (аналитические, планово-прогнозные, исполнительные, учетные, контрольные) [2, с. 115]. Но каким образом должно осуществляться согласование функций органов государственного управления с функциями государства неясно. Правовые формы для этого существует (например, положения об отдельных органах государственной власти), но принципиальные вопросы не решены.

Следует отметить, что все классификации функций государства исходят только из общественно значимых целей. Вместе с тем нельзя игнорировать то обстоятельство, что система органов управления имеет и свои собственные цели, в том числе цель самосохранения. Это объективно вытекает из ее свойств как системы. Поэтому, наряду с общественно значимыми целями необходимо рассматривать и собственные цели данной системы, а также их соотношение. Очевидно, что цели управляющей системы и цели социума должны быть согласованы. Следовательно, требуется и согласование соответствующих им функций. Сложность заключается в том, что варианты сбалансированного состояния различны и далеко не всегда гармоничны.

Кроме того, перечень функций государственных органов управления, особенно федеральных, по самому их определению, не может включать в себя сотни, тем более – тысячи позиций. Например, в справочной модели бизнеса федерального правительства США идентифицировано 153 внутренних и внешних функций, которые принадлежат одной из четырех областей деятельности государства (правительственных органов): услуги для граждан, обеспечение способа предоставление услуг, обеспечивающие функции и

функции управления ресурсами. Правительство Германии в ноябре 2001 г. идентифицировали 383 различные услуги (функции) государственных органов. После исключения избыточных функций, комбинирования существующих и добавления новых на ноябрь 2002 г. насчитали 410 функций федерального правительства [4, с. 28]. В начале административной реформы в России Правительственной комиссией по проведению административной реформы было проанализировано 5634 функции федеральных органов исполнительной власти, а в настоящее время признается необходимость регламентации 889 функций органов управления федерального уровня[2]. Огромная разница при идентификации функций государственных органов управления с другими странами свидетельствует о том, что в России или иначе трактуется это понятие, или объем государственной деятельности значительно больше. По мнению некоторых специалистов, произошла определенная подстановка терминов – вместо «функций» стали рассматривать «задачи» [4, с. 28]. Таким образом, содержательное разделение функций, задач, целей, работ в отечественной системе органов государственного управления все еще ждет своего концептуального и прикладного решения.

Прямой связи между функциями государства и функциями органов государственного управления в настоящее время не прослеживается. А создать на основе существующих классификаций функций государства реальную систему органов государственного управления невозможно. Попытки построения дерева целей, функций и задач государства предпринимались не раз, но переход от них к системе органов государственного управления недостаточно обоснован. Можно выполнить декомпозицию целей и функций государства, но что ей должно соответствовать: органы управления разного уровня или внутренняя организация органа управления соответствующего уровня? И как должны сочетаться функции государства и функции отдельного органа государственного управления? Однозначных ответов на эти вопросы нет. Между теоретическими конструкциями и фактическими действиями нужен посредник – методология государственного управления. В России она только появляется. При этом развитие теории идет в одном направлении, а практика – в другом.

Возможно, потребность в теоретическом решении всех этих вопросов не так уж и значительна. Но, по крайней мере, следует адекватно оценивать положение. Сейчас формирование системы органов управления происходит

2. Набиуллина Э.С. «Подведение итогов административной реформы в 2006–2010 гг. Приоритетные направления совершенствования государственного управления в 2011–2013 гг.»: материалы конференции «Развитие государственного управления в России. Настоящее и перспектива», 03.12.2010, Москва. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20101203_04

«снизу вверх» – на основе определения функций государственных органов, преимущественно путем «проб и ошибок». Это во многом стихийный процесс, причем не только в России, но и в других странах мира.

Например, во Франции законодательное закрепление структуры министерского звена управления и компетенции министров отсутствует. Французская административно-правовая наука центральную администрацию определяет как структурный элемент министров. Министерство считается совокупностью административных служб, обеспечивающих деятельность министра, и включает министра, персонал, бюджет министерства. Перечень министров устанавливается премьер-министром при формировании правительства, а утверждается президентом по предложению премьер-министра. Количество и компетенции министров не являются стабильными. Основные направления деятельности министерств устанавливаются правительственными декретами, после обсуждения в Совете министров и заключения Государственного совета [7].

В Германии система государственного управления характеризуется большей определенностью. Основным принципом является отраслевая организация министерств и ведомств. Несмотря на известную централизацию государственного управления и расширение функций центральных ведомств, отраслевое начало (разработанное еще в 1973 г.) сохраняется. Оно задает и внутреннюю структуру федеральных министерств [7]. В Германии выделяют восемь типов действий федерального правительства: сбор, обработка и предоставление общей и специализированной информации; консультирование; подготовка политических решений или законов; взаимодействие между ведомствами; общие процедуры обработки заявлений, поступающих в государственные ведомства; реализация процедур закупок; процедуры оказания содействия и помощи; реализация функций надзора и контроля [4, с. 41]. При этом четкой классификации органов управления нет, а функции отдельных министерств не всегда укладываются в строго очерченные рамки [7].

Высказывается мнение, что классификации функций государства в целях формирования системы государственного управления вообще быть не может. Такое суждение представляется весьма сомнительным. Просто решение этих проблем лежит не в области экономической науки или правоведения, а в сфере теории управления. В России эта область научного знания применительно к государству развита слабо. Поскольку проблема создания системы органов государственного управления на основе функций государства как научная задача не ставилась, здесь много нерешенных теоретических вопросов.

Как уже отмечалось, построение отечественной системы органов государственного управления осуществляется «снизу вверх» – по некоторой комбинации их функций и сфер деятельности (полномочий и компетенций). Научная обоснованность такой конструкции явно недостаточна. Определение

специфических функций (группы функций), для реализации которых должен создаваться орган государственной власти (управления), остается одной из труднейших задач государственного строительства в России [3, с. 111]. Основания для построения федеральных органов исполнительной власти носят скорее субъективный характер, а число возможных логических комбинаций весьма значительно. Такая недостаточная рациональность структуры отечественного государственного аппарата является одной из причин низкой эффективности системы государственного управления в России.

Литература

1. Административные реформы в контексте властных отношений: Опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе. – М., 2008. – 367 с.

2. Барциц И.Н. Система государственного и муниципального управления: Учеб. курс: В 2 т. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – Т. 1. – 463 с.

3. Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России: Правовой аспект. – М.: Формула права, 2008. – 508 с.

4. Данилин А.В. Электронные государственные услуги и административные регламенты. От политической задачи к архитектуре «электронного правительства». – М.: Изд-во Инфра-М, 2004. – 336 с.

5. Женетель С.З. Теоретические проблемы административного процесса в условиях административных реформ. – М.: МГУПИ, 2008. – 168 с.

6. Модернизация экономики и государство // Материалы VII Международной научной конференции, 4–6 апреля 2006 г., Москва. Ч. 1 / Отв. ред. Е.Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 525 с.

7. Пронкин С.В., Петрунина О.Е. Государственное управление зарубежных стран: Учеб. пособие / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 414 с.

8. Рогов С.М. Традиционные и современные функции государства // ЭКО. – Новосибирск, 2005. – № 8. – С. 26–46.

9. Хусаинов З.Ф. Экономическая функция российского государства: Вопросы теории, истории. – М., 2007. – 252 с.

В.Ю. Музычук

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Музычук Валентина Юрьевна – кандидат экономических наук, заведующая сектором эффективности социальной сферы Института экономики РАН.

1. Противоречивость государственной культурной политики

Прошло два десятилетия с момента обретения Россией своей суверенности, но несмотря на общепринятую риторику о важности культуры и искусства, социально-экономические и институциональные преобразования прошедших лет свидетельствуют о том, что культура так и не стала приоритетным направлением государственной политики. Об этом свидетельствует ряд обстоятельств.

- Культура не вошла в перечень приоритетных национальных проектов.
- Упоминание о культуре в ежегодных обращениях Президента РФ к Федеральному Собранию РФ впервые появилось в тексте Послания только в 2007 г.
- Статья 7 Закона РФ от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», гарантирующая обязательность проведения экспертизы любых государственных программ с точки зрения воздействия их результатов на развитие культуры, на практике не работает.
- Концепция-2020[1] демонстрирует, что культура постепенно перестает быть сферой ответственности государства, в результате чего происходит перенос центра тяжести в поддержке культуры с государства на плечи населения.

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р).

- В соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД) услуги учреждений культуры оказались в разделе «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», в то время как услуги образования и здравоохранения имеют свои отдельные разделы[2]. Тем самым изменился общественный статус государственных (муниципальных) учреждений культуры: если раньше их деятельность декларировалась как реализация государственной культурной политики, направленной на приобщение населения к культурным ценностям и сохранение преемственности развития отечественной культуры, то в настоящее время они низведены до уровня оказания бытовых услуг населению.
- Введение новых организационно-правовых форм государственных (муниципальных) учреждений (ФЗ об АУ[3] и ФЗ № 83[4]) ознаменовалось лишением организаций культуры, зарегистрированных в форме автономных и бюджетных учреждений, субсидиарной ответственности государства[5].
- Распространение на сферу культуры норм федерального закона о госзакупках[6] поставило ее на одну ступень с отраслями промышленного производства без учета творческой специфики культурной деятельности. В результате при выборе поставщика услуги превалирующим оказывается не качество ее предоставления, включая творческую составляющую, а минимальная цена контракта[7].

2. В результате с 2005 г. в Российском статистическом ежегоднике не приводятся данные по средней численности работников культуры и искусства, их среднемесячной заработной плате, а также другие социально-экономические показатели развития отрасли, так как они «размываются» в общей массе «прочих коммунальных, социальных и персональных услуг».

3. Федеральный закон Российской Федерации от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях».

4. Федеральный закон Российской Федерации от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием организационно-правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

5. «Собственник имущества автономного учреждения не несет ответственности по обязательствам автономного учреждения» (п. 5 ст. 2 174-ФЗ); «собственник имущества бюджетного учреждения не несет ответственности по обязательствам бюджетного учреждения» (п. 2 ст. 120 ГК РФ).

6. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

7. Требования творческих работников частично были учтены. Федеральным законом от 21.04.2011 № 79-ФЗ внесен ряд изменений в 94-ФЗ, затрагивающих размещение заказов в сфере культуры.

- С 2011 г. СМИ выведены из-под юрисдикции Минкультуры РФ и в настоящее время регламентируются Минкомсвязи России. Таким образом, колоссальный потенциал СМИ по культурному просвещению общества рискует оказаться незадействованным в контексте культурного развития, включая книгоиздание и издательскую деятельность.
- Согласно Постановлению Правительства РФ от 15 апреля 2009 г. № 322 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 "Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ"», культура не попала в перечень основных сфер деятельности, по показателям развития которых можно судить об эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти[8]. Это же справедливо и в отношении оценки эффективности органов местного самоуправления.
- Общественность находится в неведении относительно целей и результатов культурной политики, а также распределения и использования средств. Отсутствие системы мониторинга условий и тенденций культурной жизни свидетельствует о пренебрежении общественным мнением как культурным и политическим механизмом.
- Несмотря на существующие премии и гранты деятелям культуры, представители творческих профессий не обладают достаточной силой для преобладающего влияния на культурную жизнь в стране. Как известно, ФЗ о монетизации льгот[9] существенным образом урезал государственные гарантии творческим работникам в Основах законодательства РФ о культуре. Так, исчезли нормы закона, касающиеся совершенствования системы материального и социального обеспечения, совершенствования системы налогообложения творческих работников с учетом специфики творческой деятельности; обеспечения творческих работников льготными условиями доступа к учреждениям образования, библиотекам, музеям, архивам и другим организациям культуры.

8. Таких сфер деятельности всего 11: экономическое развитие; здравоохранение и здоровье населения; общее образование; начальное и среднее профессиональное образование; жилищное строительство и обеспечение граждан жильем; ЖКХ; дорожное хозяйство; обеспечение безопасности граждан; организация государственного и муниципального управления; энергосбережение и повышение энергетической эффективности; охрана окружающей среды.

9. Федеральный закон от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"».

- Приобщение к культурным ценностям сводится исключительно к посещению объектов культуры. Но для того чтобы культурные ценности были востребованы, необходимо из поколения в поколение прививать «вкус» к культуре, чтобы она становилась насущной необходимостью в жизни каждого человека. Согласно известному отечественному культурологу и философу А.Я. Флиеру, «…культура не передается от родителей генетически, а приобретается по ходу жизни. Общество должно взрастить ее в каждом человеке, познакомить его со всем сводом норм и порядков, с "правилами игры" социокультурного бытия, четко очертить границы, за которыми кончается "нормальное" социокультурное поле и начинается поле маргинальное» [Флиер (1998. С. 186)].
- Государственное финансирование культуры в России не является защищенной статьей бюджета[10]. Статистические данные свидетельствуют о том, что за чуть менее чем 20-летнюю историю российской суверенности расходы на культуру, кинематографию и СМИ не претерпели существенных изменений как в общем объеме ВВП, так и в совокупных расходах консолидированного бюджета РФ. Сфера культуры по-прежнему финансируется по остаточному принципу, без учета реальных потребностей в ее поддержке и дальнейшем развитии.

За период с 1991 по 2010 г. расходы на культуру, кинематографию и СМИ варьировались в диапазоне от 0,5 до 0,75% от ВВП, а их доля в общих расходах консолидированного бюджета РФ составляла приблизительно 2–2,25% (рис. 1).

Расходы на культуру, кинематографию и СМИ в сопоставимых ценах (2000) росли за рассматриваемый период вплоть до 2008 г., причем уровень 1991 г. был преодолен только в 2004 г. (рис. 2).

Начиная с 2008 г. наметилась тенденция к снижению объемов финансирования сферы культуры. В 2010 г. расходы на культуру, кинематографию и СМИ были проиндексированы на величину чуть большую показателя официальной инфляции, поэтому остались практически на уровне 2009 г.

10. В первоначальной редакции Основ законодательства РФ о культуре от 09.10.1992 г. была закреплена специальная правовая норма, которая гласила: «Основой государственных гарантий сохранения и развития культуры в Российской Федерации является ***государственное*** *финансирование» (ст. 45). Далее раскрывался конкретный механизм государственной поддержки: «На эти цели ежегодно направляется не менее 2% средств республиканского бюджета Российской Федерации. Размеры ежегодных ассигнований на культуру в государственных бюджетах республик в составе Российской Федерации и местных бюджетах не могут быть менее 6% средств соответствующих бюджетов». В связи с принятием получившего широкий общественный резонанс так называемого закона о монетизации льгот, данная статья Основ законодательства о культуре утратила свою силу.*

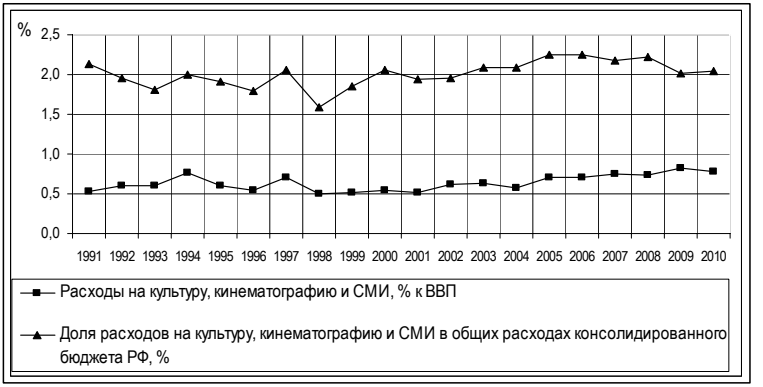

Рис. 1. Доля расходов на культуру, кинематографию и СМИ в ВВП и в общих расходах КБ РФ, %.

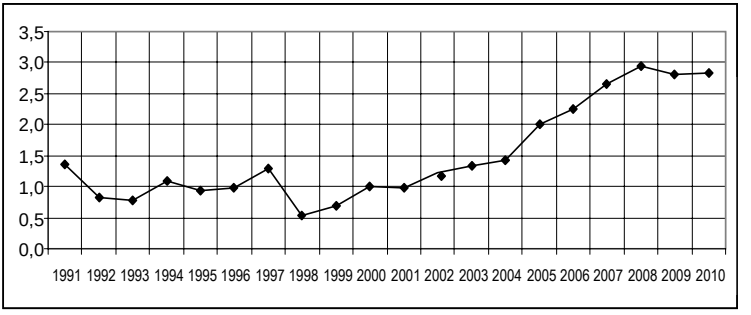

Рис. 2. Темпы роста расходов на культуру, кинематографию и СМИ к уровню 2000 г. (в сопоставимых ценах).

Наконец, сфера культуры по-прежнему воспринимается как отрасль, функционирование которой обременительно, убыточно для государственного бюджета. Финансово-экономические ведомства предпринимают настойчивые попытки оценить культуру исключительно с точки зрения экономической эффективности. Складывается впечатление, что культурная политика, как,

впрочем, и социальная политика, политика в сфере образования, здравоохранения являются не самостоятельными направлениями государственной политики, а производными от бюджетного процесса.

2. Будущее культуры в Стратегии-2020

14 марта 2012 г. была представлена окончательная версия обновленной стратегии социально-экономического развития России до 2020 г. (далее: Стратегия-2020), подготовленная экспертным сообществом во главе с НИУ ВШЭ и РАНХиГС[11]. Как известно, Стратегия-2020 призвана заменить Концепцию социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (Концепция-2020), принятую Правительством РФ в конце 2008 г. в самом начале мирового финансового кризиса.

В Стратегии-2020 декларативно признается, что «задача восстановления и закрепления сравнительных преимуществ в области образования и культуры является первоочередной для стратегии развития России как с позиции обеспечения экономического роста, так и для устойчивости социальной политики» [Стратегия-2020, с. 5]. Однако в отличие от своей предшественницы, в ней отсутствует как таковой раздел, посвященный перспективам развития сферы культуры и искусства в России до 2020 г. В 864-страничном документе, определяющем главный вектор социально-экономического развития страны до 2020 г., упоминание о культуре сведено к минимуму.

В Стратегии-2020 декларируется, что «Новая социальная политика должна полнее учитывать интересы тех слоев общества, которые способны реализовать потенциал инновационного развития. <…> С культурной точки зрения это люди с высшим образованием, относящиеся к креативному классу (по меньшей мере, потенциально)» [Стратегия-2020, с. 4]. Следует напомнить, что концепцию креативного класса впервые ввел в широкий научный оборот американский социолог Ричард Флорида в своем нашумевшем бестселлере «Креативный класс: Люди, которые меняют будущее»[12]. К креативному классу он относит людей, «производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности». Напротив, развитие креативности в Стратегии-2020 ассоциируется исключительно с инновационным мышлением и предпринимательскими способностями, абстрагируясь от важнейшей роли культуры в творческом процессе, лежащем в основе креативности.

11. http://strategy2020.rian.ru/news/20120314/366267326.html

12. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. – М.: Классика XXI, 2007. (Florida R. (2002) The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. – New York: Basic Books).

В Стратегии-2020 перспективы развития культуры сводятся лишь к «реструктуризации прямых бюджетных расходов на культуру, кинематографию и СМИ» (пункт *е*) в рамках «обеспечения устойчивости федерального бюджета». Объем финансирования культуры и кинематографии представляет собой статичную величину на протяжении всего временного диапазона действия Стратегии-2020 в размере 0,6% от ВВП, причем не в расходах консолидированного бюджета РФ, а в расходах бюджета «расширенного Правительства», т.е. с учетом объемов внебюджетных фондов (табл. 1).

Таблица 1

ПАРАМЕТРЫ БЮДЖЕТА РАСШИРЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, в % ВВП

	2011	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Расходы, в том числе:	37,7	38,0	38,1	37,9	37,6	37,3	37,2	37,1	36,5	35,9
Образование	4,0	4,1	4,1	4,2	4,3	4,5	4,8	5,3	5,3	5,3
Культура, кинематография	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
СМИ	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2

Источник: Стратегия-2020, с. 135.

Для сравнения: в Концепции-2020 (п. 3.5) предполагалось, что «реализация инновационного варианта развития экономики приведет к увеличению расходов бюджетной системы на культуру, кинематографию и СМИ с 0,7% ВВП в 2007 г. до 1,5% ВВП в 2020 г.» [Концепция-2020, с. 64].

Между тем нельзя не признать, что ознакомление с текстом Стратегии-2020 расставило точки над «i» в отношении перспектив развития отечественной культуры, заложенных в законопроекте № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации» (далее по тексту – Законопроект).

3. Основные новации проекта Федерального закона «О культуре в Российской Федерации»

Законопроект, подготовленный совместно Комитетом по культуре Госдумы РФ под председательством Г.П. Ивлиева и Российским институтом культурологии под руководством К.Э. Разлогова, был внесен на рассмотрение в Госдуму РФ 21 октября 2011 г. Он призван заменить закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (далее по тексту – Основы законодательства о культуре). В Пояснительной записке к законопроекту говорится: «Основы законодательства Российской Федерации о культуре устарели и больше не соот-

ветствуют современному состоянию общества и уровню развития законодательной базы, не вписываются в реалии XXI века, не отражают потребности граждан Российской Федерации»[13].

Стилистика законопроекта целиком и полностью отвечает сложившейся в настоящее время практике рамочного законотворчества, когда в процессе унификации законодательства все законы разрабатываются по одному и тому же шаблону, при котором тонкости юриспруденции превалируют над содержательной стороной закона.

Более того, процедура внесения законопроекта в Госдуму продолжает порочную практику рассмотрения и последующего утверждения законов без подготовленного пакета подзаконных актов. Практика отечественного законотворчества не раз демонстрировала, как принятые подзаконные акты напрочь перечеркивали дух и букву основного закона.

Несмотря на то, что, по мнению разработчиков, Основы законодательства о культуре от 1992 г. устарели и не отвечают современным реалиям, *формулировки основных понятий и содержательных статей в массе своей заимствованы из старого закона*. При детальном ознакомлении с текстом Законопроекта не покидает острое ощущение пустоты, выхолощенности его основного содержания.

Нельзя не отметить, что ряд требований профессионального сообщества был учтен разработчиками при подготовке законопроекта. Среди несомненных достоинств законопроекта – *возможность бесплатного получения второго высшего образования в сфере культуры и искусства, введение конкурсной основы для получения среднего профессионального образования творческой направленности* (п. 2, ст. 43; курсив мой. – *В.М.*).

Одним из безусловных достоинств законопроекта является попытка реанимировать важнейшую норму старого закона о том, что «основой реализации государственных гарантий сохранения и развития культуры в Российской Федерации является *бюджетное финансирование сферы культуры*» (п. 2, ст. 49; курсив мой. – *В.М.*). Правда, в представленном законопроекте *расходы на культуру по-прежнему не являются защищенной статьей бюджета*. Законопроект ограничивается казенными формулировками: «Расходные обязательства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в сфере культуры определяются в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации» (п. 2, ст. 49). О масштабах бюджетного финансирования, предусмотренных законопроектом, можно судить по следующей законодательной норме: «Расходы федерального бюджета на культуру ежегодно устанавливаются федеральным за-

13. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О культуре в Российской Федерации». – С. 1.

коном о федеральном бюджете на очередной финансовый год *на основе норматива минимальной бюджетной обеспеченности этих расходов*, устанавливаемого Правительством Российской Федерации» (п. 3, ст. 49). По аналогии устанавливаются нормативы минимальной бюджетной обеспеченности расходов на культуру в субъектах РФ (п. 4, ст. 49). П. 3 и 4 ст. 49 могут стать «ахиллесовой пятой» нового закона о культуре, так как установление нормативов минимальной бюджетной обеспеченности расходов на культуру авторитарным решением чиновников без процедуры широкого общественного обсуждения способно «свести на нет» все позитивные стороны законопроекта. Причем, что понимается под нормативом минимальной бюджетной обеспеченности расходов на культуру, в законопроекте не раскрывается.

Законопроект поражает обилием нечетких, обтекаемых формулировок, которые позволят в будущем трактовать диаметрально противоположно одни и те же нормы закона. Речь, в частности, идет о ст. 11, определяющей гарантии государства на право «пользования организациями культуры и доступ к культурным ценностям», в соответствии с которой органы государственной власти Российской Федерации «инвестируют средства и (или) создают условия для инвестирования средств». Подобные обтекаемые формулировки применяются в отношении важнейших государственных решений в сфере культуры: создания организаций культуры, развития инфраструктуры сферы культуры (п/п. 2, п. 2, ст. 11); развития информационных и коммуникационных технологий в сфере культуры (п/п. 1, п. 2, ст. 11); создания баз данных по культурному наследию и текущей культурной деятельности (п/п. 10, п. 2, ст. 11). Наличие формулировки «и (или)» в законопроекте чревато тем, что финансовые обязательства государства могут быть низведены лишь до уровня «создания условий для инвестирования средств».

Примечательно, что «развитие информационных и коммуникационных технологий в сфере культуры, особенно телевидения и сети Интернет» имеет, по всей видимости, более приоритетное значение (п/п. 1, п. 2, ст. 11), чем создание организаций культуры и развитие инфраструктуры сферы культуры (п/п. 2, п. 2, ст. 11). Это находит свое подтверждение в тексте Стратегии-2020.

Вызывает серьезные опасения декларируемое в законопроекте *введение минимальных социальных стандартов в сфере культуры*: «В Российской Федерации устанавливаются государственные минимальные стандарты в сфере культуры – единые на всей территории Российской Федерации требования к объему и качеству предоставления определенного вида бесплатных услуг в сфере культуры гражданам Российской Федерации *на минимально допустимом уровне* (курсив мой. – *В.М.*) для обеспечения реализации установленных в Конституции Российской Федерации отдельных социальных гарантий и прав граждан в сфере культуры, финансируемых из бюджетов всех уровней

бюджетной системы Российской Федерации» (п. 3, ст. 11). Если введение минимальных социальных стандартов в образовании хотя и с трудом, но поддается логическому объяснению, то этого нельзя сказать о минимальных социальных стандартах в сфере культуры в условиях снижения культурного уровня общества и доступности культурных ценностей для широких слоев населения.

Признание исключительной роли творческого работника в культурной деятельности не нашло отражения в тексте законопроекта. Перечень государственной помощи творческим работникам предельно лаконичен: «Федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления в рамках своей компетенции *вправе* (курсив мой. – *В.М.*) предоставлять индивидуальные гранты; учреждать именные премии за особые достижения в сфере культуры; устанавливать надбавки к должностным окладам творческих работников; устанавливать повышенные тарифные ставки специалистам государственных организаций культуры, в том числе работающим в сельской местности; осуществлять иные меры государственной поддержки» (ст. 25). Настораживает необязательность действий государственных органов, что чревато бездействием вообще[14].

Все сказанное свидетельствует о том, что утверждение законопроекта № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации» запускает механизм принятия огромного массива подзаконных актов, создающих большие возможности для произвола чиновников в одной из ключевых сфер общественного устройства.

Если разработчики законопроекта анонсировали его как совершенно новый закон о культуре, то на поверку оказывается, что он представляет собой далеко не лучшую компиляцию законодательных норм из разных редакций все тех же, по их мнению, устаревших, Основ законодательства РФ о культуре от 1992 г.

Финансовые обязательства государства в виде норматива минимальных расходов бюджета в свете представленной Стратегии-2020 закрепляют пресловутый остаточный принцип финансирования культуры как «ресурса инновационного развития».

В заключение следует отметить, что Общественная палата РФ подготовила альтернативный проект Федерального закона о культуре, который получил название «О культурной деятельности и основах государственной куль-

14. Как известно, ФЗ о монетизации льгот существенным образом урезал государственные гарантии творческим работникам в Основах законодательства РФ о культуре. В представленном законопроекте нет ни намека на возврат этих важнейших аннулированных государственных гарантий работникам сферы культуры.

турной политики в Российской Федерации». Однако ознакомление с текстом данного законопроекта дает основания говорить лишь о более тщательном юридическом оформлении документа. Что же касается его содержательной стороны, то формулировки принципиально важных статей, регламентирующих организационно-экономические особенности функционирования сферы культуры, целиком и полностью заимствованы из законопроекта, внесенного в Госдуму, что не дает ему никаких весомых оснований называться альтернативным в прямом значении этого слова.

Будущее России связывают с инновационной экономикой, необходимостью скорейшего перехода к «инновационному социально-ориентированному типу развития» (в терминах Концепции-2020). При этом, как правило, делается акцент на приоритетном развитии образования и науки, но этого явно недостаточно. Важнейшей детерминантой перехода к инновационному социально-ориентированному типу развития является культура. Необходим новый взгляд на государство как носителя долгосрочных интересов общества, при котором государственная поддержка культуры и искусства будет расцениваться не с позиций обременения государственного бюджета, а как инвестиции в человеческий потенциал, вложения в будущее страны.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

Н.И. Кожевникова

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР

Кожевникова Наталия Ивановна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН.

Демографическую ситуацию, сложившуюся в России в последнее десятилетие XX столетия, можно характеризовать не просто как негативную, а как кризисную, угрожающую всему будущему развитию страны. Современная численность населения России для огромной, но слабозаселенной территории не может быть понято вне связи с кардинальными изменениями в социально-экономическом и, как следствие, в социально-демографическом развитии страны, произошедшими на протяжении прошедшего столетия. Вместе с тем вектор современного демографического развития России в целом фактически соответствует вектору демографического развития наиболее развитых стран Запада, с которыми граничит ее наиболее заселенная, европейская часть территории, поскольку демографическое развитие и демографические проблемы в этих странах во многом совпадают с российскими.

Исторический опыт свидетельствует, что попытки «подражать» развитию Запада Россия в различных аспектах социально-экономического и социально-демографического развития в той или иной мере начала осуществлять еще при Петре I. Однако на сегодняшний день в российском государстве по сравнению со странами западноевропейскими демографическая ситуация наиболее опасна. Объясняется это, с одной стороны, ярко выраженным «демографическим дисбалансом» в развитии России по сравнению с сопредельными к ней государствами в азиатской части так называемой основной полосы расселения, где Россия соседствует с перенаселенным Китаем и другими странами Центрально-Азиатского региона. С другой стороны, особую тревогу в современном характере негативного течения демографического развития вызывают слабозаселенные территории Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, к которым относится 2/3 территории всей страны, поскольку они

представляют собой фактически бесценный по природным ископаемым регион. Причем в масштабе не только России, но и всего земного шара.

Самую большую опасность в области демографического развития России вызывают в настоящий момент процессы обезлюживания, как раз наиболее активно происходящие во всех российских стратегически важных приграничных территориях, в том числе особенно сильно в северных или приравненных к ним регионам. Причем это происходит на фоне депрессивности их экономики и наличия (начиная с Калининградской области и заканчивая Сахалином) территориального интереса, а иногда и претензий со стороны сопредельных государств. Однако следует подчеркнуть, что большинство последних вопросов при этом обусловлены не только историческими, но и современными особенностями изменения внутренних и внешних границ, а также состоянием современного приграничного сотрудничества.

Следует помнить, что с общемировых позиций, для стран с отрицательной динамикой населения в контексте их национальной безопасности наиболее опасными являются следующие тенденции. Прежде всего, тенденция сокращения когорт молодого, потенциально военнообязанного контингента мужского населения даже в условиях современных войн может привести к серьезному падению обороноспособности страны в целом. В рамках современных демографических тенденций численность 18-летних мужчин в России к 2050 г. будет колебаться, по прогнозам демографов, от 200 до 300 тыс. человек[1]. Следом назовем тенденции в развитии процессов старения населения и, соответственно, негативные сдвиги в половозрастной его структуре, которые с каждым годом будут все более и более тяжким бременем для всей экономической системы страны и, в особенности, системы пенсионного и медицинского обслуживания. В России к 2025 г. ожидается снижение доли трудоспособного населения с 63,3–63,5% в 2006–2008 гг. до 57,6–57,9% к 2020–2025 гг. [10, с. 60]. Наконец, опасность представляет тенденция к замещению коренного населения новоприбывшими мигрантами, что приводит к изменению этнического состава населения и, как показали недавние события во Франции, Дании, Голландии и других странах, чревато возникновением межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Для демографического будущего России данные процессы выглядят поистине угрожающе, особенно из-за соседства с перенаселенным Китаем, о чем уже говорилось выше.

Миграция является наименее инерционным из демографических процессов, а в создавшихся условиях обезлюживания приграничных регионов России именно фактор времени играет особо важную, можно сказать решающую, роль. В связи с этим, на наш взгляд, в настоящий момент основное

1. http://demoscope.ru/weekly/knigi/nsr02/acrobat/glava6.pdf

внимание российского государства в вопросах выбора (с точки зрения геополитической целесообразности в сложившихся условиях) основного направления для ее дальнейшего демографического развития должен привлекать вопрос не только тенденций развития на ее территории процессов рождаемости и смертности, но и миграции. Вообще следует помнить, что для того, чтобы численность российского населения в 2025 г. была 145 млн. человек (в соответствии с целью, поставленной в Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г.) [3], российское государство должно осуществлять активную иммиграционную политику. По нашим расчетам, для этого необходимо ежегодно привлекать в Россию на постоянное место жительства 400–425 тыс. мигрантов, или 6250 тыс. человек за весь период до 2025 г. [9, с. 103]. Это – труднодостижимо. В связи с этим, на наш взгляд, основное внимание ученых и практиков в области демографии должно быть перенесено в область качественных аспектов развития российского населения – в частности, на иммиграционную политику, с одной стороны, и на картину внутрироссийского размещения российского населения по территории, по отдельным субъектам Российской Федерации – с другой.

Вектор демографического развития России зависит от демографической ситуации и ее динамики в каждом из регионов. А это связано со многими факторами, в числе которых – социально-экономическое положение субъекта. Это подтвердило и специально проведенное нами исследование демографической политики современной России для разработки методологии оценки ее результатов, особенно – оценки эффективности затрат на ее проведение во второй половине 2000-х годов [2]. Именно этот период в нашей стране характеризуется явной активизацией в проведении демографической политики. Анализ в разрезе всех субъектов Российской Федерации стандартизованных (за стандарт принята возрастно-половая структура населения России в 2005 г.) коэффициентов рождаемости, смертности и депопуляции, динамики этих показателей в 2006–2010 гг., а также вклада разных регионов в естественный прирост и естественную убыль населения свидетельствуют об огромном разнообразии их демографического развития. Далее мы увидим, что в одной группе регионов в рассматриваемые годы более успешно решалась задача повышения рождаемости. Причем в этой группе оказались и те субъекты Российской Федерации, у которых показатели рождаемости уже в начале анализируемого периода были заметно выше средних по стране, и те, у которых они были намного ниже этого уровня. В другой группе, наоборот, наибольшие успехи в эти годы были достигнуты в вопросах снижения смертности. И те, и другие регионы, если исключить влияние на демографические процессы численности их населения, в связи с этим внесли различный вклад в сокращение смертности, рост рождаемости и уменьшение естественной убыли населения в общероссийском масштабе, т.е. по-разному участвовали в

изменении направления вектора демографического развития России в данный период.

Возможны несколько способов сравнения демографического положения регионов, учитывающего параметры рождаемости, смертности и миграции. Один из них, самый простейший – это сопоставление рейтингов, суммированных по каждому из указанных показателей для каждого субъекта Российской Федерации. Методологический изъян этого подхода – отсутствие удельного веса сравниваемых показателей, так как все их рейтинги входят в общую сумму с одинаковым весом[2]. Поэтому, если воспользоваться таким приемом, как простое суммирование рангов регионов по всем показателям, характеризующим демографическое развитие (в данном случае – рождаемости и смертности), то получается, что сумма рангов в Республике Ингушетия составляет 102, и она интегрально выходит на первое место по демографическому развитию среди всех остальных субъектов Российской Федерации. Следом за ней в группу лидеров вошли, соответственно, Алтай, Хакасия, Тыва, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Иркутская область, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики, а также Республика Бурятия. У этих регионов лучше стандартизованные показатели рождаемости, смертности, депопуляции, лучше темпы их изменения и больше вклад в улучшение демографической ситуации в России в целом. Хуже у них ранги лишь в одном каком-то показателе. Так, например, в Республике Ингушетия и Чеченской Республике это сокращение смертности, по которому данные субъекты находятся, соответственно на 77-м и 79-м месте и т.п.

В то же время в другой группе регионов, например в Магаданской области сумма рангов достигла 650, что поставило ее в конец ранжированного ряда всех субъектов Российской Федерации по благоприятности демографических показателей и их динамике за эти годы. В эту неблагоприятную по демографической ситуации группу вошли Республика Карелия, Чукотский автономный округ, Московская, Воронежская, Ленинградская, Смоленская, Тамбовская, Новгородская и Тульская области. В Магаданской области, как в худшем по демографическому состоянию и его динамике субъекте Российской Федерации, лишь одно относительно приемлемое – 31-е место во вкладе в сокращение естественной убыли населения в России.

Другой способ, по нашему мнению, возможен на пути конструирования интегрального показателя. Высказываемые неоднократно в научной литературе предложения о замене системы показателей при анализе демографической ситуации одним интегральным коэффициентом, считались, как правило,

2. То есть определяются методом статистической простой средней, а не взвешенной с учетом удельного веса каждого показателя.

нецелесообразными. В настоящее время подобные попытки, на наш взгляд, по-прежнему должны вызывать сомнения. Тем не менее в мировой практике мы видим примеры использования таких интегральных показателей. Один из них – индекс развития человеческого потенциала. Величина этого индекса определяется как средняя из трех индексов: уровня образования, душевого валового внутреннего продукта и средней продолжительности жизни населения. Однако проведенный в разрезе всех субъектов Российской Федерации анализ данного показателя свидетельствует об огромном разбросе его величины по регионам России и представляется также в данный момент для анализа в рамках настоящего исследования нецелесообразным.

Анализ величины государственных затрат и полученных в ходе их реализации результатов демографической политики России в период 2006–2009 гг. на уровне всех субъектов Российской Федерации, сопоставление этих результатов с аналогичными затратами в других странах мира позволяет утверждать следующее. Очевидно, что демографическая ситуация в каждом регионе и ее динамика зависят от многих факторов, в числе которых на первом месте – социально-экономическое положение субъекта Российской Федерации, а также структура и менталитет проживающего там населения, доля расходов в консолидированном бюджете на социальные и демографические цели, набор применяемых мер и т.д. В какой мере все эти факторы направлены на улучшение демографической ситуации в регионах, при прочих равных условиях непосредственно зависит от деятельности администраций субъектов Российской Федерации, и в первую очередь – их руководителей. Наше исследование показало, что бесспорным доказательством успешности демографической (подчеркнем демографической, а не социальной) политики не является увеличение доли расходов, выделяемых на ее проведение, из валового внутреннего продукта.

В частности, приводимые в публикациях российских демографов данные о доле затрат на демографические цели в валовом внутреннем продукте ряда стран в сравнении с показателями рождаемости можно аргументировать и за, и против. Данные об уровнях рождаемости в странах с разной долей валового внутреннего продукта, поступающей на проведение семейной политики, демонстрируют достаточно противоречивую картину связи между этими параметрами. С одной стороны, можно видеть зависимость уровней рождаемости от доли расходов на семейную политику: в Италии, Испании, Греции и Португалии эта доля ниже 2% и показатели рождаемости самые низкие в группе приводимых стран, тогда как в Дании и Норвегии и доля расходов в ВВП, и показатели рождаемости самые высокие. С другой стороны, в Греции и Германии, где почти при одинаковых уровнях рождаемости, в первой – доля ВВП, направляемая на стимулирование рождаемости в 3–4 раза ниже, чем в Германии, в которой к тому же и ВВП на душу населения в 1,5–1,6 раза вы-

ше. Во Франции и Исландии самые высокие показатели рождаемости, а доля затрат на семейную политику заметно ниже, чем в Германии и Швеции, странах, имеющих более низкую рождаемость. По величине душевого ВВП Россия отстает [6]. Вследствие этого и, в еще большей мере, из-за существующей системы распределения, уровень оплаты труда при близких ценах на потребительские товары остается в России заметно ниже, чем в европейских странах. В «голодном» 1990 г. мяса и мясных продуктов в Советской России потреблялось на душу населения лишь на 10% меньше, чем, например, в 2003–2004 гг. в Великобритании или Германии, тогда как в современной России отставание составляло в начале 2000-х годов 40% [6].

Необходимо иметь в виду, что меры демографической политики реализуются не в стерильной среде, а в условиях противоречивой динамики общественного развития. Существенный рост рождаемости и сокращение смертности в России, начавшиеся в 2006 и 2007 гг., соответственно, происходили в условиях заметной стабилизации социально-экономической и политической жизни в стране. В последующем, начиная с 2008 г., положение стало меняться, что, кстати, могло сказаться и на затухании эффективности, проводимой в эти годы политики стимулирования рождаемости посредством так называемого «материнского капитала». Нельзя сказать, какая конкретная мера вызвала тот или иной конкретный результат. Различные меры действуют не изолированно сами по себе, а в комплексе с другими мерами и в определенных условиях, из числа которых в каждом регионе на первое место надо поставить, как говорилось выше, уровень экономического развития и социально-экономическую ситуацию.

Индикаторами, выражающими благополучие регионов могут выступать объемы ВРП и консолидированного бюджета в расчете на душу населения, а также доли социальных затрат и прожиточного минимума в первом и во втором. Различия этих показателей между регионами колоссальны. Так, ВРП в расчете на душу населения на Сахалине и Чукотке больше, чем аналогичный показатель в Чеченской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой республиках примерно в 10 раз, а в Москве и Тюменской области (вместе с автономными округами) больше почти в 15 раз. Такая же картина и при сравнении душевого уровня дохода консолидированного бюджета. В Брянской области, Кабардино-Балкарии и Дагестане величина этого показателя в 6 раз меньше, чем в Москве, Тюменской и Сахалинской областях, а в сравнении с Чукотским автономным округом – в 16 раз. В 2008 г. душевые расходы на здравоохранение, физическую культуру, спорт, социальную политику в семи регионах (Владимирская, Курская и Тамбовская области, республики Башкортостан, Марий-Эл, Адыгея и Карачаево-Черкесия) были ниже 6 тыс. руб. А в Дагестане и Кабардино-Балкарии – даже ниже 5 тыс. руб. Эти величины в 5–6 раз меньше, чем в Москве и Санкт-Петербурге и еще значительнее разрыв с та-

кими северными территориями, как Чукотка, Сахалин и особенно Ханты-Мансийский автономный округ, имеющий в стране самые большие душевые расходы на социальные цели [6].

Осуществить анализ взаимосвязи затрат на демографическую политику с ее результатами практически невозможно, так как данные о непосредственных затратах именно на демографические цели, осуществляемые в регионах, либо отсутствуют, либо, весьма сомнительны. В частности, в большинстве отчетов по демографическому мониторингу субъектов РФ, представленных за 2008 г. в Минздравсоцразвития, приводятся фантастические цифры о доле в консолидированных бюджетах затрат на мероприятия, направляемые на улучшение демографической ситуации. Например, в отчетах департаментов Удмуртской Республики и Республики Марий-Эл указано, что доля расходов на демографическую политику в 2008 г. в консолидированном бюджете составила 0,1%. Согласно же отчетности статистических органов (Росстата), удельный вес затрат в консолидированном бюджете на социальную политику, здравоохранение, физическую культуру и спорт в том же году составил, соответственно, 13,1 и 12,2% [4]. Если допустить, что доля затрат на демографическую политику в консолидированном бюджете пропорциональна доле всех затрат на социальные цели, то тогда для определения связи между затратами на всю социальную, в том числе и демографическую политику, с одной стороны, и изменением уровней рождаемости и смертности – с другой, можно воспользоваться двумя группами показателей.

Первая группа – стандартизованные коэффициенты рождаемости и смертности (стандартизация как для 2005, так и для 2010 г. проведена по всем регионам по структуре населения России в 2005 г.), а также темпы изменения этих показателей в 2010 г. по отношению к базовому 2005 г. (заметное сокращение смертности началось с 2006 г., а повышение рождаемости – с 2007 г.). Вторая группа – душевые уровни ВРП, консолидированного бюджета, затрат на социальные цели (суммарно и отдельно на здравоохранение, физическую культуру и спорт, а также на социальную политику); доли доходов консолидированного бюджета в ВРП, удельный вес расходов на социальные цели в ВРП и консолидированном бюджете, а также показатель, представляющий отношение социальных затрат к прожиточному минимуму. При выявлении связи расходов на демографическую политику и получаемыми результатами важно представлять, что здесь является причиной, а что – следствием. Затраты на меры демографической политики и демографические показатели взаимозависимы: больше производится затрат и одновременно уровень рождаемости оказывается выше. И наоборот, больше рождается детей и требуется больше затрат на детские пособия и т.д. Затрат может быть больше не только потому, что растет рождаемость, но и потому, что в результате демографической волны возрастает численность женщин репродуктив-

ного возраста. Возможно, что число рожденных детей увеличивается, а затраты отсутствуют, поскольку осуществляемые меры виртуальны, т.е. не требуют на их реализацию немедленных затрат (как в случае с «материнским капиталом»). В связи с этим оценка эффективности демографической политики в области естественного движения населения остается за гранью возможности ее адекватной оценки с точки зрения эффективности проводимых в этой области мер, что делает данную область демографического вектора развития России особенно уязвимой и остропроблемной.

Важно, что в проведенном нами исследовании показано, что меры, направленные только на улучшение условий жизнедеятельности, не смогут обеспечить в перспективе повышения рождаемости до уровня простого воспроизводства населения. Для этого в сложившихся условиях российской действительности необходимо еще и повышение самой потребности в детях. Этому могла бы способствовать комплексная целевая программа по формированию семейных ценностей, повышения престижа семей с несколькими детьми. Результаты проведенных в последние годы в разных регионах России социологических опросов, показывают благоприятное отношение общественного мнения к такой деятельности государства. Большинство респондентов полагает, что если число детей в семьях слишком мало, то государство должно заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав необходимые условия для этого. На наш взгляд, основу политики улучшения здоровья и роста продолжительности жизни в современной России должна составлять борьба с бедностью. Суть предлагаемых мер при этом с учетом и международного опыта, должна быть двояка. С одной стороны, следует в кратчайшие сроки сократить масштабы групп, которые в силу жизненных обстоятельств оказываются в положении маргиналов (иными словами, в положении людей, которые лишены возможности полнокровного участия в социальной, политической и экономической жизни сообщества, по определению ВОЗ). С другой стороны, необходимо повысить их шансы в социальной интеграции. При этом среди наиболее эффективных мер, положительно зарекомендовавших себя в международной практике, предлагаются такие как разработка финансовых механизмов, побуждающих крупные предприятия к созданию кабинетов профилактики с функциями информирования сотрудников по вопросам сохранения здоровья и первичной диагностики отклонений в здоровье, в том числе с использованием современных информационных технологий.

В целом, подводя итог анализа естественного движения населения России в последние годы, следует отметить, что, безусловно, принимаемые российским государством меры привели к определенным позитивным сдвигам. Другое дело, что мы не можем количественно определить вклад той или иной меры в изменение демографических параметров. Однако в соответствии с методикой, предложенной Л.Л. Рыбаковским для оценки внутренних угроз

демографического развития, достаточно наличия данных об изменении таких показателей, как число родившихся, число умерших, естественная убыль (прирост), отношение числа умерших к родившимся, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни. За период 2005–2009 гг. их динамика была стабильно позитивной, что видно из данных таблицы 1.

Таблица 1

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ в 2005–2010 гг.

	2005	*2006*	*2007*	*2008*	*2009*	*2010*
Число родившихся, тыс. человек	1457,4	1479,6	1610,1	1713,9	1761,7	1788,9
Число умерших, тыс. человек	2303,9	2166,7	2080,4	2075,9	2010,5	2028,5
Естественная убыль, тыс. человек	846,5	687,1	470,3	362,0	248,8	239,6
Отношение числа умерших к числу родившихся	1,58	1,46	1,29	1,21	1,14	1,10
Суммарный коэффициент рождаемости	1,287	1,296	1,406	1,494	1,537	
Ожидаемая продолжительность жизни всего населения, лет	65,3	66,6	67,5	67,9	68,7	

Источник: Расчет по данным [6].

Несмотря на некоторое улучшение демографической ситуации в России, количественные характеристики этих показателей отражают не только наличие суженного типа воспроизводства населения (при котором отсутствует замещение поколений), но и присущий России «двойной демографический прессинг», характеризующийся низкой рождаемостью и высокой смертностью. Существующие в настоящее время параметры демографических показателей и процессов убедительно свидетельствуют, что вектор демографического развития России в настоящее время по-прежнему неблагоприятен.

По нашему мнению, основную «канву» неблагоприятности этого развития создают, в первую очередь, ее северные территории – как в европейской, так и в азиатской части. Проблемы демографического развития северных регионов должны стать во главу угла выбора направлений современной демографической политики. Особенно с точки зрения неблагоприятности их демографического развития в геополитических координатах. Все северные регионы являются сопредельными к государственной границе – либо по суше, либо по воде. И вообще, по глобальным меркам Россия – северная страна. Север – это ее более прочная и важная в политическом и этнокуль-

турном отношении часть. Исторический стаж Севера в составе российского государства – не менее четырех веков, что куда больше, чем у ее южных окраин. Северное измерение России – это ее базовая характеристика, но вместе с тем не лишенная дифференциации: Европейский Север, Азиатский Север и т.д.

Север принадлежит к тем регионам России, которые особенно важны с геополитической точки зрения. Особенно актуальны проблемы демографического развития Российского Севера в контексте социальных перемен. Общенациональный экономический кризис, после распада СССР «приобрел на Севере весьма острый характер в силу специфики данного региона, создал угрозу полного истощения демографического потенциала этого региона» [7, с. 5–6]. Вместе с тем в научной среде и среди практиков до сих пор не утихают споры о степени заселенности Севера. Одни авторы утверждают, что Север катастрофически недонаселен, другие, наоборот, считают, что он перенаселен. Степень такой перенаселенности некоторые авторы в начале 1990-х годов оценивали от 25 до 40% [5, с. 17].

На наш взгляд, необходимо сделать разграничение между схожими понятиями: «заселением» и «формированием населения». Мы разделяем мнение Л.Л. Рыбаковского о том, что «с определенной степенью условности количественные стороны, т.е. то, что относится к численности населения, можно рассматривать как заселение, а качественные (прежде всего, структурные), т.е. то, что относится к составу населения, как формирование» [8, с. 151].

По поводу последнего известный польский ученый А. Ягельский, в работах которого большое внимание уделено характеру размещения населения в мире, и особенно вектору его переразмещения, отмечает, что он понимает термин «формирование населения» как пространственно-временной процесс, представляющий собой чрезвычайно сложный комплекс явлений и соотношений. И поясняет, что «изменяемость последних должна измеряться и анализироваться как с помощью пространственных категорий, так и категорий времени» [11, с. 50]. А мы не должны забывать, что весь исторический опыт свидетельствует об особой важности для нашей страны северных территорий. Для них испокон веку важным было не только заселение, но, в первую очередь, формирование их населения. О важности этого процесса докладывал царскому правительству еще Столыпин в начале прошлого века, и этот опыт должен быть учтен в современном демографическом развитии России с позиций коррекции современного его направления.

Следует помнить, что сегодня, в начале XXI в., как и 100 лет назад Россия оказалась перед очередным серьезным выбором в своей истории. Сегодняшний стратегический выбор требует экономических реформ, которые вводили бы все необходимые рыночные институты не в виде слепого копи-

рования иностранных образцов, а с учетом специфики России, обеспечивая ее экономике возможность развиваться по собственному пути. Однако и этого для успешного развития страны еще недостаточно – для функционирования рыночной экономики нужен соответствующий ее запросам человеческий потенциал. А для России в современных условиях человеческие ресурсы, не столько по их количественным, сколько по их качественным характеристикам (в том числе – с позиций их территориального распределения по российским территориям), не соответствуют поставленным социально-экономическим задачам. При этом в новых геополитических условиях эту проблему усугубляют не только общепризнанные для России проблемы разности уровней социально-экономического развития и социально-демографических потенциалов с сопредельными, перенаселенными государствами Центральной Азии и Тихоокеанского региона. Не только эти проблемы делают российские пространства весьма уязвимыми в условиях глобализации мировых отношений. Для России новые социально-демографические проблемы стали возникать в изменившихся условиях и с сопредельными государствами на постсоветском пространстве. В абсолютном большинстве случаев, как правило, это связано с проблемами миграции – а точнее – возросших объемов нелегальной миграции. Они являются следствием несовершенства законодательства в миграционной сфере, а также отсутствия должного оснащения и пропускных пунктов на вновь образованных участках государственных границ. А рост объемов нелегальной миграции, как миграции, которая не подвергается контролю со стороны государства, это весьма негативное явление даже в обмене с дружественными государствами. Все это требует активизации государственных усилий в области регулирования не только естественного, но и миграционного движения на территории России в целях коррекции вектора ее современного демографического развития.

Литература

1. Демографическая политика современной России: Оценка ее результатов. – М., 2009.
2. Демографическая политика оценки эффективности. – М., 2008.
3. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. http://www.demographia.ru/articles_N/index.htm?idR=5&idArt=947
4. Отчет «Разработка методологии анализа и оценки результативности и эффективности реализации региональных программ демографического развития в субъектах Российской Федерации». Государственный контракт № К-13-НИР/16 от 3 августа 2009 г.
5. Региональная политика переходного периода на Севере // Препринт доклада по Концепции Российской программы социально-экономического развития районов Севера. – Апатиты, 1991 г.
6. Российский статистический ежегодник 2011. – М., 2011 (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstasite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1135087342078).
7. Рыбаковский Л.Л. Введение // Социально-демографическое развитие Российского Севера. – М., 1993.

8. Рыбаковский Л.Л. Проблемы заселения и формирования трудовых ресурсов Дальнего Востока. Дис. на соиск. уч. степ. д-р экон. наук. – Хабаровск, 1969.

9. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. – М., 2010.

10. Стратегия демографического развития России / Под ред. В.Н. Кузнецова, Л.Л. Рыбаковского. – М., 2005.

11. Ягельский А. География населения. – М., 1980.

А.П. Обедков, А.А. Обедкова

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Обедков Анатолий Павлович – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой Сыктывкарского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики.

Обедкова Анна Анатольевна – Университет Западной Джорджии, г. Карролтон, США.

Динамика основных демографических показателей

Распад СССР вызвал четвертый за последнее столетие демографический кризис в России, который, как и три предыдущих, проявился главным образом в естественной убыли населения вследствие беспрецедентно низкой рождаемости и высокого уровня смертности, значительно превышающего уровень рождаемости. В результате рождаемость в России стала соответствовать уровню развитых стран, а смертность – уровню развивающихся стран. При этом коэффициент фертильности на протяжении большей части постсоветского времени был намного ниже критического уровня (1,6–2,1), обеспечивающего условия простого воспроизводства населения.

Главная причина сокращения численности населения в постсоветской России связана с многолетней естественной его убылью, сначала проявившаяся в ноябре 1992 г. Тогда впервые за послевоенный период была зафиксирована естественная убыль населения почти в 220 тыс. человек. Спустя два года она достигла уже 893 тыс. человек. В дальнейшем при некоторых колебаниях данного показателя своего максимума он достиг в 2000 г., когда естественная убыль населения составила около 960 тыс. человек. Затем началось устойчивое ее сокращение и за первое десятилетие (2000–2010) нового века она снизилась в 4 раза. Тем не менее за весь период с 1992 по 2010 г. числен-

ность населения России снизилась за счет естественной убыли на 13,2 млн. человек.

На протяжении постсоветского периода максимальная численность населения приходилась на 1993 г. – 148,6 млн. человек (табл. 1), что позволило ей занять шестое место в мире. Однако последовавшая за этим устойчивая депопуляция населения вызвала непрерывное сокращение демографического потенциала страны. С 1993 по 2010 г. численность россиян уменьшилась на 5,7 млн. человек, или на 3,8%. В результате Россия заняла девятое место в мировом рейтинге наиболее населенных стран, последовательно пропустив вперед динамично растущие в демографическом отношении Пакистан, Бангладеш и Нигерию. По предварительным итогам переписи населения 2010 г. в стране проживали 142,9 млн. граждан, что составило 2,1% численности мирового населения.

Таблица 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1990–2010 гг. (В СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Годы	*Все население, млн. человек*	*В том числе, млн. человек:*		*Удельный вес в общей численности населения, %*	
		городское	*сельское*	*городское*	*сельское*
1990	147,7	108,8	38,9	73,7	26,3
1991	147,9	109,3	38,6	73,9	26,1
1992	148,3	109,2	39,1	73,6	26,4
1993	148,6	108,7	39,9	73,1	26,9
1994	148,0	108,0	40,0	73,0	27,0
1995	147,9	107,9	40,0	73,0	27,0
1996	147,6	107,7	39,9	73,0	73,0
1997	147,1	107,3	39,8	72,9	27,1
1998	146,7	107,1	39,6	73,0	27,0
1999	146,3	106,8	39,5	73,0	27,0
2000	145,6	106,1	39,5	72,9	27,1
2001	144,8	105,6	39,2	72,9	27,1
2002	**145,2**	**106,4**	**38,7**	**73,3**	**26,7**
2003	145,0	106,3	38,7	73,3	26,7
2004	144,2	105,8	38,4	73,4	26,7
2005	143,5	104,7	38,8	73,0	27,0
2006	142,7	103,7	39,0	72,7	27,3
2007	142,2	103,8	38,4	73,0	27,0
2008	142,0	103,8	38,2	73,1	26,9
2009	141,9	103,7	38,2	73,1	26,9
2010	**142,9**	**105,3**	**37,6**	**73,7**	**26,3**

Составлено по: [5, 6].

Сокращение численности постоянного населения было характерно для большинства федеральных округов и субъектов РФ (табл. 2).

Таблица 2

ДЕСЯТЬ ВЕДУЩИХ И ОТСТАЮЩИХ РЕГИОНОВ РФ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ОБЩЕГО КОЭФФИЦИЕНТА ПРИРОСТА (ОКП) НАСЕЛЕНИЯ В 2009 г.

Место в РФ	*Субъекты Российской Федерации*	*ОКП, ‰*	*Место в РФ*	*Субъекты Российской Федерации*	*ОКП, ‰*
1	Чеченская Республика	23,4	74	Мурманская область	-7,2
2	Республика Ингушетия	16,6	75	Тамбовская область	-7,5
3	Ханты-Мансийский АО – Югра	12,1	76	Республика Мордовия	-7,7
4	Республика Тыва	9,6	77	Республика Коми	-7,8
5	Республика Дагестан	9,5	78	Тульская область	-7,9
6	Тюменская область	9,2	79	Смоленская область	-8,1
7	Ненецкий автономный округ	7,6	80	Новгородская область	-8,3
8	Республика Алтай	7,5	81	Магаданская область	-10,8
9	Московская область	6,0	82	Псковская область	-11,2
10	Томская область	5,3	83	Чукотский АО	-19,3

Составлено по: [5].

Среди 59 российских регионов, в которых в 2009 г. произошло сокращение населения, наибольшие потери в абсолютном выражении понесли субъекты с преимущественно русским населением, среди которых выделяются Нижегородская (16,6 тыс. человек), Тульская (12,3 тыс. человек), Ростовская (11,5 тыс. человек), а также Владимирская, Воронежская и Волгоградская области. В остальных 53 регионах и субъектах с уменьшающимся населением демографические потери были менее 10 тыс. человек.

Более объективную картину о вкладе прироста населения в динамику демографических процессов на местах дают статистические данные, представленные в относительном выражении. В этом случае в числе лидеров регионов с растущим населением находятся прежде всего автономные республики Юга России и нефтедобывающие регионы Западной Сибири, а среди регионов с сокращающимся демографическим потенциалом – главным образом северные и северо-западные регионы страны.

Негативные тенденции в естественном воспроизводстве населения РСФСР обозначились во второй половине 1980-х годов, когда вслед за достижением локального максимума рождаемости в 1987 г. (около 2,5 млн. новорожденных) начался продолжительный период спада в естественном дви-

жении населения. С 1987 по 1999 г. число родившихся сократилось вдвое – до 1214,7 тыс. человек, после чего начался период умеренного роста рождаемости. В 2010 г. в России были зарегистрированы 1788,9 тыс. новорожденных, что позволило приблизиться к уровню 1991 г., когда на свет появились 1794,6 тыс. человек [1, с. 50]. В период с 1993 по 2003 г. коэффициент рождаемости в России был ниже 10‰. При этом наименьшее значение его было зафиксировано в 1999 г. – 8,3‰. Постепенно нарастая с 2000 г., он достиг в 2008 г. уровня 1991 г., в 2010 г. – 12,5‰ [1].

В 2009 г. наблюдалось увеличение числа родившихся по всем федеральным округам в целом и 70 субъектах РФ, но уровень рождаемости в большинстве из них оставался крайне низким (табл. 3).

Таблица 3

ДЕСЯТЬ ВЕДУЩИХ И ОТСТАЮЩИХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ОБЩЕГО КОЭФФИЦИЕНТА РОЖДАЕМОСТИ В 2009 г.

Место в РФ	*Субъекты Российской Федерации*	*ОКП, ‰*	*Место в РФ*	*Субъекты Российской Федерации*	*ОКП, ‰*
1	Чеченская Республика	29,1	74	Ульяновская область	10,5
2	Республика Тыва	26,1	75	Орловская область	10,4
3	Республика Алтай	20,5	76	Псковская область	10,4
4	Республика Ингушетия	18,7	77	Воронежская область	10,4
5	Республика Дагестан	18,5	78	Пензенская область	10,3
6	Республика Бурятия	17,5	79	Рязанская область	10,1
7	Республика Саха (Якутия)	16,7	80	Республика Мордовия	9,8
8	Ненецкий автономный округ	16,3	81	Тульская область	9,6
9	Забайкальский край	16,0	82	Тамбовская область	9,3
10	Ханты-Мансийский АО – Югра	15,7	83	Ленинградская область	9,3

Составлено по: [5].

В 2009 г. в четырех федеральных округах (Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Южный) и 39 субъектах РФ было зафиксировано превышение средней по России величины общего коэффициента рождаемости. В трех федеральных округах (Приволжский, Центральный, Северо-Западный) и 40 субъектах РФ он был ниже среднероссийского уровня, в четырех из них – менее 10‰. В четырех российских регионах уровень рождаемости соответствовал среднему показателю по России, который в 2009 г. составил 12,4‰.

В федеральном разрезе общий коэффициент рождаемости варьировал от 10,8‰ в Центральном федеральном округе до 14‰ – в Сибирском и Южном федеральных округах, а в региональном – от 9,3‰ в Ленинградской области до 29,1‰ – в Чеченской Республике. В 2009 г. в десятке ведущих российских регионов, лидирующих по величине общего коэффициента рождаемости, представлены преимущественно созданные по национальному принципу автономные республики и округа, а среди отстающих – главным образом регионы Центральной России, Северо-Запада и Поволжья с преобладанием русского населения.

В последние годы наметились положительные изменения в соотношении числа зарегистрированных рождений и абортов. В 2007 г. на 100 зарегистрированных родов приходилось 92 аборта, в 2009 г. – 74 [1, с. 172]. При этом следует отметить более быстрое снижение распространенности абортов среди женщин 20–34 лет, находящихся в возрасте наибольшей репродуктивной активности. Однако, несмотря на позитивные изменения последних лет, проблема широкого распространения абортов в нашей стране по-прежнему не утратила своей остроты.

Наметившийся в последние годы рост рождаемости обусловлен как структурными факторами, связанными со вступлением в детородный возраст более многочисленных поколений родившихся в конце 1970-х – начале 1980-х годов, так и с повышением самой интенсивности рождаемости. Для устранения влияния возрастной структуры на рождаемость обычно используют показатель суммарной рождаемости. В конце 1950-х годов, когда рождаемость еще обеспечивала расширенное естественное воспроизводство населения, коэффициент суммарной рождаемости составлял в среднем 2,6 рождения на одну женщину детородного возраста. Переход к умеренному режиму воспроизводства населения, состоявшийся в начале 1960-х годов, сопровождался постепенным понижением показателя коэффициента суммарной рождаемости. После достижения локального максимума рождаемости в 1987–1988 гг. он вновь снизился к концу 1980-х годов до 2, а с начала 1990-х годов непрерывно сокращаясь, снизился к концу 1990-х годов до уровня ниже 1,2: в 1999 г. было зафиксировано его минимальное значение, составившее 1,157. После этого коэффициент суммарной рождаемости стал непрерывно возрастать с небольшими отклонениями от наметившейся тенденции в 2005–2006 гг. В 2009 г. он превысил 1,5, что соответствовало уровню 1992 г., когда начался продолжающийся и поныне демографический кризис [1, с. 94].

В последние годы, несмотря на небольшой рост, в подавляющем большинстве российских регионов рождаемость остается на низком уровне. В 2009 г. наиболее низкое значение коэффициента суммарной рождаемости (1,185) [1, с. 96] было отмечено в Ленинградской области, что почти вдвое

ниже уровня, необходимого для простого замещения поколений. В том же году наиболее высокие в РФ показатели суммарной рождаемости были зарегистрированы в Чеченской Республике (3,4), Республиках Тыва (2,8) и Алтай (2,4), а в Республиках Дагестан и Ингушетия, Чукотском и Ненецком автономных округах рождаемость находилась на уровне простого воспроизводства [1, с. 97–99].

Вклад матерей младшей, средней и старшей возрастных групп изменялся волнообразно в соответствии с изменением возрастной структуры контингента женщин репродуктивного возраста, деформированной рядом демографических волн, порожденных социальными катаклизмами XX в. и, прежде всего, демографическими последствиями Великой Отечественной войны. В середине 1980-х годов повышение рождаемости происходило главным образом за счет матерей самых молодых возрастов. В настоящее время рождаемость растет в основном за счет матерей средней возрастной группы. Если в 1980 г. женщины в возрасте от 20 до 29 лет обеспечивали почти 3/4 рождений (73%), то в настоящее время около 2/3 (64%).

Позитивным явлением последних лет становится также более динамичный рост числа браков на фоне снижения уровня разводов. С 2002 г. прослеживается устойчивая тенденция роста показателей брачности на фоне некоторого сокращения показателей разводимости. В 2009 г. было зарегистрировано больше заключенных и меньше расторгнутых браков. Однако все эти положительные изменения в характере естественного воспроизводства населения пока не позволяют переломить негативную демографическую ситуацию, сложившуюся в постсоветское время.

Дифференциация российских регионов по уровню общей рождаемости связана не только с различиями в истинной интенсивности рождаемости, но и с особенностями возрастной структуры населения. На протяжении последних 40 лет основной тенденцией эволюции возрастной структуры населения РФ было старение, отразившееся в увеличении числа и доли лиц 65 лет и старше в общей численности населения. К настоящему времени доля населения этих возрастных групп составляет более 14%, что вдвое превышает критерий определения старого населения, предложенный Комиссией ООН по народонаселению и развитию. Тенденцию к старению населения подтверждает продолжающийся рост среднего возраста россиян. С 2002 по 2009 г. средний возраст россиян увеличился с 37,6 до 38,8 лет, мужчин – с 35 до 36,1 лет, женщин – с 39,8 до 41,1 года [1, с. 60]. Во многом благодаря этому районы старого промышленного освоения европейской части страны характеризуются более старым населением и самыми низкими показателями общей рождаемости, а районы нового освоения Сибири и Дальнего Востока – повышенной долей молодого населения и более высоким уровнем рождаемости. Среди российских регионов с самым высоким средним возрастом населения выде-

ляются жители центральных (Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская области, г. Москва) и северо-западных (Псковская область, г. Санкт-Петербург) регионов европейской части страны, средний возраст которых варьирует в пределах 41–42 лет.

К началу 2000 г. численность лиц старше трудоспособного возраста впервые превысила число детей и подростков до 16 лет, а с 2006 г. началось снижение общей численности населения трудоспособного возраста. С этого времени в России наблюдается постоянная тенденция к росту как численности, так и доли населения старше трудоспособного возраста. На начало 2010 г. число лиц старше трудоспособного возраста превысило численность детей и подростков до 16 лет почти на 1/3. При этом перевес старших возрастных групп над лицами моложе трудоспособного возраста зафиксирован уже более чем в 60 субъектах РФ, большинство из которых находятся в районах старого освоения европейской части страны. Нарастание неблагоприятных тенденций в возрастной структуре населения обострило проблему дефицита рабочей силы на рынке труда.

Одновременно с ухудшением возрастной структуры населения в России сохраняются значительные гендерные диспропорции, связанные с преобладанием женского населения. По предварительным итогам переписи населения 2010 г., перевес женщин над мужчинами увеличился на 0,5 млн. человек и к настоящему времени достиг 10,6 млн. человек. При этом численность женщин составила 76,3 млн., или 53,7% всего населения России. Ныне женское население преобладает в 82 субъектах РФ и только в Чукотский АО имеется небольшой перевес мужчин, где их доля составляет 50,1% [1, с. 41].

Основной причиной продолжающейся депопуляции населения в постсоветской России остается высокий уровень смертности, не имеющий аналогов среди развитых стран мира. В динамике изменения абсолютного числа умерших в постсоветский период можно выделить по три локальных максимума и минимума. Локальные максимумы пришлись на 1994, 2003 и 2005 гг., а локальные минимумы – на 1998, 2004 и 2009 гг. Несмотря на устойчивый тренд роста абсолютного числа умерших в постсоветский период, в последние годы происходит снижение смертности по всем основным классам причин смерти, за исключением новообразований. В результате этого в первой тройке классов причин смертности произошли некоторые изменения. С 2006 г. на второе место в структуре смертности после болезней системы кровообращения вышли злокачественные новообразования, уверенно потеснившие на третье место внешние причины смерти. В общем числе умерших в среднем до 30% приходится на лица трудоспособных возрастов, из которых 4/5 составляют мужчины. Среди основных причин смерти трудоспособного населения в целом и мужчин в частности, на первом месте находятся внешние причины. При этом более половины смертей от этих причин вызывают отравления ал-

коголем, транспортные травмы, убийства и самоубийства. В отличие от мужчин, смертность женщин трудоспособного возраста, как и всех умерших, связана главным образом с болезнями систем кровообращения.

Вследствие снижения смертности населения показатель ожидаемой продолжительности жизни в 2009 г. по сравнению с 2005 г. (наихудшие показатели у мужчин) вырос у мужчин на 3,9 года, а у женщин – на 2,8 года (по сравнению с 2003 г.) [1, с. 101]. Это объясняется существенным снижением показателя младенческой смертности. В 2009 г. он составил 8,1 умерших детей в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми (в 2006 г. – 10,2). В период с 2005 по 2010 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в целом по России увеличилась с 65 до 69 лет. Наиболее высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни наблюдаются в северокавказских республиках и в Москве (у мужчин – свыше 66 лет, у женщин – 76 лет), а наименьшие – в Республике Тыва и Чукотском АО (у мужчин – менее 55 лет, у женщин – 66 лет) [1, с. 101].

Роль миграции в демографическом процессе России

Доминирующим компонентом в миграционных процессах российских регионов являются внутренние миграции населения. С распадом СССР произошла смена характера и направлений внутренних миграций на фоне общего снижения миграционной подвижности населения. Начался массовый отток трудоспособного населения из регионов нового освоения (Север, Сибирь и Дальний Восток) в обжитые районы старого освоения (Центральная Россия, Поволжье и Северный Кавказ). Основными причинами перемещения мигрантов стали экономические факторы, связанные со спадом производства, ростом безработицы и снижением уровня жизни в ранее благополучных районах нового освоения. Объемы и направления миграционных потоков оказывают заметное влияние на перераспределение численности населения субъектов РФ. В 2008 г. передвижения внутри страны, связанные со сменой места жительства, составили 86% от общего миграционного оборота. При этом на переселения из одного субъекта РФ в другой приходилось 45% внутрироссийских миграций.

К концу первого десятилетия нового столетия сохранилась направленность потоков межрегиональных миграций, сложившихся в первой половине 1990-х годов. Во внутренних миграционных потоках сохранилась устойчивая ориентация с севера и востока в центр и на юго-запад. При этом европейская и азиатская части России образовали миграционные полюса, противоположные по характеру и структуре миграционного обмена. Европейская часть России, ядром которой выступают Центральный федеральный округ, притягивает население практически со всей территории страны, а сибирские и

дальневосточные регионы отдают население главным образом в европейские регионы. Около 3/4 всего миграционного прироста, получаемого Центральным федеральным округом в межрегиональных миграциях, аккумулируют Москва и Московская область.

В общем миграционном обороте России с зарубежными странами роль внешней миграции сравнительно невелика, но она оказывает влияние на изменение численности населения России в целом. Превышение числа въезжающих в РСФСР на постоянное место жительства над выезжающими из нее наблюдается с середины 1970-х годов, обеспечивая стабильный миграционный прирост населения. На протяжении всего постсоветского периода в РФ наблюдалось уменьшение учтенной эмиграции, сопровождавшееся изменением ее структуры по странам предполагаемого проживания.

Особенно значительным миграционный прирост РФ был в середине 1990-х годов, но он не в полной мере компенсировал естественную убыль населения. Исключением стал 1994 год, когда миграционный прирост достиг максимальной величины в 978 тыс. человек, перекрыв столь же значительную в тот год естественную убыль в 874 тыс. человек. К концу 1990-х годов объем учтенной чистой миграции сократился почти втрое. Совокупный миграционный прирост за 1992–2009 гг. составил около 6,3 млн. человек, что на 4,2% восполнило половину всех потерь населения России в результате естественной убыли.

На динамику и величину регистрируемой миграции существенно повлияли законодательные изменения правил и практики регистрации, которые во многом определяют увеличение темпа миграционного прироста. В частности, главной причиной резкого сокращения числа прибывших в РФ в 2001 г. стали ограничения приема граждан стран СНГ и Балтии. Такая ситуация привела к минимизации учитываемых потоков иммигрантов, в результате чего в 2004 г. их численность была наименьшей за последние полвека. С начала 2007 г. правила и практика регистрации в России вновь изменились. Вследствие этих изменений в статистический учет стали попадать граждане РФ, прибывшие на постоянное жительство из-за пределов страны, а также иностранные граждане и лица без гражданства, впервые получившие разрешение на временное проживание (вид на жительство) в России.

В 2009 г. на долю иммигрантов из стран СНГ приходилось более 96% всех прибывших в Россию, из которых 52,8% составили выходцы из Узбекистана (19,3), Украины (18,8) и Казахстана (14,7%). Большинство иммигрантов из этих стран выбрали местом своего постоянного проживания Приволжский федеральный округ, в то время как для иммигрантов из дальнего зарубежья более привлекательным оказался Дальневосточный федеральный округ.

Миграционный прирост наблюдался во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, население которого продолжает убывать в результате

миграционного оттока. Интенсивность этого процесса в 2008 г. увеличилась до -3,1‰ (-19,8 тыс. человек), а 2009 г. наметилась тенденция к понижению (-2,7‰, или -19,5 тыс. человек). Незначительный миграционный отток из Сибирского федерального округа в 2007 г. также сменился небольшим приростом в 2008 г. (+0,3‰) и 2009 г. (+1,0‰). В 2009 г. несколько снизилась интенсивность миграционного прироста в Центральном и Южном федеральных округах, а Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах – немного возросла. Между тем по-прежнему Центральный федеральный округ продолжает поглощать значительную часть общего миграционного прироста населения России. В 2008 г. на его долю приходилось 72% от общего прироста населения страны, в том числе на Москву и Московскую область – 54%, а в 2009 г. – соответственно 63 и 54%.

В субъектах РФ также нашли продолжение тенденции демографического развития, наметившиеся в последние годы. В 2009 г. в 56 субъектах РФ сохранялась убыль населения. При этом в 40 из них она превышала среднероссийский уровень, хотя и в них интенсивность процесса депопуляции несколько снизилась по сравнению с предыдущим годом. Если в 2005–2006 гг. в России было всего четыре региона, в которых население росло как за счет естественного, так и миграционного прироста, то в 2007–2008 гг. их число увеличилось до шести, а в 2009 г. – до восьми (республики Башкортостан, Ингушетия, Хакасия; Красноярский край; Астраханская, Томская и Тюменская области; Ненецкий и Ханты-Мансийский–Югра автономные округа). В 21 субъекте РФ численность населения сократилась как за счет естественной убыли, так и миграционного оттока. Для большинства республик Северного Кавказа (за исключением Адыгеи) и ряда регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в которых наблюдается естественный прирост, по-прежнему характерен миграционный отток населения. В то же время в большинстве регионов европейской части России миграционный приток в той или иной степени компенсирует естественную убыль населения. Постепенно растет число субъектов РФ с положительным естественным приростом населения. В 2007 г. их было 20, в 2008 – 21, а в 2009 г. стало 25. Как и в прежние годы, в относительном выражении наибольший естественный прирост наблюдается в горных республиках юга страны. При этом в Чеченской Республике он превышает 2%, в республиках Дагестан, Ингушетия и Тыва – более 1%.

По сравнению с 2008 г., интенсивность естественной убыли сократилась в 56 регионах, в четырех (республики Башкортостан и Удмуртская; Красноярский край и Томская область) – сменилась естественным приростом, в двух (Сахалинская область и Еврейская автономная область) – немного усилилась. Из 21 региона, в которых в 2008 г. наблюдался естественный прирост, в 2009 г. только в двух он остался неизменным, в 11 регионах его интенсив-

ность увеличилась, а в восьми – немного снизилась. При этом наиболее заметно естественный прирост увеличился в Республике Бурятия и Ненецком АО.

В 2007 г. в РФ насчитывалось 45 регионов с миграционным приростом, в 2008 г. их стало 48, в 2009 г. – 46. При этом в 2009 г. в половине из них показатели миграционного прироста были выше среднероссийского уровня. В абсолютном выражении лидирующие позиции занимали Московская область (73,2 тыс. человек), Москва (57,5 тыс.). Вслед за ними с большим отрывом следуют Санкт-Петербург (31,4 тыс.), Краснодарский край (26,0 тыс.), Новосибирская область (13,9 тыс.), Республика Татарстан (12,0 тыс. человек), Ленинградская и Белгородская области. В остальных 38 регионах с положительным миграционным приростом этот показатель был ниже 10 тыс. человек.

За последние годы число регионов с миграционным оттоком также существенно не изменилось и составило в среднем 37. В десятку субъектов РФ с наиболее низкими показателями коэффициента миграционного прироста входят восемь северных субъектов РФ во главе с Чукотским АО, который занимает лидирующие позиции в стране по интенсивности миграционной убыли населения (-20,5‰).

Наиболее обширные регионы устойчивого миграционного оттока сформировались на Европейском Севере (Республика Коми, Архангельская и Мурманская области) и на Севере Дальнего Востока (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО). В большинстве остальных регионов с миграционной убылью этот показатель не достигал 1% от численности постоянного населения. В абсолютном выражении наиболее значительные потери населения в миграционном обмене в 2009 г. понесли республики Дагестан – около 8 тыс. человек, Коми – 7,8 тыс., Саха (Якутия) – 6,8 тыс., а также Иркутская – 5,7 тыс. и Мурманская области – 5,1 тыс. человек.

Наиболее тесные внешние миграционные связи сложились у России со странами СНГ, на долю которых приходится свыше 90% миграционного обмена РФ с зарубежными странами. При этом преобладает въездной поток мигрантов в Россию. В общем потоке иммигрантов преобладают выходцы из Казахстана, Украины и Узбекистана, на долю которых приходится до 70% иммигрантов. В этническом составе мигрантов в Россию из стран ближнего зарубежья преобладают русские, хотя их доля постепенно сокращается с 80% в начале 1990-х годов до 55% – в настоящее время. Из государств Закавказья, Молдовы и Таджикистана в Россию приезжают преимущественно представители коренных этносов этих стран. Прибытие мигрантов из ближнего зарубежья обусловлено чаще всего наличием родственников, отсутствием языкового барьера и относительной социально-экономической стабильностью в России. На территории России мигранты концентрируются в регионах с развитой инфраструктурой, высоким уровнем развития частного сектора эконо-

мик и в приграничных районах. В географии выезда мигрантов из России выделяются три основных направления – Украина, Казахстан и Беларусь. На их долю приходится около 80% всех выезжающих из России на постоянное место жительства в страны ближнего зарубежья.

Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья за последние 15 лет сократилась с 88 тыс. человек в 1991 г. до 11,6 тыс. человек в 2008 г., или в 7,9 раза. При этом максимум был достигнут в 1993 г., когда страну покинули 114 тыс. человек. Среди государств, принимающих российских граждан на постоянное жительство, выделяются Германия, Израиль и США, на долю которых приходится до 90% всех эмигрантов. Постепенно растет доля других стран дальнего зарубежья, принимающих мигрантов из России. В их числе выделяются Финляндия, Канада и Австралия. Между тем по-прежнему сохраняется миграционная убыль со странами вне СНГ. В 2008 г. в структуре прибывших в Россию на постоянное жительство выходцы из стран дальнего зарубежья составили всего 4,1%.

Особое беспокойство вызывают потери, которые несет Россия из-за «утечки умов» за рубеж, оценивающиеся миллиардами долларов. В ближайшем будущем будет приобретать все большее значение для экономики России трудовая миграция, поскольку, согласно прогнозу Росстата, трудоспособное население страны сократится почти на 7,5 млн. человек. В связи с этим одним из приоритетных направлений миграционной политики становится содействие привлечению иностранной рабочей силы в российские регионы для восполнения ожидаемого дефицита трудовых ресурсов. Продолжающееся ухудшение демографической ситуации в стране и стихийный характер миграционных процессов диктуют необходимость осуществления в РФ целенаправленной и долгосрочной миграционной политики, подкрепленной соответствующей законодательной базой.

Стратегическая цель правительства России в решении задач демографического развития связана со стабилизацией к 2015 г. численности населения на уровне не ниже 142 млн. человек и началом роста населения после 2030 г. К 2015 г. средняя продолжительность жизни россиян должна увеличиться до 71 года, а рождаемость – вырасти почти на треть. В последнем цикле расчетов предположительной численности населения России до 2030 г., опубликованном Росстатом в 2010 г., в низкий вариант прогноза была заложена гипотеза лишь о незначительном снижении миграционного прироста: с 236 тыс. человек в 2010 г. до 204 тыс. человек в 2030 г. Средний и высокий варианты прогноза исходили из предположения об устойчивом увеличении миграционного прироста: средний – с 264 тыс. до 395 тыс. человек, высокий – с 315 тыс. до 626 тыс. человек. С учетом этих предположений, к 2030 г. численность населения России может составить от 129,1 млн. человек по варианту низкой рождаемости до 143,7 млн. человек по высокому варианту рождаемости

(по расчетам пересмотра 2008 г., от 122,1 до 135,4 млн. человек, к 2050 г. – от 108,9 до 145,3 млн. человек (от 100,5 до 133,5), а к концу века – от 61,7 до 183,9 млн. человек [2]. Важным дополнением эффективной демографической политики должна стать хорошо продуманная государственная миграционная политика.

Проведенный анализ особенностей и тенденций демографического развития России в постсоветский период позволил сделать следующие выводы:

– распад СССР вызвал депопуляцию населения России вследствие беспрецедентно низкой рождаемости и высокого уровня смертности, значительно превышающего показатели рождаемости;

– начавшийся в 1990-е годы процесс убыли населения носит устойчивый и долговременный характер;

– наметившийся в последние годы небольшой рост рождаемости обусловлен как структурными факторами, связанными со вступлением в детородный возраст более многочисленных поколений родившихся в конце 1970-х – начале 1980-х годов, так и с повышением самой интенсивности рождаемости;

– положительные изменения в характере естественного воспроизводства населения пока не позволяют переломить негативную демографическую ситуацию, сложившуюся в постсоветское время;

– естественный прирост населения РФ в ближайшие годы начнет падать, несмотря на некоторый всплеск рождаемости в последние годы, вызванный реализацией Программы материнского капитала, повышением детских пособий и других социальных выплат;

– низкий уровень рождаемости в 1990-е годы позволяет предположить снижение рождаемости в ближайшее время по мере вступления в детородный возраст демографической когорты женщин, родившихся в эти неблагополучные годы;

– уровень смертности в России начинает постепенно снижаться во многом благодаря реализации приоритетных направлений национального проекта «Здоровье», связанных с борьбой с болезнями сердечно-сосудистой системы, злокачественными новообразованиями, туберкулезом и внешними причинами смерти;

– в условиях отсутствия объективных предпосылок для увеличения рождаемости демографическая политика в России должна быть направлена главным образом на снижение уровня смертности;

– закрепление наметившихся в последние годы положительных тенденций в демографическом развитии в решающей мере связано с реализацией масштабного проекта модернизации здравоохранения за счет повышения страховых взносов и направления полученных средств на ремонт больниц и

поликлиник, обеспечение лекарствами и оборудованием, а также повышение зарплат медицинским работникам;

– продолжающееся ухудшение демографической ситуации в стране и во многом стихийный характер миграционных процессов диктуют необходимость осуществления в РФ целенаправленной и долгосрочной миграционной политики, подкрепленной соответствующей законодательной базой;

– одним из приоритетных направлений миграционной политики России должно стать содействие миграционной политике по привлечению иностранной рабочей силы в российские регионы для восполнения ожидаемого дефицита трудовых ресурсов.

Литература

1. Демографический ежегодник Российской Федерации 2010. – М., 2010. – С. 525.
2. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. Статистический бюллетень. – М., 2010.
3. Социальное положение и уровень жизни населения России 2011. Статистический сборник. – М., 2011. – С. 527.
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г. Статистический бюллетень. – М., 2011. – С. 172.
5. Итоги Всероссийской переписи населения в 14 т. Т. 1. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 г. – М., 2010.
6. Численность и размещение населения. – М., 2004.

В.В. Бубликов, В.В. Маркова

ПРОГНОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ

Бубликов Василий Валерьевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Маркова Вероника Владимировна – магистрант Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Роль и место стран на политической, экономической, культурной карте мира в разные исторические эпохи определялись сочетанием различных объективных, а иногда и субъективных факторов. Среди них одним из ключевых является демографический потенциал. Не сильно углубляясь в историю, вспомним, что в XVIII–XIX вв. величайшими державами были далеко не самые многонаселенные по тем временам Великобритания и Франция. Великобритания, например, владела Индией, население которой в несколько раз превышало население метрополии. Да и менее влиятельные европейские державы, уступали по численности населения своим колониям. Например, небольшая Голландия владела индонезийскими островами с многомиллионным населением.

Период Нового времени, эпоха господства евроцентричного мира, характеризовался доминированием относительно немногочисленных европейских держав над зачастую превышающими их по числу жителей странами Азии, Африки и Америки.

Российская империя, несмотря на иной характер территориальной организации, в ракурсе соотношения населения «метрополии» и окраинных, «инородных» территорий, напоминала европейские колониальные державы. Так, в 1897 г., по данным первой и единственной в Российской империи пе-

реписи, доля русских (в тогдашней терминологии – великороссов) в населении страны составляла только 44% (напомним, что сейчас в Российской Федерации эта доля почти в 2 раза выше – 80%) [3]. То есть огромные окраинные территории страны были населены преимущественно не «титульными» народами.

Эти исторические сентенции нами приведены, для того чтобы подойти к выводу – еще в прошлом и позапрошлом веках могущество государства определялось, главным образом, не демографическим фактором, а военным, экономическим, технологическим потенциалом, а также культурным и религиозным влиянием. Небольшие по численности населения и, чаще всего, по территории государства, за счет развития технологии, науки, политической экспансии добивались в прошлые века лидирующих позиций в окружающем мире.

Однако ситуация стала постепенно изменяться в конце XIX и в XX столетии. XX век стал эпохой соревнования количественных показателей. Численные параметры вооружения, экономики и финансов стали определять исход войн или «мирных» соревнований. За всем этим ресурс, без которого невозможно создать большую армию и мощную экономику – население. Значение демографического потенциала в XX в. кардинально возросло. В демократических государствах численность населения той или иной территории определяет ее представительство на национальном уровне. Достаточно вспомнить происходящий каждое десятилетие перерасчет мест, предоставляемых в Конгрессе США для каждого из штатов, в соответствии с изменившейся численностью их населения. Да и в России политическое значение регионов определяется, прежде всего, численностью населения.

Происходит постепенное распространение демократических принципов и на международной арене. Признание в Уставе ООН 1945 г. равноправия всех государств сделало большую численность населения одним из немногих «легитимных» факторов, позволяющих странам повысить свой международный статус. Например, основным аргументом Индии и Бразилии, в борьбе за право стать постоянными членами Совета безопасности ООН, является огромная численность их населения (второе и пятое места в мире соответственно).

Кроме политического признания равноправия государств (а внутри государств – равноправия граждан) на увеличение значения демографического фактора в мировых политических делах оказало свое влияние развитие экономики массового потребления. Пережив во второй половине XX в. постиндустриальную экономическую революцию, наиболее высокоразвитые государства мира ныне 70–80% своей экономики производят в секторе услуг. Потребление – главный двигатель современной экономики во всем мире, и, как следствие, чем больше в стране платежеспособных потребителей, тем мощнее становится экономика.

Современный экономический «взлет» Китая, который по объему ВВП к 2016 г. должен догнать и перегнать полуторавекового лидера – США, стал возможен именно благодаря модели «экономики потребления» [6]. На первом этапе экономика Китая развивалась, обслуживая своими дешевыми промышленными товарами развитые страны, сейчас же происходит постепенная переориентация на обслуживание массового потребителя уже внутри страны с населением 1,3 млрд. человек.

Какое отношение все вышеизложенное имеет к будущему нашей страны, а тем более к репродуктивному поведению россиян?

Выявив, что значение демографического ресурса в связи с политическими и экономическими изменениями в мире в последнее время только возрастало и продолжает возрастать, обратимся к таблице 1. Россия (в границах современной политической карты мира) находилась на четвертом месте в мире примерно с 1880-х годов (когда она уступила третье место бурно прирастающим иммигрантами США) до 1976 г., когда ее «оттеснила» на пятое место Индонезия [7]. Подчеркнем, что речь идет о России в ее современных границах, а не о Российской империи или СССР, которые все время своего существования по числу жителей уступали лишь Китаю и Индии (входившей до 1947 г. в состав Британской империи).

Таблица 1

ПРЕВЫШЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РФ (В ГРАНИЦАХ 2010 г.) (ФАКТ И ПРОГНОЗ)

Годы	*Страна*
1976	**Индонезия**
1990	**Бразилия**
2001	**Пакистан**
2007	**Бангладеш**
2007	**Нигерия**
2031	Мексика
2035	Филиппины
2039	Эфиопия
2042	Конго
2047	Танзания
2053	Египет
2064	Уганда
2065	Кения
2073	Ирак
2075	Судан
2085	Нигер
2088	Замбия
2090	Малави

Источник: [7].

Дальнейшее «скатывание» России в рейтинге наиболее многолюдных стран мира, многократно ускорилось, причем даже не в связи с демографическим кризисом в нашей стране, а благодаря демографическому взрыву в странах «третьего мира». В 1990 г. Россию «обогнала» Бразилия, в 2001 г. – Пакистан, а в 2007 г. сразу две страны – Бангладеш и Нигерия.

В будущем, если не произойдет кардинального улучшения демографической ситуации (в первую очередь увеличения рождаемости), Россию ждет еще большее снижение в мировом рейтинге наиболее многолюдных стран. Россия рискует встретить XXII столетие на 22-м месте в мире, разумеется, при условии сохранения современных границ, а это как раз и становится маловероятным в связи с вышеописанными тенденциями. Надо откровенно признать, что страна, «скатившаяся» по размерам населения за полтора столетия с четвертого на 22-е место в мире, имеет мало шансов сохранить самую большую территорию.

При этом, как мы уже отмечали, сокращение доли населения России в населении планеты происходит не только из-за внутреннего демографического кризиса, а, главным образом, в связи с продолжающимся бурным приростом населения в других странах. Так, даже если предположить, что России удастся преодолеть сокращение населения и выйти на «нулевой» уровень стабилизации его численности на нынешнем уровне 143 млн. человек, то даже в этом случае Россия оказалась бы в 2050 г. на 13-м месте (вместо прогнозируемого 14-го) [7]. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что Россия нуждается не просто в стабилизации демографического положения, а в устойчивом и достаточно высоком приросте населения.

Часто российские политологи, социологи и демографы, признавая опасность демографического кризиса в стране, весьма красноречиво названного «русским крестом», подчеркивают, что демографические изменения, такие как сокращение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, рост доли людей преклонного возраста и т.д. характерны и для других стран. Часто эти благодушные мнения высказываются в ключе, мол, не у нас одних демографический кризис, вся Европа спасается только иммиграцией, да и в развивающихся странах рождаемость в последние десятилетия существенно сократилась.

Действительно, например, в Германии в настоящее время население сокращается быстрее, чем в России, да и вообще в Европе очень немного стран, демографическое положение которых можно назвать хотя бы удовлетворительным. Однако взглянем на карту мира. Да, в Европе практически везде происходит сокращение коренного населения (общего сокращения большинству европейских стран удается избегать благодаря иммиграции), но кто же может даже теоретически угрожать той же Германии, когда она со всех сторон окружена такими же демографически депрессивными странами. Кроме

этого, европейские государства объединены Европейским союзом, который, несмотря на все сложности интеграции и кризисные явления последних лет, все же представляет собой уникальное в человеческой истории добровольное сообщество и покушаться на территориальную целостность, пусть даже небольшой страны ЕС извне, вряд ли кто станет.

Россия, в отличие от стран Евросоюза и даже соседних Украины и Белоруссии, имеет не просто огромную малозаселенную территорию, но и мощных быстроразвивающихся соседей, представляющих иные цивилизационные ареалы – исламский на юге и азиатский на востоке.

Существует еще один несостоятельный аргумент, который можно услышать от людей, пытающихся преуменьшить опасность демографического кризиса для геополитического положения России в мире и сохранения ее территориальной целостности. Этот аргумент выражается в отчасти справедливом утверждении, что Россия в основном находится на малопригодной для расселения большого количества людей территории. Действительно даже по нашим весьма завышенным критериям около 60% территории страны относится к «зоне Севера». Кроме того, в мире есть страны со схожими климатическими условиями – Канада и Норвегия, плотность населения в которых близка к российской или многократно ее ниже (как, например, в Канаде). При этом Канада граничит только с дружественными США, а Норвегия со всех сторон окружена миролюбивыми соседями со схожей демографической ситуацией.

Россия же не только окружена странами, политические режимы в которых в долгосрочной перспективе нельзя считать стабильными, но и имеет неравномерное распределение населения на своей территории. Если европейскую часть страны можно в целом считать достаточно плотно заселенной, то азиатская часть, хотя бы для ее эффективного освоения, нуждается в населении, многократно превышающем нынешнюю численность.

Приведем наглядный пример. Приморский край, находящийся в стратегически важной части мира, со всех сторон окруженный мощнейшими и быстрорастущими державами – Китаем, Японией и Кореей, имеет численность населения около 2 млн. человек, причем сокращается оно достаточно быстро даже по российским меркам. Климатические условия Приморского края несильно отличаются (в худшую строну) от соседней Кореи, северного японского острова Хоккайдо или китайской провинции Хейлундзян. Однако, для сравнения: в практически такой же по площади Корее (Северной и Южной вместе) проживают 73 млн. человек [7]; в провинции Хейлундзян, по площади почти в 2 раза меньшей Хабаровского края – 38 млн. [5]; во всем российском Дальневосточном федеральном округе – 6 млн. человек!

Более того, в уже упоминавшейся в связи со схожестью климата Канаде, на другом от Владивостока берегу Тихого океана, расположен более чем

двухмиллионный Ванкувер (третий в Канаде по значению город, кстати, столица зимних Олимпийских игр 2010 г.). Так вот, сравнить экономическое и демографическое значение 500-тысячного Владивостока для России со значением Ванкувера для Канады или Лос-Анджелеса и Сан-Франциско для США, невозможно. Между тем сбалансированность в развитии, заселении, экономическом и культурном значении тихоокеанского и атлантического побережий – один из ключевых факторов геополитической мощи США. В отличие от них в России даже зимнюю олимпиаду проводят в субтропическом, черноморском Сочи.

И все же от «локальных» проблем Дальнего Востока, которые, впрочем, могут стать причиной распада всей страны, вернемся к общему положению России в мире с демографической точки зрения.

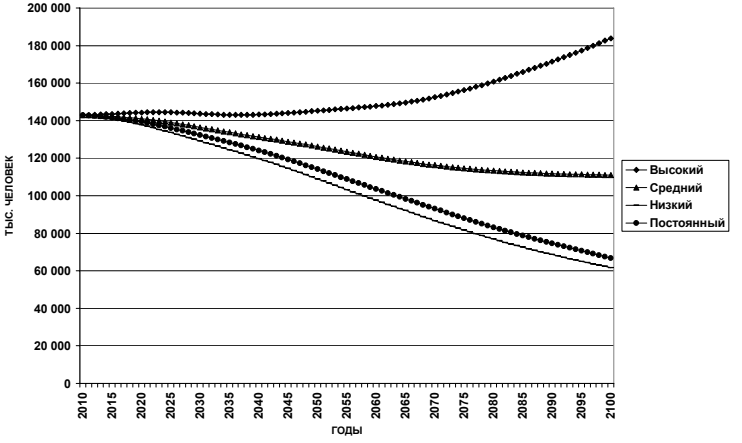
Рассматривая уже приводившиеся здесь цифры демографического прогноза ООН 2010 г. о предположительной численности населения планеты по четырем вариантам прогноза до 2100 г. можно отметить, что по высокому варианту демографическое будущее России выглядит достаточно оптимистичным. В случае достижения определенных параметров рождаемости, смертности и внешней миграции (которые более подробно будут рассмотрены ниже) население России может не только стабилизироваться на уровне примерно нынешней численности, но и выйти во второй половине столетия в фазу устойчивого роста. По высокому варианту прогноза к 2050 г. численность населения страны может составить 145,3 млн. человек, а к 2100 г. и вовсе рекордные 183,9 млн., ежегодно прирастая более чем на 1 млн. человек (диагр. 1) [7].

Остальные три варианта прогноза численности населения России на весь XXI в. отличаются лишь степенью «катастрофизма», поскольку даже средний вариант численности не удовлетворяет минимальным гарантиям национальной безопасности, сохранения суверенитета и просто устойчивого развития государства. Низкий и постоянный[1] варианты прогноза ООН предполагают сокращение и без того небольшой численности населения до уровня, когда сохранение национального суверенитета будет возможным, только если у соседей России возникнут какие-либо проблемы большего масштаба. Так, низкий прогноз предполагает сокращение численности населения страны до 108,9 млн. человек в 2050 г. и до 61,7 млн. человек в 2100 г. [7].

1. Вариант, предполагающий сохранение существующего коэффициента фертильности (количества рожденных детей на одну женщину) на нынешнем уровне 1,44.

Диаграмма 1

Предположительная численность населения России до 2010 г. по четырем вариантам прогноза ООН 2010 г. [7]

Варианты прогноза, рассчитываемые ООН каждые два года, определяются предположением об изменении коэффициента фертильности (количества рожденных женщиной в течение жизни детей), остальные демографические параметры рассчитываются для среднего варианта прогноза и используются в остальных трех вариантах. Эти методологические особенности расчета прогнозов мы приводим, чтобы подчеркнуть важность рождаемости, которая является ключевым фактором демографического будущего любой страны или территории. Другие демографические факторы – уровень смертности (зависящий, прежде всего, от продолжительности жизни) и миграционный прирост – в целом влияют на численность населения не столь сильно (если, разумеется, смертность не выходит за рамки «нормальных» значений, например, в результате войн или крупных стихийных бедствий). Увеличение продолжительности жизни населения, безусловно, положительный в демографическом и социальном аспектах процесс. Однако оно несильно влияет на общую численность населения.

Миграции населения в принципе могут оказать большое влияние на численность, распределение и состав населения. Тем не менее в России, по нашему мнению, нельзя делать ставку на долгосрочный масштабный приток иммигрантов. В российском политическом и научном сообществах домини-

руют полярные и, как правило, радикализованные взгляды на внешнюю миграцию. Одни эксперты видят в иммигрантах абсолютное зло и опасность для безопасности государства, другие – не менее радикально заявляют о притоке людей извне, как о единственном шансе выхода страны из демографической ямы. К сожалению, в России наблюдается дефицит неидеологизированных взглядов на внешнюю миграцию, как фактор демографического и экономического развития страны.

Поскольку миграционная составляющая демографического развития России – предмет отдельного и обстоятельного исследования, мы только в общих чертах выразим свое представление об этом факторе. С одной стороны, современная социально-экономическая действительность требует притока иммигрантов (однако это не означает, что нынешние объемы этой миграции оптимальны). Даже если предположить, что в ближайшие годы кардинально увеличится рождаемость, то в любом случае рынок труда это увеличение ощутит лишь через 20–25 лет, когда рожденные в ближайшие годы дети достигнут трудоспособного возраста. До этого времени (т.е. по крайней мере до 2030-х годов) для быстрого экономического развития страны приток какого-то количества иммигрантов будет необходим.

С другой стороны, прием иммигрантов в больших объемах на протяжении длительного периода времени, безусловно, изменит этноконфессиональный и социокультурный ландшафт страны, последствия чего непредсказуемы. Кроме того, приток иммигрантов приводит к увеличению конкуренции на рынке труда, как следствие – откладыванию срока создания семьи, уменьшению количества детей. Иначе говоря, приток иммигрантов приводит к сокращению уровня рождаемости местного населения. Это явление описывается теорией «истерлиновских циклов», которая доказывает, что «следствием возросшей иммиграции будет пониженная рождаемость» [2, с. 67]. Прежде всего, поэтому малоэффективно принимать меры по увеличению рождаемости и одновременно проводить политику «открытых дверей» для иммигрантов. Массовый приток иммигрантов будет сводить на нет усилия государства по стимулированию рождаемости.

Исходя из этого, нам представляется наиболее оптимальной та миграционная парадигма, которая заложена в исследуемом прогнозе ООН. Этот прогноз предполагает постепенное сокращение миграционного притока в Россию, увязанное с ростом относительной рождаемости. Среднегодовой положительный миграционный баланс в России должен снизиться со 172 тыс. человек в нынешнем пятилетии, до 25 тыс. – в 2045–2050 гг. и до 0 – в 2095–2100 гг. [7]. Еще раз отметим, что подобное сокращение объемов притока иммигрантов станет возможным лишь при росте рождаемости и как следствие сокращении зависимости российского рынка труда от иностранной рабочей силы. В противном случае, если рождаемость останется на прежнем

уровне или тем более сократится, избежать масштабного приема иммигрантов будет очень сложно.

Итак, важнейшим фактором, определяющим демографическое будущее России, а за ним и геополитическую роль страны, сохранение ее суверенитета в нынешних границах, является уровень рождаемости. Приведенные на диаграмме 1 варианты демографического прогноза обусловлены предположительным коэффициентом фертильности, варианты изменения которого представлены на диаграмме 2.

Сопоставляя предполагаемые варианты коэффициента фертильности с вариантами прогнозной численности населения страны, можно сделать ряд выводов.

В случае сохранения нынешнего уровня рождаемости (примерно на отметке 1,5) Россию ждет жесточайший демографический кризис, который затронет все сферы социальной, экономической, политической и иных сфер жизнедеятельности общества, поставит под вопрос сохранение территориальной целостности страны и, возможно, само ее существование. Особо отметим, что низкий прогноз ООН, предполагающий сокращение численности населения России более чем в 2 раза к концу столетия, станет реальностью не в случае ухудшения существующей демографической ситуации, а в случае ее сохранения. Иначе говоря, эксперты ООН, составлявшие прогноз, не предусматривают возможность еще большего сокращения рождаемости, она и так такова, что к концу столетия нас может остаться 61,7 млн. человек.

Средний, т.е. основной вариант прогноза предполагает достаточно существенный рост среднего числа рожденных россиянками детей до уровня 1,9 к середине века и до 2,1 к его окончанию. Даже этот прогноз, многим российским демографам кажущийся несбыточно оптимистичным, в случае его реализации приведет к сокращению численности населения России до 111,1 млн. человек в 2100 г. [7].

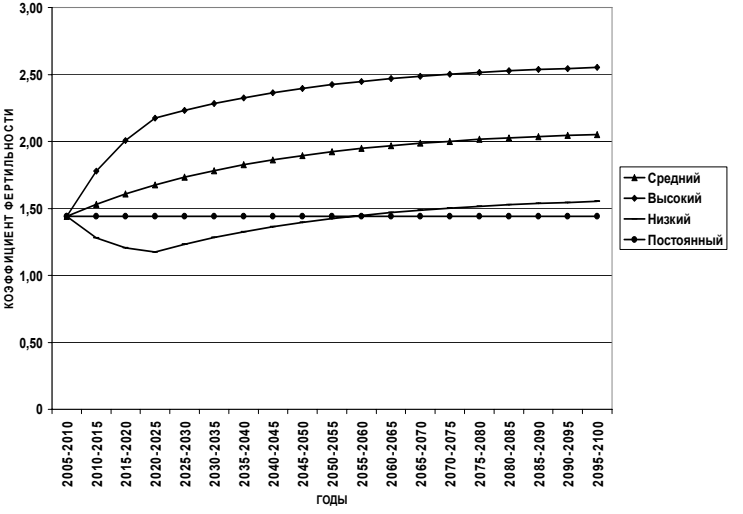
Для реализации наиболее оптимистичного и жизненно необходимого высокого варианта прогноза необходимо повышение, причем уже в наступившем десятилетии, коэффициента фертильности до показателя 2,0 в 2015–2020 гг., 2,4 – в середине века, 2,6 – к его завершению [7]. Лишь в этом случае станет возможным преодоление демографического кризиса и достижение устойчивого прироста населения страны. Как следствие, в России появится главнейший из ресурсов – человеческий, станет возможным полноценное освоение огромных территорий Сибири и Дальнего Востока, возрождение опустевших территорий Центральной России.

Однако реализации такого варианта будущего развития страны препятствует не только, и даже не столько, нерешенность огромного количества социальных проблем (хотя и они, безусловно, ухудшают демографическую ситуацию), а ориентация социального сознания, общественного мнения на

стандарт одно-двухдетной семьи. Нынешний коэффициент фертильности (1,44) хорошо иллюстрирует эту общественную ориентацию.

Диаграмма 2

Коэффициент фертильности населения России до 2010 г. по вариантам прогноза ООН 2010 г. [7]

Даже поверхностное знакомство с демографической статистикой показывает, что уровень рождаемости практически не зависит от уровня дохода и экономического положения семьи. Так, малодетные или вовсе бездетные семьи встречаются как среди малообеспеченных слоев населения, так и в среднем классе и даже среди богатых людей. Более того, новомодные социальные движения вроде childfree, активно распространяющиеся в социальных сетях, охватывают преимущественно средний класс.

Убежденность общественности в возможности роста рождаемости путем улучшения уровня жизни населения (причем, как правило, благодаря активизации социальной роли государства) – не более чем заблуждение или попытка оправдать свое собственное нежелание иметь полноценную семью.

Современный демографический кризис больше предопределяется не социально-экономическими, а социально-культурными и духовно-нравствен-

ными факторами. Так, например, по данным ФОМ, только 13% респондентов хотели бы иметь трех детей и 5% – четверых и более (а именно столько необходимо для расширенного воспроизводства населения). Основная масса современных россиян видит для себя оптимальной двухдетную семью (41%), еще 13% – однодетную. Наиболее же негативным социальным фактом является то, что пятая часть всех опрошенных (19%) вообще не собирается заводить детей [4].

Именно массовая ориентация россиян на одно-двухдетную семью, часто подогреваемая пропагандой антисемейных ценностей в массовой культуре, привела к нынешнему демографическому кризису. Для выхода из него необходима ориентация на двух-трехдетные семьи, поскольку именно третий ребенок – если не у всех, то у подавляющего большинства – обеспечивает возобновление поколения, притом только простое. А нужно расширенное, т.е. такое, при котором на 200 родителей приходилось бы приблизительно 260 рождений, иначе говоря, на каждую эффективную супружескую пару по два–три, а лучше четыре ребенка[2].

Главный вывод этого исследования заключается в том, что, пожалуй, еще никогда в российской истории будущее страны не находилось в столь прямой зависимости от уровня рождаемости ее жителей. В прошлом мощь государства, его место в мире определялось силой оружия, экономическим положением, культурным и религиозным влиянием и многими другими факторами. В современном мире вышеперечисленные факторы по-прежнему сохраняют свое значение и актуальность, однако на первый план все же выходит главная предпосылка могущества – количество и «качество» населения страны.

Литература

1. Исупова О.Г., Русанова Н.Е. Вспомогательные репродуктивные технологии – фактор повышения рождаемости и компонент инновационного развития // Инновационное развитие экономики России: Ресурсное обеспечение. Вторая международная конференция. МГУ, экономический факультет, 22–24 апреля 2009 г. Сб. статей: Т. 3 / Под ред. В.П. Колесова и Л.А. Тутова. – М., 2009. – С. 732–741.

2. Панкратов К., Турчин П. Детотрясение // Эксперт. – 2011. – № 1 (735). – С. 64–69.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php

4. Фонд «Общественное мнение», 2011. Ситуация с рождаемостью [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/d111719

2. Необходимо учитывать, что около 15–20% супружеских пар в России не могут иметь детей по медицинским показаниям, соответственно «нагрузка» за возобновление таких пар ложится на «эффективные» семьи [1, с. 732].

5. Communiqué of the National Bureau of Statistics of People's Republic of China on Major Figures of the 2010 Population Census [Electronic resource]. URL: http://www.stats.gov.cn/was40/gjtjj_en_detail.jsp?channelid=1175&record=17

6. World Economic Outlook Database 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.imf.org/external/ns/cs.aspx?id=28

7. World Population Prospects, the 2010 Revision [Electronic resource]. URL: http://esa.un.org/ unpd/wpp/Excel-Data/population.htm

В.В. Пациорковский

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: ВОСПРОИЗВОДСТВО, ДВИЖЕНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Пациорковский Валерий Валентинович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Ограниченность сложившихся форм расселения населения. Существующие формы пространственной организации общества и размещения населения сложились в индустриальную эпоху. Они отражают господствовавшие в тот период представления об экономике, труде, быте и свободном времени. Это обстоятельство важно учитывать при рассмотрении особенностей вновь формируемого общества, которое на правах последующего во времени можно назвать постиндустриальным.

Для господствовавших в индустриальном обществе представлений характерна предпосылка о приоритетном развитии производительных сил. Вокруг решения этих задач и формировалась сложившаяся система расселения. Люди при этом рассматривались в качестве трудовых ресурсов, а обусловленные их вовлеченностью в развитие производительных сил невзгоды и трудности компенсировались через оплату труда.

Идеологически и на уровне управления формирование уклада жизни в индустриальном обществе обосновывалось и поддерживалось теорией и практикой урбанизма, который подавался в качестве магистрального пути пространственной организации общества[1]. Своими корнями такого рода наработки уходят в представления о «городе Солнца»[2], «городе-саде»[3], «городе

1. Урбанистика, Урбанизация. – http://ru.wikipedia.org/wiki/Урбанизация

2. Кампанелла Т. Город Солнца. – http://www.lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt

3. Говард Э. Города-сады будущего. – СПб., 1911.

будущего»[4]. Их содержательный смысл – счастливая жизнь наемных работников при фабриках, заводах и других местах приложения труда.

Характерные черты уклада жизни в индустриальном обществе кратко можно сформулировать следующим образом.

– *Развитие производительных сил общества предполагает постоянный ввод в действие все новых рудников, заводов и фабрик*. Они и составляют градообразующую базу любого города. Действительно за годы индустриализации в нашей стране возникло большое число новых городов. «За 14 предвоенных лет (1927-40) и за 13 послевоенных (1946-58) возникло одинаковое число городов: соответственно 116 и 115»[5]. Все это требует огромного, постоянно растущего числа рабочих рук, а значит, и новых горожан. Наемные работники нуждаются в условиях жизни, позволяющих им воспроизводить себя и себе подобных. Поэтому заселения, а с ним социальная и инженерная инфраструктура всегда сопровождают производство.

– *Население просто не имеет другого выбора, кроме как концентрироваться в городах*. По данным последней переписи населения, подавляющая часть жителей нашей страны (73,7%) – горожане[6]. Тенденция роста городского населения сохраняется уже много лет. В межпереписной период с 2002 по 2010 г. доля горожан выросла на 0,4%[7].

– *Наиболее полно отвечающий требованиям жизни в индустриальном обществе тип жилища – квартира*. В 2010 г. подавляющая часть семейных домохозяйств (72,6%) занимали отдельную квартиру[8]. И только четверть их (25,8%) занимала отдельный дом или его часть. При этом средний размер одной квартиры составлял 52,9 м^2 общей площади жилых помещений[9].

– *По своему замыслу упомянутая выше малогабаритная квартира ориентирована на нуклеарную семью, наемный труд и общественное обслуживание*, которое в нашей стране так и не получило широкого развития. Поэтому все функциональные потребности как бытовые, так и культурные, а в последнее время довольно часто и трудовые, удовлетворялись на занимаемой семьей площади. К чему это привело, хорошо известно.

Для нуклеарной семьи, живущей в описанных выше условиях, наличие одного ребенка позволяло организовать жизнь с минимальными издержками.

4. Фантастический город будущего – SUPERSTAR. – http://infuture.ru/article/1123

5. Лаппо Г. Урбанизация в Европейской России: Процессы и результаты // Город и деревня в европейской России: Сто лет перемен. Ред.-сост.: Нефедова Т. и др. – М.: О.Г.И., 2001. – С. 127.

6. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистический сборник. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. – С. 9.

7. Там же. – С. 9.

8. Российский статистический ежегодник. 2011. – М.: ФСГС, 2011. – С. 198.

9. Там же. – С. 192.

В том числе и поэтому демографическое развитие довольно быстро столкнулось с достаточно большими трудностями, преодолеть которые как на уровне семьи, так и на уровне общества оказалось весьма сложно. Семья в вопросе жилищной обеспеченности полностью зависела от общества. В свою очередь общество, решая этот вопрос за счет общественных фондов потребления, постоянно стремилось к ограничению таких бюджетных расходов.

Если учесть, что нуклеарная семья с тремя детьми сегодня является большой редкостью, то все семьи, состоящие из пяти и более человек можно отнести к расширенным и составным семьям. При такой интерпретации изменения в семейной организации имеют следующий вид (табл. 1).

Таблица 1

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОСТАВЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ И НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (в %)

Типы семьи	*Европейская Россия, конец XIX в.*		*Россия, 2010 г.*	
	Домохозяйства	*Население*	*Домохозяйства*	*Население*
Одиночки	2,9	0,5	25,7	9,9
Малая семья	50,5	34,2	65,5	86,7
Расширенная и составная семья	42,0	56,0	8,8	3,3
Большая семья	4,6	9,3	–	–
Всего	100	100	100	100

Источники: Миронов Б.Н. Социальная история России. Том 1. – СПб., 2003. – С. 226; Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Число и размер частных домохозяйств по субъектам РФ. Таб. 4. – http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

Приведенные в таблице 1 данные позволяют увидеть, какие огромные изменения произошли в стране в семейной организации населения в наблюдаемый период. Одиночки из эпизодического явления (0,5%) еще не так далекого прошлого стали составлять почти десятую часть населения (9,9%). Малые семьи, в которых ранее жила треть населения (34,2%), стали преобладающей формой семейной организации (86,7%). Расширенные и составные семьи, ранее объединявшие 56% населения, стали эпизодическим явлением, охватывающим 3,3% жителей страны. Отмеченные выше перемены продолжают углубляться и в настоящее время. Даже за относительно короткий межпереписной период 2002–2010 гг. доля домохозяйств-одиночек выросла на 3,7%, а малых семей на 0,5%[10].

10. Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Том 6. – М.:ФСГС, 2005. – С. 6–7.

О больших семьях, как форме семейной организации в терминах ушедших времен, сегодня и говорить не приходится. Возможно, в этом и кроются основные причины и истоки демографического кризиса. Сделав нуклеарную семью преобладающей формой семейной жизни, общество *разрушило материально-организационные основы сотрудничества поколений*, а с ними социально-биологическую защиту материнства и детства, равно как и комфортную старость в рамках большой семьи.

Общий вывод здесь следующий: *до тех пор пока различного рода ресурсы вкладывались в домохозяйство, общество не сталкивалось в демографическом развитии с проблемами депопуляции*. Разрушив домохозяйство, общество перед лицом быстрого сокращения численности населения начало вкладывать средства в семью, но эффективность этих вложений повсеместно остается низкой и кратковременной. История показывает, что при решении задач, связанных с ограничением домашнего производства, государство широко использовало как экономические, так и административные меры вплоть до репрессий. В то же время, когда пришла пора признания домохозяйства в качестве равноправного (как минимум в экономическом отношении) партнера, все делается так, будто эти проблемы могут быть решены или рассосутся сами по себе.

Компоненты изменения численности населения. Размещение населения, сложившееся в индустриальную эпоху, препятствует решению задач сбережения населения и демографического развития.

Как видно из данных таблицы 2, воспроизводство населения во всех основных формах расселения испытывает огромные напряжения (столбец 4). При этом к уровню замещения поколений ближе всего в последние годы подошла сельская местность. В ней в 2009 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составил 1,9 ребенка на женщину в репродуктивном возрасте от требуемых для замещения поколений 2,08 ребенка.

Среди пяти выделенных нами групп городов максимальное значение рассматриваемого коэффициента воспроизводства 1,6, а минимальное – 1,3 ребенка. В среднем по городской местности значение СКР составляет 1,4 ребенка, что весьма и весьма далеко от уровня замещения поколений. Из этого следует, что концентрация населения в городах сокращает возможности его воспроизводства. Действительно, в 2009 г. селяне, составляющие немногим более четверти всего населения, дали около трети всех рождений[11].

В 2009 г., как и многие предыдущие годы, наблюдалась естественная убыль населения и в городской, и в сельской местности (столбец 7). Самый большой вклад в нее внесли малые и средние города, а также поселки город-

11. Демографический ежегодник. 2010. – М.: ФСГС, 2010. – С. 25, 68–70.

ского типа (пгт). В них наблюдается низкая рождаемость (столбец 4), высокая смертность (столбец 5) и огромный отток населения (столбец 8).

Таблица 2

КОМПОНЕНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РФ В 2009 г.

Размещение населения	*Численность населения в 2008 г. (тыс. чел.)*	*Численность населения в 2009 г. (тыс. чел.)*	*Компоненты изменения численности населения в 2009 г.*					
			СКР	*Число родившихся (на 1000 чел. населения)*	*Число умерших (на 1000 чел. населения)*	*Естественный прирост, убыль (чел.)*	*Сальдо миграции (чел.)*	*Перемена категории населенных пунктов (чел.)*
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Все население	142 008,8	141 914,5	1,5	12,4	14,2	-248 856	247 449	87 116
Городское население	103 773,0	103 705,3	1,4	11,9	13,5	-159 976	251 292	-87 116
Более 1 млн.	26 669,6	26 779,1	1,3	11,5	13,0	-34 872	144 372	–
0т 500 тыс. до 1 млн.	15 648,9	15 693,3	1,5	12,1	12,4	-4408	48 808	–
От 250 до 500 тыс.	12 081,6	12 120,1	1,6	12,7	12,6	1213	37 287	–
От 100 до 250 тыс.	14 382,0	14 373,5	1,4	11,9	13,3	-19 765	11 265	–
Менее 100 тыс. и пгт	35 088,9	34 739,3	1,4	11,7	14,0	-114 640	-200 710	–
Сельское население	38 213,6	38 209,2	1,9	13,7	16,7	-88 880	-3843	+87 116

Источники: Демографический ежегодник. 2010. – М.: ФСГС, 2010. – С. 25–28, 94, 403–407; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов 2010. – М.: ФСГС, 2010. – С. 18–372; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 г. – М.: ФСГС, 2010. – С. 13–18.

Важным обстоятельством можно считать практически полное прекращение оттока сельского населения в города (столбец 8). И, как следствие, продолжение процесса концентрации городского населения в крупнейших городах теперь уже в первую очередь за счет малых, средних городов и пгт (столбец 8).

В порядке еще одного общего замечания уместно обратить внимание на тот факт, что население последней группы городов и селяне составляют вместе более половины населения страны (столбец 2). С учетом близости укладов жизни в малых городах и на селе можно предположить, что ориентация в них на формирование автономного индивидуального жилищного фонда и поощрение занятий, связанных с использованием возобновляемых природных ресурсов, скорее всего, окажут позитивное влияние на репродуктивное поведение местного населения.

При таком развитии событий важно, во-первых, сосредоточить усилия на повышении качества медицинского обслуживания, результатом которого станет сокращение явно избыточной смертности в малых городах и сельской местности (столбец 6). Во-вторых, поощрять повышение рождаемости в малых городах, до уровня близкого к рождаемости, наблюдаемой в сельской местности (столбцы 4–5). В совокупности оба рассматриваемых направления перемен могли бы оказать заметное влияние на улучшение показателей естественного движения населения в целом в стране (столбец 7).

Для *первой* группы крупнейших 12 городов с численностью населения более 1 млн. человек (здесь и далее число городов в каждой группе привязано к переписи населения 2010 г.) характерна естественная убыль населения (столбец 7). Самая высокая смертность наблюдалась в Самаре (15,4 умерших на 1000 человек населения). Из этого тренда выпадает Уфа. В ней в 2009 г. рождаемость превышала смертность. Поэтому наблюдался естественный прирост населения в 1855 человек.

Основные особенности естественного движения населения городов этой группы – крайне низкая рождаемость (столбцы 4–5) и относительно низкая смертность (столбец 6). Здесь нет городов, которые по уровню рождаемости приближались хотя бы к российской сельской местности. Самая низкая рождаемость наблюдалась в Ростове-на-Дону (10,0 рождений на 1000 человек населения). Такие города в известной мере способствуют увеличению продолжительности жизни своих жителей, но весьма затрудняют их появление на свет божий. Значение СКР в 1,3 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста (столбец 4) с точки зрения воспроизводства населения находится в полном смысле слова ниже нижнего предела. По результатам механического движения в рассматриваемой группе городов в 2009 г. наблюдалось огромное положительное сальдо (столбец 8). И тем не менее даже в этой группе городов в одном из них (Омске) зафиксирован незначительный отток населения.

Вторая группа – крупные города с населением от 500 тыс. до 1 млн. человек. На сегодняшний день таких городов в нашей стране 25. В эту группу городов входят как Пермь, ранее не удержавшаяся в составе крупнейших городов, так и стремящиеся перейти эту границу Воронеж, Красноярск и Саратов.

С учетом проблем демографического развития у всех этих городов отсутствуют какие-либо возможности нарастить в обозримой перспективе численность населения. Вместе с тем использование административного ресурса, открывающее возможность слияния и поглощения соседних населенных пунктов, делает шансы Саратова в этом начинании наиболее предпочтительными. Его выход на левый берег Волги и слияние с Энгельсом позволяют появиться на берегах великой реки еще одному миллионнику. Справедливости ради следует отметить, что и по факту это уже давно сложившаяся агломерация. Рождаемость в этой группе городов (столбец 5), как и в предыдущей, ниже смертности (столбец 6). Указанное обстоятельство и обусловливает естественную убыль населения в них (столбец 7). Она, правда, по абсолютным значениям и в относительном выражении намного ниже, чем в крупнейших городах. А высокая привлекательность городов данной группы пока еще компенсирует как естественную убыль, так и отток населения (столбец 8). Но и в этой группе в 2009 г. три города, а именно Махачкала, Ижевск и Владивосток, имели отрицательное сальдо миграции.

Справедливости ради следует отметить, что почти в половине городов этой группы в 2009 г. наблюдался естественный прирост населения. Среди таких городов, упорядоченных по убыванию естественного прироста населения, можно назвать: Махачкалу, Тюмень, Набережные Челны, Красноярск, Томск, Иркутск, Ижевск, Тольятти. Во всех названных городах естественный прирост населения был достигнут за счет низкой смертности. Среди 14 городов этой группы, показавших естественную убыль населения, наибольшие потери характерны для Тулы, Саратова, Воронежа, Ярославля и Рязани. Во всех этих и других городах данной группы высокая смертность внесла в копилку естественной убыли основной вклад.

Города *третьей группы* (с численностью населения от 250 до 500 тыс. жителей) показали в 2009 г. незначительный естественный прирост населения (столбец 7). В составе этой группы среди 36 городов Грозный, Сургут, Якутск, Нижневартовск, Улан-Удэ и Чита внесли наиболее заметный вклад в естественный прирост населения. Для всех этих городов характерно сочетание относительно высокой рождаемости с низкой смертностью. Эффект высокого уровня рождаемости в этой группе городов связан прежде всего с благоприятными характеристиками их половозрастной структуры.

Несмотря на довольно большое положительное сальдо миграции в этой группе (столбец 8), ровно третья часть ее городов имела в 2009 г. отрицательное сальдо миграции. Наибольше число своих жителей потеряли: Брянск, Орел, Мурманск, Таганрог, Владикавказ и Комсомольск-на-Амуре. Низкая привлекательность многих республиканских столиц и областных центров свидетельствует о слабой эффективности вложений в развитие городов, которые довольно часто поглощают основную часть региональных ресурсов.

Наиболее привлекательными в этой группе городов оказались Грозный, Белгород, Тверь, Череповец, Калуга и Ставрополь.

Четвертая группа, собственно больших городов с населением от 100 до 250 тыс. человек, включает в себя 91 город. В 2009 г. СКР равнялся в ней среднему по городскому населению (столбец 4). Понятно, что это очень низкий показатель для того, чтобы внести какой-то заметный вклад в демографическое развитие. Низкий уровень рождаемости (столбец 5) и выше средней смертность (столбец 6) обусловили значительную естественную убыль населения в городах рассматриваемой группы. Она наблюдалась в двух третях городов этой группы. Ее наибольшие значения были в следующих городах: Дзержинске (Нижегородская обл.), Рыбинске (Ярославская), Шахтах (Ростовская), Подольске (Московская) и Коврове (Владимирская обл.). В то же время наиболее заметный естественный прирост населения наблюдался в Новом Уренгое и Ноябрьске (Ямало-Ненецкий автономный округ), Хасавюрте и Дербенте (Республика Дагестан), Кызыле (Республика Тыва), Норильске (Красноярский край), Нефтеюганске (Ханты-Мансийский автономный округ) и Нижнекамске (Республика Татарстан).

Для городов этой группы в 2009 г. характерен миграционный приток населения (столбец 8). При этом в действительности одна их часть притягивала к себе население. Среди таких городов выделяются: Балашиха, Железнодорожный, Химки (Московская обл.), Сыктывкар (Республика Коми), Пятигорск (Ставропольский край) и Новороссийск (Краснодарский край). Другая часть – теряла население. Наиболее заметный его отток наблюдался в ранее упоминавшемся Норильске, Новомосковске (Тульская обл.), Северодвинске (Архангельская), Братске (Иркутская обл.).

В *последней группе городов*, включавшей в 2010 г. 1569 городских поселений[12], при низкой рождаемости (столбец 5) и высокой смертности (столбец 6) наблюдались как огромная естественная убыль (столбец 7), так и еще более существенный отток населения. Огромная часть притока населения в первые четыре группы городов имела своим источником отток населения из малых и средних городов.

Описанное выше положение вещей можно было бы считать нормальным, если бы сельское население так же интенсивно, как и в прошлые годы, перемещалось в малые города. Однако отток из сельской местности был минимальным, а естественная убыль в ней, конкретно в 2009 г., фактически была покрыта с использованием административного ресурса (столбец 9). Проблема здесь состоит в том, что к настоящему времени во многих регионах численность сельского населения подошла к естественному минимуму. Это означа-

12. Россия в цифрах 2011. – М.: ФСГС, 2011. – С. 51.

ет, что там уже практически некому покидать насиженные места. Указанное обстоятельство касается Мурманской, Магаданской и других областей.

Поэтому не случайно весьма ограниченный рост населения Екатеринбурга и Кемерово в последние годы сопровождается сокращением людности окружающих их городов (Асбеста, Каменск-Уральского, Новоуральска, Первоуральска, равно как и Белово, Ленинск-Кузнецкого, Прокопьевска). В то же время Магадан и Мурманск, не имеющие плотной сети окружающих их городских поселений, уже сами теряют население. Магадан, по итогам переписи 2010 г., даже не вошел в число больших городов. В последние годы из их числа ушли: Белово, Киселевск (Кемеровская обл.), Новотроицк (Оренбургская), Ногинск (Московская обл.), Чайковский (Удмуртская Республика).

Видимо, при низком уровне рождаемости и исчерпании ресурсов сельского населения сначала поселки городского типа (пгт), а несколько позже малые и средние города, становятся основными поставщиками людских ресурсов в большие города. С их помощью латаются дыры в быстро теряющем население опорном каркасе системы расселения, основу которого составляют крупные и крупнейшие города страны.

Уже давно замечено, что, взяв на себя функции культурно-символического воспроизводства предметной деятельности, города в процессе исторического развития стали утрачивать способность к демографическому развитию и воспроизводству самого человека. Как отмечал много лет назад Л. Вирт: «Неспособность городского населения к собственному воспроизводству оказывается биологическим следствием комбинации факторов, заключенных в комплексе городской жизни, и падение рождаемости в целом можно считать одной из самых важных примет урбанизации Западного мира»[13].

В известном смысле логико-историческое завершение данного процесса и наблюдается в настоящее время в крупнейших городах всех развитых стран. Не в последнюю очередь с ним связаны и разворачивающиеся в этих странах обратные процессы дезурбанизации. Вполне возможно, что таким образом естественная природа людей подсказывает им, что в высоко урбанизированных территориях они очень далеко зашли в формировании «второй природы» – искусственной среды обитания. Лишая человека права жизни на природе, большой город тем самым ограничивает демографическое развитие. В этом плане ориентация на концентрацию населения в крупнейших городских центрах, которая как бы подсказывается самим развитием человечества, ошибочна для обществ с низким уровнем рождаемости. Она не учитывает проблем демографического развития и способна свести на нет все усилия социально-экономической политики, направленной на его стимулирование.

13. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии: Сб. переводов. Пер. с англ. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 113.

Основным ориентиром постиндустриального развития должна стать диверсификация и модернизация производства, инженерной и социальной инфраструктуры малых городов и сельской местности. В долгосрочной перспективе в регионах выиграет тот, кто ускоренно разовьет сельскую местность, малые города, вновь создаст современные цивилизованные пригороды больших городов и повсеместно нарастит в них численность населения. Подобное развитие событий не противоречит задачам «модернизации городской среды 12 городов-миллионников»[14]. Более того, оно представляет собой одно из необходимых условий их реализации.

В отличие от эпохи индустриализации сегодня для целей модернизации и инновационного развития вряд ли нужны огромные потоки трудовых мигрантов в крупные города. Современная техника и высокие технологии предполагают массовое использование квалифицированного труда, создание огромной численности удаленных рабочих мест, индивидуальных предпринимателей и малых предприятий. При этом все они, как минимум на начальном этапе своей деятельности, должны иметь возможность опираться на собственное домохозяйство и домашнее производство.

Одновременно крайне важно создание благоприятных условий для демографического развития. Эту задачу нельзя решить на путях концентрации населения в крупных и крупнейших городах. Поэтому так важно развитие малых городов, пригородов и сельской местности, которые только и могут обеспечить новые формы размещения населения, модернизацию домохозяйств и демографическое развитие.

К формированию новых представлений о пространственной организации общества. Разделяя предложение авторов «Стратегии-2020» о необходимости разработки «Стратегии пространственного развития России», мы считаем, что ее надо увязывать не столько с «управляемым сжатием» периферийных территорий и «оптимизацией сети бюджетных услуг»[15], сколько с демографическим развитием и созданием благоприятной среды для домохозяйств, бизнеса и гражданского общества.

Ниже сформулировано несколько общих принципов, позволяющих учесть в социально-экономической политике особенности влияния пространственной организации общества на воспроизводство населения. Их можно изложить следующим образом.

14. Набиуллина Э. РФ нужны проекты модернизации для 12 городов-миллионников. – http://news.mail.ru/politics/7546478

15. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. – М.: РАНХиГС, 2012. – С. 791–792. – http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf

Первое. *Природа пространственной организации общества такова, что при разделении функций между городом и деревней основные механизмы и обязательства воспроизводства человека оказались связанными с селом и сельской местностью.*

Второе. *Экономическое принуждение и социальное отчуждение ведут к глубокому снижению численности сельского населения любого территориального сообщества (региона). По мере нарастания указанного процесса с определенного момента одновременно начинает сокращаться и численность городского населения, в первую очередь поселков городского типа и малых городов.*

Третье. *Начало падения численности городского населения говорит об установлении естественного минимума сельского населения. При его достижении только репрессии могут снизить численность сельского населения до ее величины близкой к нулю.*

Четвертое. *Между точкой естественного минимума и начальным этапом депопуляции существует интервал глубокого снижения численности сельского населения. Проходя его, сельская популяция постепенно утрачивает способность к воспроизводству.*

Пятое. *Достижение уровня естественного минимума означает полную утрату сельским сообществом способности к воспроизводству и нарастающую потребность повторного заселения территории.*

Фактически описанное положение дел по своим характеристикам близко к анабиозу всей популяции, т.е. к состоянию внешне похожему на вымирание не только сельского, но и коренного городского населения.

Из сформулированных выше принципов с неизбежностью следует ряд выводов.

– Разрушая село, мы разрушаем основы существования общества. Значимость села и сельской местности не может быть сведена к эффективности и конкурентоспособности сельскохозяйственного производства или каких-либо иных видов хозяйственной деятельности.

– Людная сельская местность – надежная гарантия демографического развития любой территориальной общности, страны или региона.

– Задача социально-экономической политики, во-первых, способствовать поддержанию численности сельского сообщества на уровне, превышающем пороговые значения ее глубокого снижения, во-вторых, немедленно и в экстренном порядке реагировать на малейшие проявления движения сельского сообщества к состоянию естественного минимума.

– Основной инструмент такого реагирования – повторное заселение сельской местности. При этом общество неизбежно оказывается перед необходимостью огромных затрат человеческого капитала, материальных и финансо-

вых ресурсов, направленных на формирование преференций и бонусов для создания волн новых переселенцев в сельскую местность.

В условиях низкого уровня репродуктивности поддержание удельного веса селян на уровне 30–40% общей численности населения служит одним из надежных индикаторов перспектив демографического развития той или иной территориальной общности. В случаях сокращения удельного веса сельского населения до 25% и ниже драма депопуляции становится практически неизбежной. Этот процесс сегодня можно наблюдать в Магаданской, Мурманской и других областях.

Конечно, постоянное ограничение в ресурсах, равно как и имеющие широкое хождение теории урбанизации и демографического перехода, долгое время подталкивают управленцев не принимать во внимание сокращение численности сельского населения. Полезно, правда, помнить, что повторное заселение сельской местности потребует много больше затрат сил и средств, чем предотвращение демографического коллапса. В новых условиях двухкомпонентность пространственной организации общества, которая проявляется в сельско-городском континууме, необходимо учитывать как при решении задач модернизации и инновационного развития, так и в политике размещения и воспроизводства населения.

Семья и домохозяйство – агенты пространственного и инновационного развития. В противовес описанному ранее укладу, сформировавшемуся в индустриальном обществе, характерные черты нового уклада жизни кратко можно сформулировать следующим образом.

– *Развитие производительных сил общества предполагает настойчивые усилия по интенсификации использования возобновляемых природных ресурсов.* Переориентация на интенсивное использование возобновляемых природных ресурсов требует огромного, постоянно растущего числа рабочих рук, а значит, и новых селян, равно как и жителей малых городов. Семейные хозяйства, вовлеченные в использование возобновляемых природных ресурсов, нуждаются как в условиях жизни, позволяющих им воспроизводить себя и себе подобных, так и в благоприятных условиях домашнего производства. Поэтому заселение, а с ним социальная и инженерная инфраструктура должны ориентироваться на интересы и потребности домохозяйств.

– *Население имеет выбор свободного размещения в пределах сельско-городского континуума.* В зависимости от особенностей хозяйствования оно может концентрироваться как в городской, так и в сельской местности.

– *Наиболее полно отвечающий требованиям жизни в новом обществе тип жилища – индивидуальный дом с хозяйственным двором и земельным участком.* Не надо стесняться или, проявляя склонность к использованию исторических аналогий, говорить о том, что такой уклад напоминает жизнь российского крестьянства в эпоху предшествовавшую коллективизации.

В равной степени он напоминает и современный уклад жизни в североамериканском обществе. Формирование устроенной одноэтажной России – веление времени и его нельзя игнорировать[16].

– По своему замыслу упомянутый выше семейный жилищно-хозяйственный комплекс ориентирован на большую, многодетную и многопоколенную семью, домашнее производство и высокую степень автономности от централизованных систем общественного обслуживания. Поэтому основные функциональные потребности, как трудовые, так и бытовые, должны удовлетворяться по месту проживания семьи.

Одно из центральных направлений указанных перемен – модернизация домохозяйств[17]. В логике инновационного развития весьма опрометчиво оставлять домохозяйства, а сельские в особенности, на обочине перемен. Семья и домохозяйство играют важную роль в формировании новых экономических отношений. Они должны рассматриваться в качестве основных приоритетов не только развития сельской России, но и инновационной экономики в целом.

16. Кривов А., Крупнов Ю. Дом в России. Национальная идея. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 416 с.

17. См. об этом: Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010. – 390 с.; Пациорковский В.В. Модернизация домохозяйств как императив развития России // Россия и современный мир. – 2012. – № 3. – С. 85–96.

Н.А. Родионова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Родионова Надежда Александровна – кандидат исторических наук, доцент Государственного университета – Высшей школы экономики.

Для граждан государства Российского значимость семьи и детей была традиционно высока, ценности семьи доминировали над ценностями индивидуализма. В отличие от Западной Европы в России социокультурная традиция высокой рождаемости сохранялась вплоть до XX в. В ходе реформ 90-х годов трудности адаптации значительной части населения к новым социально-экономическим условиям жизни сказались на развитии института семьи, повысив индивидуализацию и атомизацию членов семьи, изменив репродуктивные установки россиян. Низкая европейская рождаемость и высокая африканская смертность, характерные для России с 90-х годов, поставили страну перед угрозой депопуляции.

Культуры разных народов формируют свои модели мужского и женского поведения, свои брачно-семейные стереотипы. Известно, что русская культура относится к культурам феминного типа, ориентированным на приоритет духовных ценностей, в которых женщина (особенно женщина старшего поколения) играет важную роль в семье. О роли женщины-матери в русской культуре свидетельствует тот факт, что материнский образ использовался как аллегория Родины и нации. Женское воспитание в России преследовало цель подготовить девочку к выполнению роли матери и хозяйки в доме. Семья, дом, семейный образ жизни занимали ведущее место в системе ценностей русских женщин. В доиндустриальной экономике семья играла ключевую роль и была основной производительной единицей. Велика была и ее социальная роль – социализация детей, призрение немощных и престарелых, реализация бытовых культурных функций. На протяжении всего XX в., как и во всех модернизированных обществах, семья в России становилась нуклеарной

и малодетной, что, однако, в небольшой степени меняло характер внутрисемейных отношений, которые главным образом основывались на патриархально-авторитарной системе с господством мужчины над женщиной, старших над младшими, т.е. строгой половозрастной иерархией семейной жизни и приоритетами семьи как целого над индивидуальными запросами и интересами ее членов [15, с. 167].

В ходе социально-экономической трансформации изменилась нормативно-ценностная база взаимоотношений мужчин и женщин, взрослых и детей, претерпели изменения взгляды россиян на социальную роль женщин и сущность супружеских отношений, произошло ослабление их репродуктивной значимости. Рост значимости образования, личной свободы, карьеры и материального успеха, а главное – гедонистическая мораль молодого поколения, от которого во многом зависят демографические перспективы, обрушили ценности семейного образа жизни и деторождения. Профессиональная занятость, ставшая нормой поведения женщин, определяет ее жизненную стратегию. Стиль жизни с ориентацией на карьеру плохо соотносится с материнством и оказывается в прямом противоречии с заложенными природой биологическими задатками женщины. Мужчина же в этих условиях утрачивает усвоенное в результате научения, а не врожденное (и потому весьма хрупкое) поведение, на котором, как считает М. Мид, прочно основывается каждое известное общество – кормить женщин и детей [13, с. 181]. Изменение функциональных нагрузок в семье приводит к демократизации супружеских отношений. Современные психологи негативно оценивают последствия демократизации отношений в браке. Партнерские отношения между супругами приводят к сглаживанию ролевых различий в семье, пропадают эмоциональные стимулы для развития отношений, утрачивается стихия переживаний, которая и составляет экзистенциальную страстность жизни. Подобные изменения эмоционального климата в семье не коррелируют с русским православным сознанием, для которого характерна эмпатия, эмоциональная насыщенность супружеских отношений, вплоть до исступления чувств [13, с. 181].

Если в традиционном обществе вступление в брак было обязательным компонентом мужской идентичности, бездетность и бессемейность взрослых людей были свидетельством их недостаточной гражданской зрелости, неготовности ко многим общественным функциям, то в настоящее время нивелируется ценность брака, происходит ослабление мотивации к деторождению у мужчин. Поскольку мужчина традиционно оценивается по своим внесемейным достижениям, любые социальные неудачи, вроде потери работы, снижают его семейный статус и переживаются очень тяжело. Сверхсмертность, шок смертности, испытанный населением России в 1992–1995 гг. (особенно касавшийся мужского населения), действует до сих пор. Исследования пока-

зывают, что в сознании людей «вне брака» семья сохраняет значение одной из лидирующих ценностей, представляя идеал должного [11, с. 31]. Внебрачную рождаемость нельзя считать только российским феноменом. Высокая внебрачная рождаемость – признак стран, где секуляризация общества была наиболее глубокой. Так, в США только четверть внебрачных детей рождается в живущих в гражданском браке парах белых, у черного населения – 69% детей рождается вне брака и две трети живут с одним родителем. В Европе с 60-х годов число внебрачных детей возросло с 5–6% до 35–40% в настоящее время [7, с. 131].

Особенности историко-культурного развития России обусловили несоответствие многих сущностных черт российской ментальности европейскому самосознанию. Суровые природно-климатические условия, рисковая геополитическая среда, в которой протекала жизнь русского этноса, определили стратегию выживания, основанную на терпении, способности довольствоваться малым, солидарности и сострадании к ближнему, готовности к самопожертвованию и доверии государству, обеспечивающему социальную защиту. Позднее эти сущностные черты русского этноса были закреплены на ментальном уровне как установка национального сознания [17, с. 428]. Либеральные реформы 90-х годов, соответствующие иной ментальной доминанте, – приверженности ценностям индивидуальной свободы, которая обеспечивается правовым устройством социальной жизни и формирует в человеке рационализм, прагматизм, направленность к социальному и материальному преуспеванию – не соответствовали культурному коду России и усилили алкоголизацию страны, моральную допустимость абортов, размывание духовных основ общества, гедонизм, убеждение, что многодетность ведет к нищете, а отказ от рождения детей – к материальной обеспеченности, что в конечном итоге привело к срыву традиционных механизмов воспроизводства нации. В результате лихолетья перестройки и первых лет рыночных реформ рождаемость снизилась почти в 2 раза. После 2000 г. рождаемость начала расти, но вместе с ростом смертности. За период 1990–2005 гг. население страны сократилось на 4,191 млн. человек (2,8%). По мнению специалистов, 2009–2010 гг. – «точка невозврата», после которой наступят необратимые процессы, демографический коллапс [2, с. 68; 17, с. 314]. По прогнозам западных экспертов, население России к 2050 г. в случае сохранения нынешней тенденции может составить от 50 до 80 млн. человек [21, с. 37]. Для нашей страны с громадной и во многих местах неуклонно пустеющей территорией, это национальная катастрофа.

Сокращение численности населения – это тенденция, характерная для всех европейских стран, но о двух или даже трехкратной убыли там речи нет. Уровень рождаемости упал ниже уровня воспроизводства не только в странах с протестантской культурной традицией, но и в католических, и в странах

Востока (Япония) следующих западным образцам жизни. Католические страны, способные поддерживать традиционные нормы морали, не допускают всплеска рождения детей вне брака, но не в силах остановить общее падение рождаемости.

Семья разрушается, граждане репродуктивного возраста в качестве ценностных ориентиров предпочитают карьерный рост и материальное благополучие, часто отказываясь от детей и полноценной семейной жизни. По данным ВЦИОМ (Всероссийского центра изучения общественного мнения), среди главных жизненных целей мужчин и женщин семья и дети находятся на втором месте после материального благополучия [2, с. 63]. Кризис семьи проявляется в падении нравственно-этических норм и изменении устоявшихся представлений о семье, нестабильности браков, превращении в норму и росте числа неполных семей, снижении роли семьи в социализации детей.

Современная нуклеарная семья лишена экономических функций, ее социальная роль в XX в. практически свелась к репродуктивной функции, при этом и с этой функцией семья не справляется. Процесс планирования семьи приобретает все более рациональный характер. Если в 1991 г. среди вступающих в брак россиян не было ни одного, кто сделал выбор в пользу сознательной бездетности, то в 2000 г. 6% женщин и 3% невест, вступающих в первый брак, были ориентированы на бездетность [14, с. 117].

Нуклеарная семья распадается: растет число разводов, осуществляется переход от брака к сожительству и от деторождения в семье к деторождению вне семьи или бездетности. Сожительствующие пары заведомо не готовы к пожизненному партнерству. В России с началом либеральных реформ утрачивается ценность семьи: сегодня из 34 супружеских пар каждая десятая проживает без регистрации брака. В последние десятилетия число детей, рожденных вне брака, выросло в 3 раза по сравнению с началом 70-х годов [16, с. 121]. С 1995 г. количество детей, родившихся вне брака, возросло с 13 до 30 % – около 400 тыс. ежегодно. Еще 400 тыс. детей ежегодно остаются в неполных семьях в результате развода родителей [17, с. 428]. Государство вместо защиты полноценной семьи берет на себя функции отца, желающего избавиться от ответственности, связанной с семейными отношениями, и предоставляет средства на воспитание потомства в распавшихся семьях. Эта роль не может быть исполнена государством достойным образом, поскольку отцовство никогда не сводится только к материальному обеспечению семьи [10, с. 136]. Опыт Франции и Швеции показывает, что попытки государства проводить политику поощрения рождаемости за счет субсидий на каждого ребенка, длительного материнского отпуска на новорожденного оказались малопродуктивными. Подобная политика отнюдь не способствует восстановлению нормального типа семьи, ответственность за которую несет прежде всего мужчина. Демографическая политика государства не должна опираться

только на поддержку многодетных семей, которых очень мало. Главная задача – стимулировать граждан к рождению не только второго, но и третьего ребенка, причем там, где демографический кризис наиболее жесток – в русских областях. Что касается планирования семьи, т.е. отказа от рождения детей и поощрения абортов, то это пагубная практика, ведущая не только к уменьшению численности населения страны, но и к его нравственной деградации.

В соответствии с законом «духовно-демографической детерминации» существует прямая зависимость между нравственно-эмоциональным состоянием людей и ростом рождаемости [4, с. 52; 1, с. 12].

Как подчеркивалось выше, реформирование российского общества дезориентировало население в социальном пространстве, подорвало основной социальный механизм, посредством которого социальные ценности транслируются от поколения к поколению, – семью. Западные материально-потребительские и индивидуалистические стандарты вступили в противоречие с ценностями русской традиционной культуры, с ее цивилизационно-ценностным генетическим кодом, ввергли людей в мотивационно-смысловой хаос. Если деятельность западноевропейского человека целерациональна, направлена на получение результата, то в России преобладает ценностно-рациональная ориентация трудового этноса[1]. Ценностно-рациональный архетип целеполагания, характерный для русских, в ходе реформ вытеснялся западным целерациональным, направленным на материальные достижения.

Снижение регулятивной роли нравственного идеала, нарушения фундаментальных нравственных принципов (в силу их ключевой роли в функционировании общества) чреваты угрозой самому выживанию общества. Специалисты, изучающие причины наблюдаемой ныне устойчивой естественной депопуляции страны, на одно из первых мест ставят утрату людьми ценностных ориентиров в существующих непредсказуемых условиях, моральную дезорганизацию общества, что сказывается на репродуктивных установках людей [20, с. 126]. Известно, что в ходе модернизации восточных сообществ, где учитываются традиционные семейные ценности, нуклеарная семья остается стабильной, внебрачная рождаемость – минимальна.

Несмотря на необычайную витальность русского этноса, рост смертности, падение продолжительности жизни, резкое снижение доли здоровых людей среди молодежи, возвращение уже изжитых болезней – есть чисто

1. Ценностно-рациональный тип действий основан на «вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет, а целерациональное поведение имеет ярко выраженную направленность на расчет и выгоду (рациональное соотнесение "условий", "средств" и "целей")» [3].

биологические проявления саморазрушения [20, с. 129]. По уровню смертности Россия вошла в число пяти наиболее вымирающих стран. Нарастающая тенденция массовой заболеваемости приближается к уровню гражданской войны. По количеству самоубийств (один их самых точных показателей качества жизни и состояния общества) Россия вышла на первое место в мире, в то время как Российская империя была на одном из последних мест (около четырех самоубийств на 100 тыс. населения в конце XIX в. – один из самых низких показателей в Европе) [9, с. 37]. Половина населения страны нуждается в психиатрической помощи [6, с. 16].

Россия заплатила и продолжает платить слишком дорогую цену за переход от одной социально-экономической системы к другой. Проведение либеральных реформ без учета социокультурных аспектов человеческого потенциала – особенностей менталитета граждан, связанного с процессом социализации в определенных национальных, конфессиональных и социальных общностях – привело к высокому уровню аномии, падению нравов, низкому уровню общественной солидарности, изменению репродуктивных установок населения. Сверхнизкий уровень рождаемости обусловлен и социально-экономическими проблемами, которые уже не одно десятилетие сотрясают российское общество. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий. Среднее падение личного дохода на 10% влечет среди затронутого населения рост общей смертности на 1% и рост числа самоубийств на 3,7% [8, с. 126]. Россия уже давно занимает третью позицию по уровню самоубийств по классификации ВОЗ (высокий и очень высокий уровень самоубийств: свыше 20 человек на 100 тыс. населения) с показателем 39. Для сравнения: в конце XIX в. в России совершалось не более трех самоубийств на 100 тыс. человек [12, с. 13].

Многократный разрыв в доходах достаточно обеспеченных и бедных является источником постоянного социального напряжения и дезинтеграции общества. Низкий уровень жизни, отсутствие гарантий, утрата уверенности в завтрашнем дне и страх за будущее своих детей рождаемость не стимулирует.

Сегодня уже около половины населения страны хотели бы уехать из России с разными целями, причем в группе до 30 лет доля таковых еще больше. Навсегда хотели бы уехать 13% россиян. Это в 2 раза больше, чем десять лет назад. Еще 35% хотели бы уехать на заработки [5, с. 114]. Желание более трети всех работающих превратиться в гастарбайтеров – свидетельство неблагополучия нашего общества.

По данным социологических исследований, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн. человек, что составило 13,2% от общей численности населения, что,

даже по официальным данным, эквивалентно населению средней европейской страны. Объем потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстает не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. В 2008 г. (т.е. в период пика мировых цен на нефть) в России прожиточный минимум население оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,8% населения едва сводит концы с концами и их доходов не хватает даже на еду, еще 40,5% балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду. Более трети населения России живет за порогом или на грани бедности, а 7% находится в состоянии крайней бедности, глубокой нищеты. За годы реформ реальная заработная плата в России снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход – в 2 раза [18, с. 41–42]. Все это свидетельствует о том, что уровень жизни россиян «запасом прочности» не обладает [19, с. 88].

Оставляет желать лучшего и психологическое состояние русских, демонстрирующих наименьший репродуктивный потенциал по сравнению с другими этносами России. Это результат воздействия СМИ ельцинского периода, когда народу, выстрадавшему негативный опыт коммунистического эксперимента, навязывалась заниженная самооценка, принижались его исторические традиции.

Все же, несмотря на негативные тенденции в демографической сфере, в России по-прежнему сохраняется моральный авторитет брака перед внебрачным союзом. Две трети россиян вне зависимости от пола, возраста, уровня образования и материального положения демонстрируют ориентацию на официальный брак, и значительная доля населения хотят иметь двоих-троих детей [2, с. 68], т.е. пессимистические оценки и прогнозы ценностной динамики российского общества не имеют под собой социальной основы. Однако качественное ухудшение социально-демографического потенциала в России за годы реформ вело к снижению жизнеспособности общества. Редуцированные репродуктивные установки части молодых россиян подтверждают пессимистические прогнозы относительно демографического будущего России. Необходима эффективная семейно-демографическая политика, направленная на возрождение семейных ценностей, повышение социального статуса и престижа многодетной семьи, формирование у молодежи репродуктивных установок и условий для их реализации. Социокультурные традиции высокой значимости семьи и детей в России позволяют надеяться на преодоление демографического кризиса в стране.

Литература

1. Багдасарян В.Э. К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов. – М., 2006.

2. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян. – Социологические исследования. – 2006, № 11.

3. Вебер М. Основные социологические понятия. – М., 1996.

4. Гундаров И.А. Духовные причины демографических процессов / Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2007.

5. Двадцать лет реформ глазами россиян. (Опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад Института социологии РАН. – Полис, 2012. – № 12.

6. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / ОНиС. – 2005, № 3.

7. Каримова З.Х. Жизненные ценности одиноких матерей. Социологические исследования. – 2007, № 6.

8. Кара-Мурза С. Интеллигенция на пепелище России. – М., 1997.

9. Кокшаров Н.В. Культура и этничность. – СПб., 1998.

10. Кон И. Зачем нужны отцы? – Звезда, 2006. – № 12.

11. Маховская О. Ироничная психология, или Психологи тоже женщины. – М.; СПб.; Киев, 2007.

12. Маякова Л. Кризис как прививка от суицида. – Независимая газета. – 2010. – 10 марта.

13. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. – М., 2004.

14. Панкратова В. Социальный и биологический аспекты родительства. – СоцИс, 2006, № 10.

15. Рабжаева М.В. Семейная политика России XX в.: Историко-социальный аспект. – ОНиС-32, 2004.

16. Российский статистический ежегодник. – М., 2001.

17. Савельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология. – М., 2007.

18. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества. (К 20-летию экономических реформ). – СоцИс, 2012, № 1.

19. Тихонов А.А. Обладает ли «запасом прочности» уровень жизни россиян? – СоцИс, 2007, № 1.

20. Шишкин М.А. Биологическая эволюция и природа нравственности / ОНиС. – 2004, № 2.

21. Янов А.А. Россия против России: Итоги XX века. – Вестник МГУ, сер. 12. Социально-политические исследования. – М., 2003, № 1.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.А. Ковалёв

В ОЖИДАНИИ НОВОГО ФРАНКЕНШТЕЙНА (О «ТРАНСГУМАНИЗМЕ», NBIC–КОНВЕРГЕНЦИИ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОМ МИРЕ)*

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета.

Я вижу гибель мира… И чувствую, смертельный холод опускается на землю. И вижу, люди воплощают свои фантазии в плененную материю. И вижу, люди создают существ, зародившихся в их воображении. И вижу, люди плодятся без помощи женщин. И вижу чудовищ, пресмыкающихся пред своими создателями и восстающих против них.

(Теодор Рошак. Воспоминания Элизабет Франкенштейн).

Настоящее и будущее порой соединяются совершенно невероятными предположениями и гипотезами. Полет фантазии способен выполнять важную роль в прогнозировании будущего и в движении к нему по более безопасной траектории. Это обусловлено тем, что научная фантастика, как бы скептически ни относиться к ней, является неплохим – дешевым и более распространенным – способом проигрывания сценариев будущего, нежели расчет заведомо неполных моделей, использование метода Делфи, форсайты, имитационно игровое моделирование и другие средства футурологии[1].

** Статья отражает результаты работы по проекту «Социальные последствия конвергенции технологий: Междисциплинарный анализ, этические и политико-правовые проблемы», осуществляемому при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ 11-03-00512а).*

1. О средствах предвидения будущего см.: Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-РЭНД. – М.: 2009. – С. 19–29.

В этих сценариях автора прежде всего интересовали политические перспективы внедрения новых технологий, например в аспекте конвергенции нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий (NBIC-конвергенции). Реализация научных идей в каждом из этих направлений, даже без учета явно фантастических сценариев далекого будущего, может быть очень опасным делом. Однако при конвергенции, взаимном усилении технологий NBIC – опасность уже в ближайшей перспективе может стать запредельной.

После тоталитарных экспериментов XX столетия и ввиду новых беспрецедентных угроз старые проблемы философии, политического, социального и биологического в человеке переосмысливаются по-новому. Перед лицом новых угроз и опасностей человек может оказаться беззащитным в его «голой жизни». Джон Агенбен пишет о «новом пространстве исследований, лежащем за пределами границ, определяемых пересечением политики и философии, медико-биологических наук и юриспруденции». Но, продолжает он, «прежде необходимо понять, каким же образом эти дисциплины расчистили путь для осуществления того, что мы называем голой жизнью, и почему их историческое развитие подвело к беспрецедентной биологической катастрофе, которую они сами абсолютно неспособны осмыслить» [2, с. 239].

Сейчас конвергируются между собой не только технологии и научные достижения, но и различные типы кризисов. В условиях всесторонней трансформации общества и – еще шире – в условиях глобализации и в ее рамках развернулась яростная схватка за будущее. Борьба идет за неограниченную власть, за глобальное влияние в СМИ и более того – за будущее человеческого рода. Подчеркиваю: с участием фантастики, футурологии и тех сценариев, которые проигрываются в этой гиперреальности.

Некоторые из сценариев привлекают особое внимание. Как уже указывалось, это социально-политические последствия новых технологий и политических искушений, перспектив и возможностей, возникающих как «справа», так и «слева» для новой версии Сверхчеловека и выхода на арену той или иной версии Искусственного Интеллекта. Но возможно, что этого «дивного нового мира» так никогда и не будет – катастрофа произойдет раньше.

Возможен ли технологический выход из тупика постдемократии?

Когда автор работал над этой статьей, на его рабочем столе лежало немало книг; среди них рядом оказались две: «Постдемократия» Колина Крауча [11, 2010] и «Наше постчеловеческое будущее» Фрэнсиса Фукуямы [20, 2004]. Случайно и / или неслучайно, но реальность «постдемократии» и перспективы «постчеловеческого общества» соединены более тесным образом, нежели просто соседство разных томов.

Разговоры о «кризисе демократии» давно стали общим местом; в развитых странах наблюдается существенное сокращение именно массового участия, «власти народа», когда сами демократические институты становятся во многом декорацией, без которой, однако, невозможно представить современный политический спектакль. К. Крауч назвал такое состояние «постдемократией» и связал его с переходом к «постиндустриальному» обществу, с существенной трансформацией прежних состояний. Он пишет: «Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно так же постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров, и стремящимся получить от них привилегии» [10, 2010, с. 9]. И дальше: «В развитых странах демократические институты сохраняются уже во многом благодаря инерции предшествующего периода, но “представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов”» [Крауч, 2010, с. 19]. Для произвола глобальных финансовых учреждений и ТНК, делящих мир, остается все меньше сдержек и на самом Западе, не говоря уже о мировой периферии и полупериферии.

Ситуация в России выглядит еще хуже. Многочисленные критики российской политики, справедливо указывая на авторитарные тенденции, отсутствие альтернативных выборов, коррупцию и т.п., часто сопоставляют российский политический режим с западными политиями, полагая последние неким эталоном, какой-то демократической константой. О западных политиях сказано выше. Россия же в очередной раз оказывается «слабым звеном» перед лицом новых глобальных политических угроз (как это уже было с волной революционного коммунизма) и острее реагирует на глобальные тенденции к олигархизации власти. Это происходит как в силу отсутствия соответствующего «задела», неразвитости политических институтов демократии, так и из-за несовершенства манипулятивных техник власти, побуждающих порой прибегать к грубому нажиму «отоваривать дубинкой по башке», как изящно выразился премьер-президент.

Политические тенденции в мире все опаснее, а в России политическая жизнь, кажется, остановилась. Авторитарная олигархически-чиновничья диктатура, установившаяся в стране на неопределенный срок, субъективно воспринимается как «вечная». Для многих смертных она таковой и является.

Многие прячут голову в песок – благо способов это сделать нынешняя медиаситуация предоставляет предостаточно – на любой вкус. Виртуальная активность переходит в онлайн, офлайн в очень незначительной степени. Может быть, политическое поведение нового поколения будет иным, но нынешние взрослые все играют-не-наиграются и прячутся-не-напрячутся от своего экзистенциального испуга, последствий «шока» в «лихие девяностые», сублимируемого верой в начальство.

Для сторонников демократии и приверженцев политической свободы ситуация выглядит тупиковой и почти безнадежной. Социально-политические проблемы накладываются на технологические угрозы, и становится страшно. (Получается, как в старом анекдоте о двух выходах из безвыходной ситуации, реальном и фантастическом: реальном – если нам помогут инопланетяне, а фантастическом – если мы справимся сами.) В условиях политического застоя сильнее дает о себе знать надежда на «инопланетян», т.е. на некие технологические решения и научные открытия, которые будут способны опрокинуть сложившийся властный баланс, дать людям надежду на что-то новое. Или привести их к еще большей несвободе.

Разумеется, с новыми технологиями могут быть связаны и надежды на дальнейшую серьезную демократизацию. Еще Э. Тоффлер рассуждал о перспективах электронного голосования и расширении с его помощью участия граждан в принятии решений [см.: 17]. Но для этого нужно согласие государства и общества на такой эксперимент. Данные голосования могут подделываться и в электронной форме, опыт с кабинками показал, что это даже удобнее. Конфузом закончился проект «электронного правительства» в РФ и регионах, не стоит ожидать наступления «свободы слова» с ростом числа телеканалов – бюрократия, освобожденная от политического контроля общества, не хочет облегчать жизнь зависимым от нее людям.

Нынешними российскими «политическими учеными» демократия сводится к регулярному голосованию за представителей элиты, т.е. понимается «минималистски» [23], а политика несправедливо рассматривается как относительно автономная от экономики и технологий сфера. Если бы это было так, то и в мире, и в России в этом своем качестве она развивались бы совсем по-другому. Можно ожидать, что импульс к изменениям придет извне. Не исключено, что от возможностей новых технологий. Старая идея «исторического материализма» о «диалектике производительных сил и производственных отношений» не так уж и неверна. Хотя ее прямолинейное истолкование может привести к новым ошибкам.

Так, многие люди уже сейчас ищут свободы в Интернете – техника дает новые горизонты политической свободы. Говорят даже о «партии Интерне-

та»[2]. Таким образом, реализуется мысль, что в информационном обществе в отличие от индустриального главной формой протеста будут уже не забастовки промышленных рабочих, организованные профсоюзами, а активность свободных «юзеров», сбивающихся в социальные сети. Если сложившийся баланс не в чью-то пользу, то, следовательно, надо стремиться к разрушению этого баланса, хотя бы и под лозунгами «Больше технологий!», «Даешь трансчеловека!», «Переходим в виртуальную реальность» и т.д. В этом есть рациональное зерно, но автоматически подобная тенденция не реализуется.

Небольшая ремарка. Используя новые технологии, можно оставить позади старые противоречия, не разрешая их напрямую. Поклонники НТР любят приводить пример того, как в XIX в. власти крупных городов были озабочены уборкой конского навоза в связи с использованием гужевого транспорта, а потом появились автомобили, и проблема решилась сама собой. Конечно, образовались пробки на дорогах, но это уже другая история. Однако ситуация может развиваться и по-другому. Например, для России очень долго стояла проблема относительного аграрного перенаселения. Землю делили, за нее дрались, проводили неудачные реформы, революционеры использовали лозунг «Земля – крестьянам», чтобы захватить власть, потом устраивали людоедскую коллективизацию и голодомор, обещали солдатам на фронте, что колхозы после войны распустят и многое другое. Что же в итоге? Миллионы гектаров сельхозугодий сейчас стремительно выводятся из оборота, заброшены и зарастают. Если не брать борьбу за дачные участки вокруг городов, то эти миллионы гектаров никому в России не нужны, некогда перенаселенные деревни вымерли. «Аграрный вопрос» потерял в России свою сверхактуальность, но при этом проблемы продовольственной безопасности страны так и не решены до сих пор. Такого рода проблемы остаются. В «тылу» они мешают двигаться дальше. Миражи «постиндустриального» общества с нерешенными проблемами общества индустриального – из того же ряда.

Вернемся к новым технологиям. В польско-японском фильме «Авалон» рассказывается о компьютерной игре, когда игрок полностью погружается в виртуальную реальность. Но при возвращении из виртуальности людей ожидают горы мусора, дребезжащие трамваи, обшарпанные стены, дефицит продуктов и прочие признаки социальной и экономической деградации. Уповать на чисто технологические решения без «подтягивания» институтов общества весьма недальновидно.

Опасность здесь состоит не только в рисках, связанных с самими технологиями и их необдуманным применением, но и в явной недооценке со-

2. О противопоставлении «партии Интернета» и «партии телевизора» см.: В. Ковалёв. Правда ли, что в России только две партии? // Slon.ru 03.02.11. – http://slon.ru/ blogs/vkovalev/post/526495/

циальных последствий технологических революций. Границы и направленность применения технологий напрямую зависят от характера социума и политической власти. Так, в нынешней России сейчас имеем уровень и качество жизни намного ниже и хуже, чем они могли бы быть с учетом современных технологических возможностей. Коренная ошибка всякого рода футурологов в том, что они переоценивают техническую и недооценивают социально-политическую составляющую происходящих процессов. Наша убогая жизнь – это не недостаток технических решений для строительства и ремонта коммуникаций, а вектор расходов в интересах элиты. Ни одна экономика не смогла бы нормально адаптироваться к бесконечному воровству, строительству все новых резиденций для «элиты», огромной дани Кавказу и гигантомании в Сочи, на острове Русский и т.д. Технологии организации обслуживания (наиболее близкий людям пример – медобслуживание) тоже блокируются безответственной бюрократией. Поэтому смешно читать об электронном правительстве и чудо-возможностях современной медицины применительно к российскому контексту. Дело даже не в отсутствии денег, а в том, что всевластие бюрократии и всепроникающее мздоимство легко превращают в труднопреодолимое препятствие получение справок или попадание на прием в поликлинику. Этот разрыв между новыми техническими возможностями и диким отставанием в социальных технологиях служит хорошим предостережением тем, кто уповает на развитие науки и техники, которые якобы в состоянии сами по себе решить социально-политические проблемы.

При этом можно относиться к трансгуманизму (утверждающему, что биологическая эволюция человека не завершена и человека надо всячески совершенствовать) и шире, а к технократическим мечтаниям энтузиастов как к секте – но некую важную функцию они выполняют: напоминают о роли науки и техники в стране, где демодернизация идет по всему фронту. К примеру, состояние с нашим транспортом постепенно ухудшается (самолеты падают, пробки, поезда еле тащатся и т.д.), но однажды советская инфраструктура порвется сразу во многих местах, последует необратимый кувырок в колодец времени, на самое дно. П. Сорокин в свое время писал, что однонаправленного развития не существует, а есть лишь факторы колебаний – их и нужно изучать, не уповая на постоянное однонаправленное движение [16, с. 297–426]. Нас в любом случае ожидает новый виток *хождения по мукам*, но что будет потом? Сможем ли мы обновиться или канем в пучину эволюции безвозвратно?

Нобелевский лауреат по экономике, знаменитый институционалист Дуглас Норт утверждает: «В случае подлинно нового явления мы сталкиваемся с неопределенностью, последствия которой нам просто неизвестны. И в этом случае вероятность успешного снижения неопределенности зависит лишь от удачи, а игроки будут действовать исходя из иррациональных убеж-

дений. И действительно, иррациональные убеждения играют большую роль в социальных изменениях» [13, с. 39]. А что такое эти «иррациональные убеждения», особенно когда общество и отдельные люди решительно не готовы к стремительно наступающим переменам, если культурное наследие неадекватно «шоку будущего» – что будут делать люди? «Если соответствующее наследие отсутствует, они могут отвечать неподходящим образом или передавать проблему на суд магии и / или аналогичным иррациональным методикам» [там же, с. 35].

Таким образом, прошлое и будущее, наука и магия, «твердая» научная фантастика и фэнтези смыкаются перед лицом огромной будущей неопределенности. Тут убеждения, верования, идеологии и мифы людей становятся куда более весомым фактором направленности изменений, нежели рациональный расчет и научные планы.

«Левые» и «правые» искушения для «Сверхчеловека», или По ту сторону человеческого добра и зла

Вспомним известное выражение, что мертвый хватает живого и не дает ему нормально жить. И российский, и глобальный морок имеет сходные истоки. То, что давно изжило себя, продолжает существовать и не торопится уходить с исторической сцены, застилая глаза живых своей мертвой оболочкой. Но по поводу того, что «живое», а что «мертвое» – никакого единства наблюдаться не может. Кто-то скажет, что у нас это пресловутый «совок» оказывает свое воздействие на неблагоприятный ход либеральных реформ и мешает войти в цивилизованный мир. А представители другого идеологического окраса будут уверять, что это мир капитализма уже пережил себя (Ленин называл капитализм начала прошлого века «загнивающим и умирающим»). И теперь этот капитализм вместо того чтобы уйти, занимает «чужое» место и отравляет все вокруг своим трупным ядом, маскируясь парфюмом изощренной рекламы и отвлекая внимание посредством массмедиа. Самое интересное, что и те, и другие будут по-своему правы.

У нас человек советский (пресловутый «хомо советикус») как культурный и антропологический тип мешает становлению новой русской нации и навязывает нам взгляд своих «мертвых глаз»[3], что, в общем, укладывается в рамки интересов тех, кто эксплуатирует наши ресурсы в глобальных рамках. Советские авторитарные и бюрократические практики мешают экономической и политической модернизации РФ. В глобальном масштабе нынешний

3. Образ взят из романа Джорджио Фалетти «Нарисованная смерть (глаза не лгут никогда)», где героиня видит прошлые события глазами, пересаженными ей от погибшего человека.

миропорядок угрожает существованию человеческой цивилизации как таковой.

Что же делать? Ответы ищутся не только высоколобыми аналитиками и учеными, не только политиками и государственными мужами; следы этих поисков видны в деятельности ряда разнообразных общественных движений, всплески интеллектуальной активности такого рода без труда можно обнаружить и в произведениях масскультуры, разной степени таланта и бездарности.

Что, на наш взгляд, отличает сегодня эти поиски? Мы бы предположили, что центр тяжести все больше смещается от надежд на преобразование социального устройства, от социальных революций к надеждам на изменение (совершенствование) Природы человека. Характерно, что, скажем, российские трансгуманисты декларируют свою терпимость к разным идеологиям и само движение состоит из людей разных политических ориентаций – лишь бы это не противоречило целям движения и в будущем, например признавались права личности, существующей на другом материальном носителе, нежели человеческое тело. Причем, в этих упованиях будет сохраняться старое идеологическое размежевание, когда «правые» захотят укрепить и усилить старое «природное» неравенство, а «левые» будут мечтать о достижении всеобщего и более полного равенства.

Разумеется, коммунистическая идеология вновь оживает на новом этапе развития технологий и / или связывается с их ожидаемым внедрением. Ожидание «экономики изобилия» – это нечто коммунистическое; впрочем, к вооруженному восстанию и социальной революции нынешние коммунисты в большинстве своем уже не призывают. Расклад здесь выглядит довольно предсказуемо. Люди испытывают определенные (весьма сильные) чувства страха перед новыми социальными революциями (с их кровавыми и разрушительными последствиями) и разочарование от реформ. Опыт революций, прежде всего той, что была устроена в России, напугал очень многих. Несмотря на огромные жертвы и потоки крови, результат улучшения жизни получился довольно скромный. Например, советские научно-технические прорывы были куплены слишком дорогой ценой, а потом были обесценены и приватизированы по бросовым ценам. Поэтому хотя нынешнее состояние выглядит неудовлетворительным, на новые революционные эксперименты решиться трудно, да и нет для них предпосылок, прежде всего избытка народонаселения, революционного энтузиазма и одержимости какой-то новой великой идеей.

Вот тут-то сама ситуация приглашает на трибуну трансгуманистов. Если нельзя изменить мир посредством массовых социальных движений и социально-политических идей, то почему бы не сделать это в частном, так сказать, порядке, а потом уже тиражировать достигнутые успехи.

Этой новой утопией могут увлечься люди разных идеологических устремлений. Гиперреальность по ту сторону современного человека манит как «правых», так и «левых». Это могут быть, условно говоря, и нынешние либералы, и нынешние коммунисты. Духу либерализма идея прогресса человека и использования достижений науки никак не противоречит, хотя усыпительный энтузиазм Ф. Фукуямы о победе либерализма во всем мире и конце истории оказался несостоятельным [19, 1990]. Либерализму и либеральным государствам были брошены новые опасные вызовы, которые можно сдержать только при помощи научно-технического превосходства. Сдержать эти вызовы в условиях «демографического отступления» населения, так называемых развитых стран, можно лишь имея принципиально более совершенные технологии – не только военные, медийные, которые покупаются и заимствуются. Но, главным образом, биотехнологические – путем, например, выведения более совершенного «хьюмена», который способен победить более многочисленных, но менее совершенных конкурентов.

Любопытно, что Ф. Фукуяма, провозгласив победу либерализма (в связи с ослаблением и исчезновением идеологических альтернатив либерализму), тут же оказался участником нового идейного раскола – его записали в «биоконсерваторы». И он всячески оправдывает эту репутацию, утверждая, например, что «человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды *политических режимов* (курсив мой. – *В.К.*), и поэтому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либеральной демократии и самой природы политики» [20, с. 18–19]. Это следует из социобиологических посылок (одна из глав знаменитой книги Э.О. Уилсона посвящена социобиологии человека)[4]. Как считает С.А. Никольский, основная идея Уилсона заключается в том, что «у человека, включая его мораль, культуру, социальные институты, не может быть никаких проявлений, которые противоречили бы его биологической природе. Биологическая эволюция является фундаментом и сопутствующим процессом социальной и культурной эволюции» [12, с. 176].

Если учесть эти угрозы, то отношение к новым технологиям придает привычному лево-правому политическому континууму новое, «третье» измерение, делает этот раскол «стереоскопичным», а саму политику способно превратить в подобие трехмерных шахмат, описанных в одном из романов Олега Маркеева.

Традиционные «левые» и «правые» могут смыкаться против вмешательства в природу человека. Причем, можно достаточно уверенно предположить,

4. Глава «Человек: От социобиологии к социологии» в кн.: Уилсон Э.О. Социобиология: Новый синтез. Режим доступа: http://ethology.ru/library/?id=126

что «левых» в такой трансформации (трансгуманистической и иммортали-стской перспективе) будут пугать новые формы неравенства, а «правые» консерваторы будут апеллировать к религиозным ценностям.

В то же время и правые, и левые могут поддержать изменение природы человека. Для «левых» – это новый шанс вдохнуть жизнь (пусть и искусственную, так сказать, в «киборгизированную» коммунистическую утопию), ибо при существующей природе человека коммунизм, как оказалось, не построишь. Для «правых» (особенно таких «правых», которые заправляют мировой и отечественной политикой сегодня) – это способ закрепить и увеличить социальное неравенство, сделать его «вечным».

Можно сказать, что если «левые» надеются при помощи технологий, преобразующих природу человека, реализовать свой идеал равенства, противный нынешней человеческой природе, то «правые», консерваторы, или деятели, мечтающие об «археофутуризме» (Г. Фай), наоборот, хотят при помощи технических чудес навсегда покончить с ненавистным им эгалитаризмом.

Если биовласть народов третьего мира (и шире – «небелых») опирается на большее число рождений, молодость, помноженных на увеличивающуюся продолжительность жизни, то биовласть стареющего Запада придется сохранять, опираясь на современные лаборатории и новые прорывы НТР, связанные уже не с ядерной физикой и космосом, но с генетикой и нанотехнологиями. Все это соответствующим образом выливается в медийное пространство, где Запад тоже доминирует, создавая кумулятивный, «конвергентный» эффект в борьбе за мировое господство. Вполне возможно, что попытка перестраивания природы человека как раз и означает новый тип чрезвычайного положения, о котором Д. Агамбен пишет, как о «действии той машины, которая неуклонно ведет Запад к мировой гражданской войне» [3, с. 135].

В современных романах эти сценарии уже обыграны. Возьмем две российские антиутопии, которые на взгляд автора этих строк вышли наиболее удачными и являются прорывами отечественной фантастики последнего десятилетия. В «Последней башне Трои» Захара Оскотского Запад применяет против стран третьего мира, исламских государств и Китая генетическое оружие, дабы, лишив большинство возможности размножаться, иметь потомство, уравнять их численность, сделав ее сопоставимой со странами белого мира, повысить уровень жизни оставшихся, уничтожив лишние рты. В другом прорывном романе Кирилла Бенедиктова «Война за Асгард» предполагается, что Запад не будет сидеть и ждать, пока его задавят числом и органами размножения. С борьбой за «права человека» и демократическими институтами покончено, начинается так называемое «белое возрождение», а хозяева мира работают над проектом Стены, при помощи которой удалят лишние миллиарды из нашей реальности, совершив сдвиг во времени.

Таким образом, открывается политический путь «вправо», когда между классами, элитой и массами будет создана непреодолимая не только социальная, но и биологическая пропасть в области продолжительности жизни, способностей, здоровья и т.д. Корректируя природу (или Бога – как кому нравится), нынешняя олигархия закрепляет свое господствующее положение в новом «сверхобществе» на неопределенно долгий период времени. О свертывании демократии и переходе от национальных государств к новой реальности уже много пишут. В русскоязычном сегменте этих обсуждений (А.И. Фурсов) постоянно говорится о государстве-корпорации, о структурах орденского типа, о новой пропасти неравенства, которые идут на смену современному миру [22, с. 10–13]. Но без внедрения новых технологий, без использования их мировой элитой в своих интересах такой сдвиг невозможен.

Таким образом, сбывается мечта, ранее популяризированная в фантастических романах о сумасшедших ученых / богачах, становящихся властелинами мира с опорой на технику или сверхчеловеческие способности. Сейчас, скорее всего, на эту роль могут претендовать не экстравагантные богачи-одиночки, а гигантские ТНК, укрепляя и закрепляя свое могущество при помощи новых технологий. Кроме того, государства все больше превращаются в «корпорации», неподконтрольные своим гражданам. Какие возможности злоупотреблений и наслаждений властью открывает такая перспектива в «крайне правом» варианте даже страшно предположить. Во всяком случае, с демократической традицией и перспективами демократического транзита людям придется распроститься.

Прежде чем посмотреть на другую сторону политического спектра, укажем еще на одно интересное обстоятельство. В подобных сценариях (или даже просто в их обсуждении) заинтересован еще один игрок – технократы, часть научно-технического истеблишмента. Сценарию «власть ученых» пока не суждено было реализоваться. Плодами труда интеллектуалов пользуются другие. Технократические утопии – это, в том числе, и реакция на пределы политического (и другого) влияния экспертов, «яйцеголовых». Как пишет о несколько иной ситуации Д.В. Ефременко: «Даже в новой конфигурации пределы политического влияния науки выявились достаточно быстро. В этих условиях социальная коммуникация мегарисков, к появлению которых наука имела непосредственное отношение, явилась своеобразной компенсацией дефицита политического влияния, попыткой разрешить дилемму моральной ответственности научного сообщества за последствия научно-технической деятельности» [6, с. 255].

Некоторых ученых и часть истеблишмента позиция такой сделки не устраивает. Иные изобретатели не прочь были бы почувствовать себя в роли «властелина мира». Понятно, что сознательно или подспудно это ведет к раз-

витию и популяризации дискурса о постчеловечестве, о прорыве в новую реальность, где машины умнее людей, где доминируют сообщества киборгов и других нелюдей. В этих сообществах традиционные нормы власти уже не будут иметь значения, и наука, и техника, вернее те, кто будет распоряжаться ими, окажутся наверху пирамиды. Но сегодня в рамках такого рода прогнозов и фантазий «вес технократов» увеличивается благодаря соответствующему трансгуманистическому дискурсу о постчеловеческом будущем.

Аналоги этому имелись в прошлом. Можно вспомнить влияние «секретных физиков» в Советском Союзе, которые, по-видимому, обманули Хрущёва, и тот поверил в «термояд» и обещал советским людям коммунизм к 1980 г., и это обещание опиралось на надежды и мечты о неисчерпаемом источнике энергии, который дает термоядерный синтез [14, Программа КПСС]. Напомним, что в Программе КПСС 1961 г. одно из основных фантастических положений выглядело следующим образом. В области науки, среди прочих, ставились задачи: «Изучение энергетического и топливного баланса страны, изыскание путей наилучшего использования природных источников энергии, разработка научных основ единой энергетической системы, открытие новых источников энергии и способы преобразования тепловой, ядерной, солнечной и химической энергии в электрическую, решение проблемы управления термоядерными реакциями» [14, с. 293]. Энергетическое волшебство было залогом социальных чудес, но коммунизма страна не построила, ограничившись ролью «энергетической империи» без всякого термояда.

В той же Программе КПСС фигурировал тезис о «новом человеке», который бы соответствовал коммунистическим идеалам. Старый человеческий материал для них решительно не подходил. Сначала эту проблему хотели решить радикально и быстро, уничтожив враждебные идеалам «нового мира» человеческие организмы и «перековав» остальных. Но этого не получалось почему-то. Развернули программу коммунистического воспитания – без особого успеха. Как только идеологический пресс ослабел, закончились и эксперименты с воспитанием нового человека. Но прагматичные комуправленцы пытались действовать и по-другому. Не через воспитание, а через биотехнологии. И такие опыты были, если вспомнить, к примеру, сухумские опыты доктора Иванова и его сына, которые через скрещивание обезьяны и человека пытались вывести красного Франкенштейна – идеального солдата и работника для покорения мира коммунистическим интернационалом [см.: 24].

В выступлениях людей, ратующих за новые технологии, прямо говорится о вмешательстве в мозг и наследственность человека с целью его улучшения – но в какую сторону и в чьих интересах? Взять, например, лекционные видеокурсы активных руководителей Российского трансгуманистического движения (РТД) Данилы Медведева и Валерии Прайд (подготовлены для Современного гуманитарного университета). Проблемы социальных и личных

патологий предлагается решать простым путем – произвести биологическое или механическое улучшение уже живущих людей, а следующим поколениям улучшить набор генов. Спрашивается, а что будет, если «ремонт» генетического набора будет осуществляться не для улучшения человека, а для его безусловного подчинения?

Биополитика, «преодоление человека» и штрихи к «трансгуманистической политологии»

Рассмотрим пристальнее феномен трансгуманизма. Согласно популярному определению, трансгуманизм – философское течение, в основе которого лежит предположение, что человек не является последним звеном эволюции, а значит, может совершенствоваться и далее (возможно – до бесконечности). Последователи движения утверждают, что можно и нужно ликвидировать старение и смерть; значительно повысить умственные и физические возможности человека; изучать достижения, перспективы и потенциальные опасности использования науки, технологий, творчества и других способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей.

Ширящееся трансгуманистическое движение предполагает решительное совершенствование природы человека. Речь может идти: 1) о собственно биологической природе через пересадку органов, клонирование и т.д.; 2) о слиянии элементов или всего человеческого тела с механизмами и электроникой (киборгизация); 3) об освобождении человека от телесной и материальной оболочки при сохранении его сознания, к примеру в электронных сетях – так сказать, превращении в бесплотного и всемогущего духа. На эту тему существует большое количество материалов, как в Сети, так и на бумаге[5].

Проблематика «трансгуманизма» популяризируется и в массовых изданиях, несмотря на то что в постсоветские годы «научпоп» не пользуется значительной популярностью [см.: 10, 2012].

На трансгуманистической эмблеме можно видеть человека с крыльями, как символ необратимости прогресса. Ничто не ново под Луной. Еще английский фантаст Олаф Стэплдон в популярном в межвоенный период романе «Последние и первые люди» обозревал будущее человечества на миллионы лет вперед и выделял там эпоху крылатых людей, базировавшихся, кажется, на Венере.

Не касаясь всех подробностей идеологии и движения трансгуманистов, попробуем все же изложить один из аспектов, который придает этому тече-

5. См., напр.: Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Под ред. Валерии Прайд, Андрея Коротаева. – М., 2008 (см. также многочисленные интернет-материалы подобного рода).

нию рациональное зерно. Оно касается споров между теми, кто утверждает, что биологический прогресс человека закончен, и теми, кто это отрицает. Но ведь проблема шире – речь может идти не только о биологическом прогрессе, регулируемом механизмами естественного отбора, но и биологическом регрессе, порче природы человека, в силу того, что механизмы естественного отбора не работают. Это увеличивает в рядах человечества количества людей с биологическими отклонениями, которые могут быть крайне опасны в социальном плане.

В прошлом забота о выведении здоровой человеческой породы порождала евгеническое движение и, к примеру, приводила к стерилизации людей с отклонениями. В Третьем рейхе они просто уничтожались. Потом евгеника попала под подозрения в ненаучности и была свернута.

В какой-то степени эти опасения присутствуют и сейчас. Была, например, поднята проблема генетической дискриминации. Но есть и голоса в пользу неоевгеники – какого-нибудь «генетического социализма» с отбраковкой негодного генетического материала. С точки зрения Ж.-П. Дюпюи, конвергентные технологии должны радикально преобразить мир, в котором мы живем. Итогом их развития, на его взгляд, может стать превращение человечества в единый глобальный разум, способный как на лучшее, так и на худшее. Относится ли дискурс трансгуманизма к области научного предвидения или скорее к сфере научной фантастики? В современной России трансгуманисты похожи, скорее, на мало известную секту и часто воспринимаются так, даже многими из тех, кто о них слышал. Слишком силен контраст между тем, что окружает большинство россиян в действительности, и рассказами о суперкомпьютерах, чудесных биологических технологиях и т.д. Когда трубы ржавеют и лопаются и приходится ходить и ездить по выщербленному асфальту, как-то не верится в будущие успехи НТП. Есть и ментальный разрыв. В 1960-е годы сознание значительной части молодежи, да и общества в целом, было захвачено перспективами НТР. Сейчас эти «перспективы» больше связываются с грандиозными аферами, например со сколковским «РосПилом». Поверить в то, что «Савлы», т.е. ограбившие страну чиновники и олигархи, стали «Павлами», заботящимися о ее модернизации, как-то не удается. А «нанотехнологии» и так уже присутствуют в нашей жизни – «наномойки» на заправках, например. (Но, может быть, парадоксальным образом, это и к лучшему, когда увод миллиардных сумм не дает создать по-настоящему опасные наноизделия?)

Масштабная демодернизация России в 1990-е годы породила соответствующие настроения населения относительно будущего. Веры в то, что будет лучше, у многих нет никакой – слишком часто обманывали. Обыватели просто хотят, чтобы ничего значительно не менялось к худшему. И поэтому идея о бесконечном прогрессе вряд ли найдет широкое понимание в условиях

российского неозастоя. Однако некоторые энтузиасты находятся, и свои упования они связывают с успехами науки и техники. Своих оппонентов трансгуманисты обвиняют в иррациональности, невежестве, косности, догматизме и страхе перед прогрессом и инновациями. Отчасти они правы в силу указанных выше общественно-политических обстоятельств.

Автору трансгуманистические идеи видятся утопичными и довольно иррациональными. И здесь как раз очень кстати оказывается научная фантастика, представившая на суд читателей немало вариантов антиутопий, которые дают некоторое представление о том, к чему может привести излишний энтузиазм по поводу новых технологий. К сожалению, в России эти вопросы сейчас должным образом не исследуются. Отчасти из-за общей деградации научного знания, отчасти в силу социально-политических условий, во многом из-за пресловутой «политкорректности». При постановке этих проблем нам пока приходится повторять чужие повестки и следовать за чужими дискуссиями – этой «импортной» информации сейчас в избытке.

Подчас политические аспекты новых технологий подаются как нечто безобидное, вроде лечения заболеваний и некоторых органических улучшений. В таком духе, например, была выдержана недавняя лекция Р. Бэйли. Он сказал: «Может быть, вы говорите, что есть люди, у которых гены обеспечивают им некое преимущество перед другими людьми, в том числе и в политике? …Политическое равенство обязывает меня относиться к вам с правовой точки зрения, как и к любому другому, вне зависимости от генов, это правило появилось только в XX веке, его раньше не было. То есть гены могут означать разнообразие, а разнообразие – это и есть неравенство, но ведь мы все разные, мы выглядим по-разному, у нас у каждого свои таланты, у одного есть, а у другого – нет, это факт жизни. И эти технологии не обязательно усилят это неравенство, и даже если они усилят это неравенство, но при этом все люди будут признавать принцип политического равенства как философскую концепцию, тогда будет совершенно неважно, насколько мы все разнообразны, мы все равно будем справедливым и равным человеческим обществом, т.е. ментальность в генах не живет, мы не можем изменить свои гены и стать более справедливыми, мы становимся справедливыми, потому что вокруг нас есть справедливость, потому что мы сами развиваем себя» [5].

Однако это слишком поверхностный взгляд на проблему. Еще Мишель Фуко утверждал, что механизмы власти обращены на тело, на жизнь, на то, что заставляет ее размножаться, на то, что усиливает род, его мощь, его способность господствовать или быть в подчинении. О контроле посредством тела говорит и один из культовых героев противостояния современной глобальной «матрице» Д. Ассанж: «Какими бы изощренными технологиями мы себя ни окружали, наше тело останется тем же: уязвимым и чувствующим

боль. Соответственно, оно может быть превращено в весьма эффективный инструмент контроля» [4, с. 45].

Правители продолжают оперировать телами подданных для укрепления власти над ними. И это касается не только прошлых эпох. Показ по телевизору кадров с жертвами терактов выполняет схожую функцию с показом публичных казней на площадях. Площадная толпа или массовая телеаудитория радуется тому, что жертвами стали не они и испытывают подобие благодарности к «верхам», соглашаясь на отчуждение в их пользу еще большей части своей свободы.

Джорджо Агамбен еще в «Грядущем сообществе» утверждал: «Тело теперь – это не некое тело вообще, но уже и не индивидуальное тело, это не божественный образ, но и не форма живого – тело стало теперь воистину любым» [1, с. 50]. Это любое тело с вживленными чипами и искусственными приспособлениями становится при желании властей еще более удобным объектом для манипуляций, нежели телезависимая толпа. Представьте, что картинки и смыслы, выгодные правящей партии, можно передавать прямо в мозг, без всякой возможности для реципиента отключить надоедливую трансляцию. Новые формы контроля над поведением и сознанием, новое оружие, угрозы новых эпидемий и т.д. – все это при тенденциях современной политики становится более вероятным, чем образ рая, изобилия и сверхчеловеческих возможностей, которые рисуют энтузиасты трансгуманизма и т.п.

Каково же оно – постчеловеческое будущее?

К произведениям художественной литературы, где поднимаются темы постчеловеческого будущего, относятся, скажем, произведения старой научной фантастики (НФ): Айзека Азимова («Я – робот»), Артура Кларка («Конец детства»), Станислава Лема («Кибериада»). Это уже классика. Но есть и более поздние вещи, преимущественно относящиеся к такому направлению, как «киберпанк»: это «Нейромант» У. Гибсона, «Схизматрица» Б. Стерлинга, «Падшие ангелы мультверсума» Л. Алехина, «Мечтают ли андроиды об электрических овцах» Ф.К. Дика (есть известная экранизация «Бегущий по лезвию бритвы»), «Вакуумные цветы» М. Суэнвика и др.

На наш читательский вкус, выдающимися художественными достоинствами эти поздние тексты не обладают. Здесь господствует старая традиция НФ, когда замысел, научная или социальная идея доминируют над литературным воплощением. Читать все эти романы довольно тяжело и неприятно. Если относиться к описанному серьезно, то устаешь от бесконечного насилия, нечеловеческой (буквально) жестокости, всемогущества сверхтехнологических диктатур и отчаяния при сопротивлении одиночек, описания враждебных человеку форм жизни и проявления чужого разума, несчастливых (в

человеческом понимании) и безблагодатных миров, охватывающих огромные временны́е периоды и захватившие значительные области Космоса. Будущее Земли также описывается таким образом, что там может понравиться только тем, кто хочет жить в аду.

Кинематограф также бросился осваивать этот прекрасный новый мир. Например, был экранизирован рассказ Гибсона «Джонни-мнемоник», а снявшийся там Киану Ривз потом прославился на весь мир, сыграв главную роль в знаменитой «Матрице». Фильм братьев Вачовски (особенно первая часть) вообще стал культовым. Философские проблемы и библейские аллюзии, социальные прогнозы и эстетические вызовы заставили спорить об этой ленте высоколобых интеллектуалов. Многие зарубежные и даже отечественные философы посвятили ей свои работы – возник как бы отдельный раздел в философской библиотеке «Философия “Матрицы”».

Можно напомнить о таких фильмах, как «Фонтан», «Экзистенция», «Темный город», «Авалон», «Особое мнение», «Вечное сияние чистого разума», «Гаттака», аниме «Ренессанс» и «Паприка» и ряд других. Впечатления довольно мрачные и тягостные. Не хотелось бы жить в таком будущем!

В общем-то большинство читателей и комментаторов справедливо восприняли эту грядущую гиперреальность, как вариант антиутопии, сценарий, которого нужно избежать. Что отражает разливы общего пессимизма по поводу будущего. Если кто-то смотрел американскую «Матрицу» уже взрослым, то он легко может вспомнить советскую детскую фантастику, книги и экранизацию Е. Велтистова, где мальчик-робот Электроник и его собака Рэкси поданы сугубо положительно, с оптимизмом и большой симпатией. Того радостного восприятия НТР сейчас нет и в помине; ныне, в основном, описание этих тем становится неизбежной «чернухой». Кто-то не боится, кто-то воспринимает наступление прекрасного нового мира как нечто неизбежное. Так должно быть чувствовали себя неандертальцы, вытесняемые кроманьонцами.

Опасность со стороны машин – это старый сюжет фантастики («Восстание машин» В. Брюсова), но новые технологии придают этой угрозе новую актуальность. Типичный пример, когда в фильме «Компаньон» дамочка, сочиняющая сентиментальные романы, после измены мужа покупает себе робота, которого не отличишь от человека, и сожительствует с ним. Тот после перепрограммирования из идеального мужчины превращается в монстра. Таких примеров масса, и они даже грозят самосбывающимся пророчеством. Разумеется, будут развиты соответствующие технологии. Например, появится суперкомпьютер, равный по сложности человеческому мозгу. Или человек встретится (активирует) зловещий разум, который готов полностью уничтожить или полностью поработить род людской.

Вот, что происходит с существами, обитающими в реальности, которая отличается от привычной в нашем мире: «*Они просто созрели в среде, где информация не пропадала, если только кто-нибудь этого сознательно не хотел, где смерть и разрушение были обратимы. Где волшебная палочка действовала, а галлюцинации жили своей жизнью и были опасны. Реальная вселенная играла по другим правилам – по тем, от которых в ужасе удрали их предки*» (Чарльз Стросс «Небо сингулярности»).

Отдадим себе отчет: те дискуссии по поводу человеческого и постчеловеческого будущего, которые сейчас ведутся среди ученых разных специальностей – от гуманитариев до технарей – уже были неоднократно проиграны в произведениях писателей-фантастов. Особенно зловещее будущее обещает нам (или предупреждает против него) киберпанк, который мы уже неоднократно упоминали. А в чем суть данного направления в фантастике?

Наиболее точную, если не исчерпывающую, характеристику киберпанка дал один из классиков этого направления Брюс Стерлинг: «Почти все, что мы делаем с крысами, можно проделать с человеком. А с крысами мы можем делать многое. Об этом нелегко думать, но это правда. Она не исчезнет, если мы закроем глаза. Это и есть киберпанк» [цит. по: Р. Сабиров, 2005][6].

Но почему же с человеком можно проделывать то, что делают экспериментаторы с подопытными крысами? По многим причинам, но прежде всего потому, что одни существа (уже не люди) относятся к другим как к лабораторным животным, превосходя их интеллектом, операционными возможностями и не ощущая никакой родовой близости. Это – постчеловеческая психология, и она будет диктовать постчеловеческую политику.

Будут ли киборги, химеры и другие для традиционного (нынешнего) человека – «партнерскими видами» или же воспримут хомо сапиенсов как врагов (вариант: как недостаточно совершенные образования, подлежащие ликвидации)?

Перспективы «трансгуманизма», будь они реализованы, изменят нечто важное в сердцевине человеческой культуры, которая привязана («намертво»?) к человеческой природе. «Новые радикальные теоретические тенденции логически развивают основной тезис философии Фридриха Ницше, где поставлена проблема преодоления человеческого, как якобы “несовершенного” и перехода к сверхчеловеческому, т.е. нечеловеческому, как верному пути эволюции современной цивилизации. Совершить прыжок к не-человеческому можно было лишь путем преодоления утвердившейся традиции сократической культуры, нацеленной на бессмертие человека, его совершенствования через развитие способности творчества… Однако, независимо от того, имеет

6. Сабиров Р. Танцы на виртуальных столах // Режим доступа: http://punk.ru/old/articles/idea/cyberpunk.shtml

ли идея бессмертия реальный физический эквивалент или не имеет такового, она оказывает влияние на выработку человеком правильной в цивилизационном смысле траектории своей жизни» [15, с. 8].

Главная опасность, на наш взгляд, связана с тем, что элиты приобретут, улучшая себя разными способами, практически сверхчеловеческие способности, тогда как массы останутся на прежнем, «слишком человеческом» уровне или даже станут утрачивать его.

Авторы, изучающие NBIC-конвергенции, допускают иной вариант развития. «Следствием NBIC-конвергенции, по их мнению, может стать технологическое преобразование человечества в единый глобальный разум, способный как на лучшее, так и на худшее. NBIC-конвергенция при таком понимании приведет к почти мгновенному в историческом масштабе высвобождению потенциала человека – потенциала как разрушительного, так и созидательного» [7, 2011].

Оптимисты успокаивают – искусственный интеллект никогда не перешагнет границу, уравнивающую его с человеческим разумом. Машина никогда не научится думать как человек. Машина может сделать с нами то же, что и мы с природой, – а мы сделали очень много плохого. Но создание полноценного (или сверхчеловеческого) ИИ – задача неимоверной технологической сложности. И, может быть, по крайней мере нашему поколению беспокоиться пока не о чем. И пока главная угроза – не со стороны машин и обретших разум суперкомпьютеров, а со стороны таких же, с позволения сказать, сапиенсов. Л.В. Скворцов, комментируя Ф. Киттлера, пишет о том, что «благодаря технологиям, люди стали управлять событиями, они тем самым стали богами. Это и есть цивилизационная характеристика раннего модерна. Человеку, однако, не суждено было постоянно пребывать в роли бога. Технологические прорывы имеют длительные следствия, конечные результаты которых становятся неуправляемыми. …Случающееся в истории имеет взрывное начало и длительный постшок» [15, с. 49].

Людям не удалось стать богами, за гордыню пришлось серьезно расплачиваться, но искушения «сверхчеловека» воспроизводятся с завидной регулярностью. Опасность распространения новых технологий не столько в их мощности, сколько в их одностороннем присвоении и искушении использования. Нечто подобное было в международных отношениях после изобретения атомной бомбы. Но теперь правители отдельных государств и / или «глобальная корпоратократия» (или что-то в этом роде) может подавить почти любой гражданский протест. Само наличие такого потенциала подавления дисциплинирует людей. «Физически подчинить большие массы населения становится все проще, – пишет Дж. Ассанж. – Все же лично я думаю, что у суперэлиты не будет необходимости прибегать к столь брутальным и потенциально непопулярным управленческим методам. Во-первых, как я уже гово-

рил, такая диктатура будет неэффективна с экономической точки зрения: в долгосрочной перспективе раб не может составить конкуренцию свободному человеку в производительности труда. А, во-вторых, для подавляющего большинства граждан вполне достаточно будет "мягкого" давления. Предоставьте человеку выбор между сытостью и комфортом, с одной стороны, и маргинальным существованием голодранца-изгоя – с другой. Полагаю, понятно, что́ выберет подавляющее большинство. Исключениями будут единицы, и с ними можно будет запросто сделать то, что сейчас пытаются сделать с WikiLeaks» [4, с. 45].

Но, возможно, прав Д. Агамбен, вспоминающий «11 сентября» и в этой связи указывающий на то, что чрезвычайное положение «в современном мире, в том числе в развитых демократических странах, стало постоянным. А висящая как дамоклов меч угроза все новых терактов (они периодически случаются вновь и вновь, чтобы люди не забывали) – это проявление шмиттовского чрезвычайного положения». Вполне возможно, что попытка перестраивания природы человека как раз и означает новый тип чрезвычайного положения, о котором Д. Агамбен пишет, как о «действии той машины, которая неуклонно ведет Запад к мировой гражданской войне» [3, с. 135].

Трактовка нацистским юристом понятия «чрезвычайное положение» связано с реализацией его понимания «политического» [25]. В современной РФ шмиттовские проявления «реальной политики» выглядят откровенно карикатурно, но оттого не менее зловеще.

Здесь, как и во всем мире, моральная нечистоплотность и беспринципность элит, разрыва между «верхами» и «низами» многократно усиливаются возможностями современных медиа. Много раз повторено, что современная политика – это, прежде всего, медийная политика, связанная с новыми информационными технологиями. Следовательно, и для того, чтобы как-то противостоять этому давлению, надо играть на этом поле, другие средства малоэффективны.

Трудно не заметить, что традиционные средства партийной политики, профсоюзного давления, парламентских дискуссий и т.п. становятся все менее и менее успешными в условиях даже западной «постдемократии». О «реальной политике» в РФ нечего и говорить. Приходится констатировать, что все попытки повлиять традиционными средствами на политический курс «верхов» в постсоветской («постидустриальной») России потерпели поражение. Оппозиция носит декоративный и гасящий потенциальный протест населения характер.

Всяческие попытки создать сколько-нибудь массовое и влиятельное оппозиционное движение в России последовательно проваливаются, как из-за противодействия властей и постоянных провокаций, из-за неспособности людей договориться о совместных действиях, так и по причинам объектив-

ным, связанным скорее всего с изменением характера коммуникаций и рационального политического действия. Вопрос о новых, сетевых, формах организации оппозиции в информационном обществе стоит очень остро. Ставки в этой игре как никогда велики. Ведь если спросить, например, о нравственных коллизиях для современных «элит», т.е. не будут ли они морально страдать из-за того, что продлили себе жизнь (молодость) за счет жизни и здоровья других людей, то, кажется, данная проблема эту породу не заботит и заботить не будет. Многие нынешние олигархи заинтересованно финансируют исследования в области стволовых клеток, геронтологии и т.д., одновременно урезая своим работникам зарплату, а временами вовсе ее не выплачивая. Похоже, мы имеем здесь дело не с людьми, способными ощущать человеческую солидарность, а с существами какого-то другого рода, «чужими», «хищниками» [9].

К слову сказать, недаром в современной массовой культуре так популярны всякого рода сказки про вампиров. Если подумать, то вампир – это же образ современного олигарха. И оправдание готово – не со зла он пьет кровь из людей, высасывая жизненные соки из экономик и разоряя целые регионы. Просто природа у них такая – скупить по дешевке нефтяные скважины, а потом, после их истощения, продать государству за несколько миллиардов. Это столь же естественная жажда денег, как у вампиров жажда крови. И если даже у героев «Сумерек» (знаменитая вампирская сага, которой посвящен недавно выпущенный международным коллективом авторов философский сборник[7]) есть какие-то нравственные коллизии, то у современных мегаолигархов – вряд ли.

Разумеется, такое отношение приводит к быстрому разрушению социального пакта между «верхами» и «низами», на которых строится в принципе современное демократическое и социальное государство, к эрозии «общественного договора». Разрушение системы социальных гарантий и государства «вэлфера» может привести к новому витку насилия уже в центрах цивилизации и экспансии всепланетного насилия.

Но если в современном мире веберовское легитимное насилие со стороны национального государства все более уступает место биополитике, биовласти и «чрезвычайному положению», то нужно быть последовательным в размышлениях. Выстраивая дискурс «политического» в духе видного представителя политико-правовой мысли Третьего рейха, мы должны вспоминать не только о «чрезвычайном положении», но и о фигуре «партизана» [26]. И уже Хакер-Партизан, а не партийный вождь встает на пути нового мирово-

7. Сумерки и философия. Вампиры, вегетарианство и бессмертная любовь. Антология. – М., 2010. – 272 с.

го порядка и прекрасного нового мира. Если в современном мире (и особенно ярко-уродливо в нашей стране) реализуются шмиттовские принципы политики, то и эффективно бороться против нее возможно теми средствами, которые рекомендовал Шмитт в «Теории Партизана». Сказав «А», надо понимать, что за ней следует «Б». Традиционные формы протеста не действуют на политиков, исповедующих принципы биовласти и перманентное «чрезвычайное положение» (это хорошо подтвердила неудача протестов в РФ в 2011–2012 гг.). Видимо, и население осторожно относится к участию в традиционном протесте, полагая его неэффективным, а на новые формы борьбы решиться еще более трудно.

Тотальной информационной и биовласти с ее безграничной мощью в рамках NBIC-конвергенции можно было бы противопоставить фигуры разнообразных «партизан», которые будут бороться против этой власти до конца. В массовой культуре и фантастических произведениях эта тема тоже популярно обыгрывается. Пока на Земле нет такого рода власти, ее возможности проецируются на кого-то другого. На кого? Конечно же – на инопланетян. Характерно, что совершенно трэшевый и заезженный сюжет о захвате нашей планеты инопланетными монстрами приобретает сегодня новые краски. В массовом сознании как бы оживает проблематика философской антропологии – о природе человека, об открытии человека миру, о принципиальной биологической ущербности человека, которая должна компенсироваться прогрессом другого рода – не только техническим, но и интеллектуальным и нравственным. Однако на пороге фантастически возможного перехода из человеческого состояния в постчеловеческое, в виду муссируемой масскультом темы «контакта» и т.д. людям постоянно приходится оценивать свои природные возможности и находить их не очень впечатляющими. Тестируя себя, приходим к выводу о том, что мы как биологический вид несовершенны. В силу этого несовершенства может возникнуть искушение самопорабощения или согласия с порабощением со стороны более развитой цивилизации (своего рода смердяковщина, популярная в нынешней РФ: «умная цивилизация покорила глупую» – только в более широких масштабах).

В этой связи вспомним недавний американский сериал: «Визитеры». Сюжет таков: на Землю прилетели представители другой, более развитой цивилизации с целью порабощения людей и расхищения ресурсов планеты. В первом случае пришельцы действуют хитростью, во втором – сразу силой. Люди берутся за оружие. Нам уже приходилось писать [9, с. 35–48] о том, что в этом фильме пафос Сопротивления – наиболее сильная составляющая «V», несмотря на все несуразности сценария и режиссуры. В сериале немало эпизодов, над условностью которых можно посмеяться, но которые, при «наивном» восприятии, заставят сжаться сердце. Эти эпизоды связаны с моментами, когда отдельные люди решаются на борьбу, на противодействие

превосходящей силе в обстоятельствах неблагоприятных и прямо безнадежных. Они теряют друзей и надежду, их предают окружающие и высмеивают СМИ и «моральные авторитеты», порой кажется, у них вообще нет шансов. Но – они борются за себя и за остальных и стремятся победить хотя бы на отдельных участках.

Если вернуться из сферы художественного творчества в сферу науки, то бросается в глаза, что фантастические возможности и опасности ожидаются не по отдельности, а, так сказать, в пакете. Исходя из наших сегодняшних знаний, ученые предположили, что это может быть рассмотренная выше NBIC-конвергенция. Что будет, если диктатура бюрократии дополнится новыми фантастическими возможностями, даже страшно представить. Нечто подобное смеси фантазий Хаксли и Оруэлла, судя по всему. Как быть с глобальным и *непреодолимым* неравенством?

Энтузиасты трансгуманизма эту проблему плохо понимают. Хотя их эксперты часто говорят о технологиях улучшения человеческой природы. Допустим, что они, в принципе, возможны. Но коснется ли это ВСЕГО человечества или отдельных особей? Групп особей? И как в этом случае общество отнесется к избранным и улучшенным?

Кроме всего прочего те, кто планирует радикально перестроить человеческое тело, порой забывают, какой ценой это будет достигнуто, какие страдания вызовет. Реалистическое описание этих страданий предлагает известный немецкий фантаст Андреас Эшбах в своем романе «Железный человек». Эксперимент по созданию боевых киборгов провалился, выжившие обречены на уничтожение, но ВПК не успокаивается и приступает к опытам по выращиванию химер.

Можно ли остановить бенефис Армагеддона? (Аргументы «за» смертность и против катастрофы)

Цитата из подборки трансгуманистического юмора гласит: «Наиболее шокирующее пророчество Кломпа заключается в том, что мы, обезьяны, исчезнем полностью или частично из постобезьяньего мира». Скорее полностью, чем частично, – и речь не об обезьянах, а о людях. Всерьез рассматривать пришествие Сингулярности или что-то подобное сейчас просто не имеет смысла, ибо в таком случае люди как вид и как цивилизация просто не выживут, их (т.е. наша!) природа просто не вынесет подобных перемен. Казалось бы, человечество привыкло ко всяческим катаклизмам, и не только к войнам, эпидемиям и социальным революциям. Переход от индустриального общества к постиндустриальному, названный Ф. Фукуямой «Великим разрывом» [21], сопровождался ростом преступности и других асоциальных проявлений, ослаблением связи между поколениями, драматическими изменениями в

семье и пр. Однако эта глобальная трансформация тянется уже несколько десятилетий, и люди имеют возможность к ней приспособиться, пусть и не очень успешно. Но если вдруг случится более резкий переход и в более короткие сроки, то это будет обозначать просто катастрофу для человеческой цивилизации, даже если гипотетический Искусственный Интеллект не приступит сразу к ее уничтожению.

Описание сценариев грядущих катастроф – это второе любимое занятие трансгуманистов (первое – это реклама достижений «дивного нового мира»). Любопытно, что А. Турчин [см.: 18], написавший книгу о путях к концу света, выступал именно как эксперт РТД, и книга вышла под редакцией активистов трансгуманистического движения.

А. Турчин все так подробно описал и классифицировал, что добавить еще какой-то вариант конца света или комментарий по этому поводу весьма затруднительно. Тем не менее нам все-таки кажется, что наиболее интересными (и опасными!) здесь являются варианты, не связанные с экстраполяцией традиционных угроз (типа «террористы получают атомную бомбу» или «маньяк применяет биологическое оружие»). Это, конечно, страшно. Но уже привычному сценарию глобальной угрозы легче противостоять, так как его легче спрогнозировать.

На порядок опаснее нечто новое, особенно в комбинации. Вот, например, смесь из биохакерства, абсолютного наркотика и программного сбоя. Тогда уж никто не выживет – наверняка. Даже «нано-» доза этого коктейля будет абсолютно убойной. Повторим, что трансгуманисты чересчур оптимистично относятся к перспективам технологического развития и их социальным последствиям. Многие просвещенные умы думали примерно так же где-то в конце XIX – начале XX в. Тогда идеи прогресса и аналога нынешней «глобализации» были даже еще более популярны, чем сейчас и воспринимались с большим энтузиазмом. Однако надежда на решение социальных противоречий с помощью научно-инженерных технологий оказалась несостоятельной. Наоборот, она породила их страшное развитие в виде мировых войн и практики тоталитарных режимов, которые не смогли бы привести к таким огромным жертвам без новой техники.

Почему же сейчас все должно быть иначе? Ведь основная масса новых технических чудес заказывается и испытывается военными, у которых будет слишком сильное искушение пустить эти разработки в дело, «обкатать» каких-нибудь нанороботов в реальной боевой обстановке. Многие новые изобретения связаны с ВПК, они опасны уже в силу того, что изобретались для убийства. Помимо милитаристов реальная угроза исходит от сросшейся с ними глобальной корпоратократии, являющейся, в сущности, новым изданием «железной пяты». Новые средства позволят развязать такой геноцид, перед

которым померкнут и жертвы XX в., и сочиненные в прошлом столетии антиутопии.

Для апологии геноцида потребуется соответствующие технологии пропаганды. Инфотехнологии открывают возможности доставлять отобранную элитами информацию прямо в мозг массового человека. Доктор Геббельс и концерн Херста «отдыхают». Нет сомнения, что когнитивные технологии наряду с информационными разработками будут использованы как оружие хотя бы в том, что именуется психологической войной. Нано-, да и просто миниатюризация оружия повышают на порядки эффективность разведывательного сообщества и всяческих спецслужб. Удержится ли человечество на грани мира, пусть и весьма относительного?

Скорее всего, нет – искушение применить оружие, основанное на каких-нибудь новых принципах, будет слишком велико. Представьте военные действия, которые ведутся теперь уже не только на суше, в воде, в воздухе, в космосе, но и в микромире, в виртуальном пространстве и т.д. Отдельный вопрос, как новое оружие подействует на политическую элиту в рамках отдельных государств. Так, скажем, советские вожди после смерти Сталина, достигшие своего вырождения в геронтократическом политбюро, защищенные ядерным щитом, расслабились, и «сдали» страну «американским империалистам», от которых ядерное оружие вроде бы должно было защищать. Но в глобальном масштабе односторонняя капитуляция не спасает от гонки вооружений, меняются только детали «пазла». Так, непоследовательная и оппортунистическая политика Горбачёва привела к тому, что распался СССР, но военный бюджет США постоянно увеличивается. А других эффективных средств, кроме «равновесия ужаса», для борьбы с глобальными угрозами, столкновениями за те или иные виды ресурсов пока не придумали. Гипотетическое «объединение человечества» под эгидой какого-нибудь мирового правительства – это будет, скорее всего, путь к общемировому тоталитаризму, приближающему сроки Судного дня[8].

Особое место в списке глобальных угроз, связанных в том числе и с конвергенцией новых технологий, занимает тема «бессмертия», а если точнее, то значительное увеличение продолжительности жизни, либо на естественно биологической, либо на искусственной, технической основе.

Сама тема «бессмертия» нещадно эксплуатируется трансгуманистами. Например, Д. Андреев не только пропагандирует идеи РТД, но и обзавелся

8. По сути, речь идет о новых вариантах антиутопий, которые надо внимательно анализировать. Стоит вспомнить, что, например, в ИНИОНе накоплен изрядный опыт анализа антиутопической литературы, который содержался в работах Э. Араб-оглы, В. Чаликовой и других авторов (см., напр.: Л.Н. Верченов, И.Ф. Рековская).

криохранилищем, где среди немногих экспонатов была голова умершей в Петербурге женщины. Ее мозг собираются оживлять. РТД приветствовало появление романа крайне плодовитого коммерческого фантаста Юрия Никитина «Трансчеловек» и ему дали приз за живописание грядущего воскрешения[9]. Совсем уже анекдотичным выглядит попытка РТД вести кампанию против фильма Даррена Аронофски «Фонтан», когда трансгуманисты раздавали листовки перед сеансами, вели агитацию в Интернете и даже завели для этого специальный сайт. Напомним, что «Фонтан» – это многослойная философская притча, которая утверждает, что дар бессмертия, сок «Древа жизни» – это не такое уж безусловное благо. Кстати, кинематограф, как и литературная фантастика, широко задействованы в спорах по поводу бессмертия. Например, в фильме «Ренессанс» (прекрасная черно-белая анимация!) полицейский, ведущий расследование загадочных убийств, уничтожает в конце концов носительницу информации о методах достижения бессмертия, посчитав этот дар проклятьем человеческому роду. Среди русских авторов можно отметить Михаила Попова с его романом «Плерома». В романе ведется философский спор со знаменитым «ужастиком» Николая Федорова «Философия общего дела» и рядом идей «русского космизма». Эта незаурядная по своим литературным достоинствам и философскому содержанию книга прошла почти незамеченной для критики и публики, что совсем неудивительно в условиях «гламурного одичания». По-видимому, этим культурным одичанием можно объяснить то, что в России пока не появилось работ, хотя бы приближающихся по содержательности и глубине к книге Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» о последствиях биотехнологической революции (несмотря на очевидную полемичность этого трактата). Фукуяма посвятил данной теме отдельную главу, за что получил от активистов трансгуманизма ярлык «биоконсерватора».

Но говорить о том, что «биоконсерваторы» – это сплошь ретрограды, по меньшей мере, наивно и / или нечестно. Они предубеждены против развития ряда технологий не потому, что им, скажем, не хочется покататься на космическом лифте, воспользоваться плащом из технологического тумана, конструирующего из атомов любой предмет, или хотя бы заметно продлить свои дни за счет новых технологий. Просто эти консерваторы знают, как опасна такая новизна.

9. Хотя есть более серьезный роман на сходную тему – «Пробуждение» Тины Дженкинс, где оживление головы погибшего в XX в. врача выглядит не столь счастливым событием. Эту голову соединяют с телом казненного преступника. Воскресший сталкивается с таким же жестоким и аморальным миром, где традиционные человеческие беды усугубляются еще вконец разбалансированной экологией и биомедицинским терроризмом.

К проведенному Фукуямой анализу проблемы, в общем-то, добавить нечего, разве что еще раз напомнить, что обострение демографических проблем сопровождались в истории войнами и революциями. Изменение продолжительности жизни (хотя бы на несколько десятков лет, что уже может быть вполне реальным научным и медицинским достижением) вызовет не только культурные и экономические последствия, но и серьезнейшее политическое напряжение. Главным фактором этого напряжения будет вопиющее неравенство между людьми и «постчеловеками». Последние усовершенствуются с помощью наномедицины или генетически будут запрограммированы по-другому. Но это будут уже другие существа, с другой ментальностью.

Скорее всего здесь просматривается вариант долгоживущих («джи») и короткоживущих («кжи») из «Часа быка» И.А. Ефремова. «Кжи» будут отправлять в храм нежной смерти в расцвете лет, а «джи» – будут менять себе тела, занимаясь творческим трудом и управлением. Но данная проблема – не только для фантастических сюжетов. Еще раз вспомним, что Ф. Фукуяма, провозгласив «конец истории» и победу либерализма, вскоре стал конструировать уже новый «cleavage», раскол биоконсерваторов и трансгуманистов, оказавшись на стороне первых.

В завершение обратим внимание еще на один аспект проблемы – аспект нового неравенства и новых опасностей отношений с «чужими» (слово «ксенофобия» не дает нужных смысловых оттенков). Допустим, происходит скачок, человечество оказывается в новом состоянии благодаря нанокомпьютерам и генетическому конструированию или даже с более скромными достижениями, которые тем не менее ломают привычные представления о природе человека. Но происходит ли этот скачок одновременно? Скорее всего, нет. Значит, по-новому конструируются и политические расколы, и система социальной стратификации, которые будут так же неизбежны и в постчеловеческом обществе. Новые технологии и райские возможности будут доступны первоначально меньшинству. Не начнется ли революция против олигархов, которых терпели, пока они воровали миллиарды, но не стерпят, когда те обретут неведомую ранее продолжительность жизни? В ответ глобальная олигархия перейдет к стратегии подавления и откажется даже от видимости демократии.

«Другие» могут быть и «чужими». Недавно я случайно прочел сетевой материал о том, что политбюро компартии Кампучии во времена геноцида «красных кхмеров» состояло в основном их этнических китайцев[10]. Они и развязали в Кампучии невиданное по масштабам человекоубийство (3 из

10. Цзен М. Возможен ли самогеноцид? // АПН.ру, 2011-09-20 Режим доступа: http://www.apn.ru/publications/print24931.htm

7 млн. населения), экспортировав туда и модель «культурной революции», и враждебность к соседнему Вьетнаму. Но если в самом Китае от перегибов маоизма удалось избавиться за счет внутренней политики, то геноцид «чужих» в Камбодже был неостановим изнутри, и его прекратила только вьетнамская армия, которой пришлось воевать с полпотовской Кампучией и освобождать ее от пришельцев. К сожалению, в природе человека привычка убивать чужаков, и эта традиция из времен первобытности перекочевала в наше время – вспомнить хотя бы страшный геноцид в Руанде в 1994 г. Примеры эти для большинства из нас экзотичны, однако аналогии с российской историей последнего столетия более чем прозрачны.

«Чужие», появившись в инокультурной (иноприродной) среде будут ее ломать и перестраивать под себя, ухудшая привычный природный и культурный ландшафт вокруг, к которому привыкли «аборигены». Появление биологически, генетически, технически отличных от людей существ вызовет такой геноцид, перед которым померкнут ужасы «красного террора» или «голодомора».

Это будущее, конечно же, не жестко детерминировано. Но серьезность угроз побуждает к всестороннему изучению вызовов XXI в. Общая рекомендация по использованию новых технологических возможностей будет весьма банальной, но опирающейся на народную мудрость: «Семь раз отмерь – один раз отрежь».

Литература

1. Агамбен Д. Грядущее сообщество // Социологическое обозрение 2008. – Т. 7. – № 2. – 2008.
2. Агамбен Д. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. – 256 с.
3. Агамбен Д. Homo Sacer. Чрезвычайное положение. – М.: Европа, 2011. – 148 с.
4. Ассанж Дж. «У нас здесь своего рода линия фронта…» (Интервью Д. Великовского) // Русский репортер. – 2011. – № 35. – 8–15 сентября.
5. Бэйли Р. Развитие технологий: Возможности и проблемы (лекция 24 октября 2011) // Режим доступа: http://polit.ru/article/2011/10/24/Bailey/
6. Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 255.
7. Ефременко Д.В., Гиряева В.Н., Евсеева Я.В. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // Режим доступа: http://nbic-convergence.narod.ru/
8. Ковалёв В., Долгов А. Ящеры среди нас. (Смотрим сериал «Визитеры» – V) // ИГПИ.ру, 2011 г., 11 января. – Режим доступа: http://igpi.ru/info/people/kovalev/1294773671. html
9. Ковалёв В., Долгов А. Про реальную российскую политику в зеркале американского фантастического сериала. (Опыт о политическом дискурсе на примере произведения массовой культуры – «V») // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ. Вып. 10 / Под ред. О.В. Поповой. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. – С. 35–48.

10. Константинов А. Доживем до сингулярности. Футурологи готовятся к глобальной трансформации человечества // Русский репортер. – 2012. – № 16. – 26 апреля – 3 мая. – С. 60–66.

11. Крауч К. Постдемократия. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. – 192 с.

12. Никольский С.А. Социобиология – биосоциология человека? // Буржуазная философская антропология XX в. / Отв. ред. Б.Т. Григорьян. – М.: Наука, 1986. – С. 176–187.

13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. – 256 с.

14. Программа Коммунистической партии Советского Союза (1961) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1959–1965) в 8 т. Изд. восьмое, дополненное и исправленное / Под общ. ред. П.Н. Федосеева и К.У. Черненко. – М.: Политиздат, 1972. – С. 293. (Т. 8. – 568 с.).

15. Скворцов Л.В. Цивилизация киборгов? // Человек и мир киборгов / Отв. ред. И.И. Ремезова. – Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – 304с.

16. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297–426.

17. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.

18. Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI в. / Ред. Игорь Следзевский, Валерия Прайд. – М.: ЛКИ. – 432 с.

19. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3.

20. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. – М.: АСТ, 2004. – С. 18–19.

21. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2003. – 352 с.

22. Фурсов А.И. Холодный восточный ветер // «Однако». – М., 2011. – 7 февраля. – С. 10–21.

23. Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX в. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

24. Шишкин О. Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. – М.: Ультра-Культура, 2003. – 320 с.

25. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1.

26. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.

А.М. Кулькин

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ XXI ВЕКА

Кулькин Анатолий Михайлович – доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН.

Десятилетия, заключенные между серединой прошлого и началом нынешнего века, с полным правом можно назвать революционным периодом развития системы сбора, обработки, передачи, распространения и использовании информации. Один за другим происходили «прорывы» в производстве электронных схем и основанных на них приборах и механизмах, сменялись поколения и типы ЭВМ, непрерывно росли их быстродействие, вычислительная мощность, надежность, снижалась стоимость, миниатюризировались размеры, и шаг за шагом расширялась область применения.

Первые годы и десятилетия бурного развития информационных технологий (ИТ) породили среди идеологов научно-технического прогресса состояние эйфории. Предполагалось, что широкое внедрение ИТ, становление «общества, основанного на знании» позволит достичь принципиально нового, более высокого уровня автоматизации производства, сервиса и сбыта, решить извечные социальные проблемы, создать неограниченные возможности для общения людей, избавить экономику от циклических спадов, украсить и облегчить быт и т.д. и т.п. И действительно, многие ожидания подобного рода оправдались. ИТ минимизировали ограничения, которые накладывались на деятельность человека пространством и временем, дали возможность совершить принципиально важный шаг в развитии автоматизации – начать замену не только физического, но и умственного труда, создавая системы искусственного интеллекта. Персональные компьютеры и Интернет во многом изменили труд и быт людей, открыли для нас «виртуальный мир», возможности которого мы только начинаем осваивать. Короче говоря, многие ожидания в большей или меньшей степени реализовались, и перспективы все так же заманчивы и многообещающи.

Но достаточно скоро выяснилось, что и у информатизации есть как положительные, так и негативные аспекты, что ИТ можно использовагь не только во благо, но и во вред людям, что они многократно усиливают многие ранее существовавшие риски, а также создают новые, с которыми человечеству еще не приходилось сталкиваться, потенциально не менее разрушительные, чем прежние. Спектр негативных аспектов информатизации очень широк, они различны по масштабам (от индивидуальных до глобальных), по степени риска и остроты угроз, но мы прежде всего рассмотрим один из них – военный, по трем представляющимся нам наиболее значительными направлениям: ИТ и совершенствование обычных вооружений, ИТ и оружие массового поражения, ИТ и потенциальные угрозы нового типа войн – информационно-технических. При этом нас, конечно, интересуют не технические детали, а общественно значимые моменты, которые ИТ привносят в военную сферу.

Информационные технологии и обычные вооружения

Военная техника – самолеты, танки, надводные и подводные корабли и т.п. – с момента своего появления в той или иной степени оснащались информационно-измерительными и коммуникационными устройствами, но появление цифровых технологий позволило качественно повысить уровень их тактико-технических данных. С этими же технологиями связано и появление новых типов вооружений, таких как «умное оружие» и роботизированные военные комплексы. Из числа «умных» достаточно назвать крылатые ракеты, способные пролететь по заданному маршруту, заложенному в память системы управления, найти и поразить конкретную цель на расстоянии в сотни километров от места запуска. Или торпеды, которыми вооружены современные подводные лодки. Печально известная атомная подводная лодка «Курск» была оснащена торпедами типа «65–76» длиною 11 м и калибром 650 мм, которые сами по себе, по сути, являются мини-подлодками. Они развивают скорость порядка 60 км/час, могут преследовать противника в течение двух часов, несут обычную или атомную боеголовку, а акустический блок самонаведения позволяет им самостоятельно находить цель и уничтожать ее. Это может произойти на расстоянии до 100 км от корабля-носителя. К числу «умных» можно отнести и зенитные комплексы различных конфигураций вплоть до портативных типа «Стрела» или «Стингер», а также целый ряд других средств поражения объектов противника.

Еще одно направление совершенствования обычных вооружений – их миниатюризация при сохранении или даже увеличении поражающей способности. Можно указать также на гранатометы, в том числе противотанковые. Та же тенденция проявляется в создании новых типов мин, гранат, взрывча-

тых веществ, систем дистанционного управления зарядами разных типов. Сегодня мощный задряд может быть взорван с помощью сигнала, переданного по мобильному телефону. Миниатюризация вооружений увеличивает боевую «мощность» отдельного бойца, эффективность его индивидуальных действий.

Одновременно создатели военной техники работают над совершенствованием средств защиты участников сражений. В марте 2003 г. Массачусетский технологический институт (МТИ), один из ведущих исследовательских университетов США, выиграл объявленный Министерством обороны конкурс на право разработки «формы будущего» для солдат американской армии [1]. Проект рассчитан на пять лет и финансируется в объеме 50 млн. долл. Для его выполнения МТИ организовал в своем составе специальный Институт солдатских технологий и из своих средств вносит в бюджет этого института 24 млн. долл. В проекте также принимают участие два крупных промышленных концерна – «DuPont» и «Raythen», первый известен как один из мировых лидеров химической промышленности, а второй занимается системной интеграцией. Кроме того, к проекту подключились два армейских исследовательских центра и два крупных госпиталя. Высокая стоимость работ объясняется тем, что здесь объединяются ИТ и новейшее направление научных исследований, так называемая нанотехнология, которая имеет дело со структурами, измеряемыми миллиардными долями метра, т.е. практически с молекулярным уровнем вещества. Цель проекта – создать военную форму XXI в., костюм из материала, легкого как бумага, пуленепробиваемого, обладающего способностью обрабатывать раны, обнаруживать присутствие химических и биологических отравляющих веществ; костюм, в который встроены датчики, передающие в штаб информацию о местонахождении солдата и его физическом состоянии. Предполагается использовать материалы, которые при необходимости можно перевести из мягкого состояния в жесткое, создать сенсорные «заплатки», реагирующие на химические и биологические яды и вырабатывающие противоядия, применить покрытия, определяющие степень обезвоживания организма и саморегулирующиеся в соответствии с результатами измерения. В такой костюм будут «вплетены» компьютерные ячейки и телекоммуникационные устройства, придающие ему своего рода «разумность».

Отметим еще одно важное, на наш взгляд, направление использования ИТ в рамках обычных вооружений. Это – роботизация средств ведения военных действий и использование систем «искусственного интеллекта» в качестве «помощников» воюющего человека. Еще в середине 80-х годов прошлого века, отвечая на вызов бурно развивавшей вычислительную технику Японии, США организовали исследовательскую программу под названием «Стратегическая компьютерная инициатива». Общей целью программы было

повышение уровня американской микроэлектроники и обеспечение зашатавшейся под японским натиском конкурентоспособности США на мировых рынках ЭВМ. Но конкретными изделиями, в которых должны были воплотиться «чипы», были настоящие роботы войны [2]. Исходными предпосылками были два моменга. С одной стороны, совершенствование вооружений вело к тому, что быстродействие человеческого мышления становилось недостаточным для управления как отдельными боевыми единицами (самолетами, танками, военными кораблями), так и ходом сражения на различных уровнях. С другой стороны, к тому времени в ряде областей компьютерной техники были уже достигнуты результаты, поставившие на реальную основу создание «разумных» ЭВМ, которые, по замыслу авторов программы, могли бы «в корне изменить природу будущих сражений» [2, с. 481]. Предполагалось «совершить рывок по широкому фронту исследований, объединяемых понятием машинного интеллекта, дабы обеспечить лидерство Соединенных Штатов в области вычислительной техники на протяжении следующего десятилетия» [там же, с. 570]. Планировалось создание трех групп устройств: автономные боевые машины для наземных операций, электронные оперативные «помощники» пилотов и системы управления боем эскадры кораблей.

Программа должна была завершиться в 1993 г. Но такого рода работы, как правило, растягиваются на более длительные по сравнению с первоначальным планом сроки. Продолжение работ было засекречено, так что конечные результаты пока до конца не ясны. Отметим, однако, что те параметры микросхем, которые заявлялись разработчиками в начале программы, достигнуты и превышены в середине 90-х годов. А в ходе военных операций в Афганистане и Ираке США широко использовали беспилотные самолеты-разведчики.

ИТ и оружие массового поражения

Создав атомное и ядерное оружие, убедившись в его небывалой разрушительной силе и просчитав возможные губительные последствия его применения для планеты Земля («ядерная зима»), человечество попыталось обезопасить себя системой договоров, ограничивающих численность ядерных зарядов, систем их доставки, территорию их размещения, и запрещением испытательных взрывов во всех средах – в воздухе, под водой и под землей. Запрет на испытания подразумевает отказ от разработок ядерного оружия, создания новых его видов, увеличения его мощности и т.д. Однако развитие ИТ в значительной степени подрывает все эти ограничения и запреты. Современные суперкомпьютеры дают возможность виртуального конструирования ядерных боеголовок и моделирования их взрывов, так что фактически работы по совершенствованию ядерных вооружений продолжаются.

Превратить же хорошо проработанные виртуальные модели в реальные для современной промышленности дело не слишком сложное. Чем мощнее компьютер, тем больше он дает возможностей для моделирования сложных многопараметрических систем. И работы по созданию суперкомпьютеров новых поколений стимулируются сегодня в первую очередь военными. Мы уже упоминали об этом в начале статьи. Под эгидой Министерства энергетики США уже в 1996 г. введен в эксплуатацию суперкомпьютер, выполняющий 1 трлн. операций в секунду (тераопс), в 2000 г. в строй вошел еще более мощный – на 12,3 трлн. операций, а затем планировался ввод 100-триллионника. В то же время Управление перспективных исследований Министерства обороны, НАСА и Агентство национальной безопасности проводят предварительную оценку создания вычислительной системы, способной осуществить 10^{15} операций в секунду [3].

Вряд ли можно сомневаться в том, что аналогичные работы ведутся и в других странах, обладающих ядерным оружием. Получается, что ИТ подрывает ядерное разоружение. И это тоже одна из граней информатизации.

Таким образом, использование ИТ в военных целях позволяет в значительной мере повысить уровень эффективности обычных вооружений, частично роботизировать военные действия и продолжить работы по совершенствованию средств массового поражения, в первую очередь ядерного оружия. Ничего хорошего это человечеству не сулит. Трудно сказать, увеличивается ли в этой связи опасность глобальных столкновений, поскольку угроза полного взаимного уничтожения, не позволившая «холодной войне» второй половины XX в. превратиться в «горячую», продолжает оставаться надежным сдерживающим фактором. Но прогресс ИТ и их военных приложений значительно увеличивает технологический и, соответственно, силовой разрыв между передовыми и остальными странами. У первых возрастает соблазн решать любые конфликтные ситуации военными средствами, создается иллюзия возможности быстро и малой кровью достичь желаемых целей. Во-вторых, это подталкивает к поиску новых форм сопротивления, отстаивания своей независимости, а среди отдельных групп их населения порождает ненависть, чувство глубокой несправедливости мироустройства, фанатизм, нередко выливающийся в террористическую борьбу.

ИТ и информационно-технические войны

В конце прошлого и начале нынешнего века имели место три войны, в которых уровень оснащения армии ИТ играл решающую роль. Во всех трех случаях одной из воюющих сторон выступали США, т.е. самая продвинутая в построении информационного общества и развития ИТ держава. У США были союзники, но они играли сугубо второстепенную роль. Противниками

США оказались Афганистан и дважды Ирак – страны в экономическом и техническом отношении отсталые, особенно Афганистан. Преимущество США и их союзников состояло в оснащенности их сил ИТ – в разведке, связи, высокоточном «умном» оружии, приборах ночного видения, технологии «стелс» и электронных средствах подавления систем связи противника. В результате войска антииракской коалиции четко координировали свои действия, эффективно поражали любые цели на территории врага, гибко, в реальном масштабе времени внося необходимые коррективы в действия своей армии, а вооруженные силы Ирака оказались разрозненны, слепы и не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Победу силам коалиции принесло их информационно-техническое превосходство.

Однако эффективностью ИТ на полях сражений влияние информатизации на характер войн не исчерпывается. Еще с начала прошлого века армия стала в гораздо большей степени, чем раньше, зависеть от индустриальной базы страны. Нет заводов, массово производящих оружие, нет железных дорог, доставляющих все необходимое для фронта, – нет побед. Стало быть, разрушение индустриальной базы и транспортных сетей противника приобрело не меньшее, а возможно, и большее значение, чем военное поражение его армии. Это обстоятельство полностью изменило стратегию ведения войны. Ее важнейшим элементом стало уничтожение промышленных объектов, электростанций, транспортных артерий, узлов связи.

Аналогичная ситуация складывается в результате современной информационной революции. «Информационные системы сегодня столь жизненно важны как для военных, так и для гражданских структур общества, что они могут стать главными целями во время войны, и они же могут стать основными средствами ведения наступательных операций» [4, с. 4]. В результате военная доктрина приобретает новую составляющую – информационно-техническую.

Компьютерная техника в большой степени обеспечивает управление энергетическими агрегатами и сетями, железнодорожным и воздушным транспортом, финансовыми учреждениями страны. Многочисленные банки данных содержат разнообразную, в том числе секретную, информацию, каналы электронной связи используются и гражданскими организациями, и военными. В США, например, 95% всех военных корреспонденций передается по обычным коммерческим каналам, рутинная армейская информация идет открытым текстом, а секретные сообщения кодируются. Короче говоря, в развитых странах вся жизнедеятельность общества напрямую зависит от ИТ. И чем более продвинута страна по пути информатизации, тем эта зависимость сильнее.

Если представить себе на мгновение, что все перечисленные системы (а перечень мы дали отнюдь не исчерпывающий) в один прекрасный момент

выйдут из строя в результате саботажа или массированной атаки электронными же средствами, то в стране наступит хаос, последствия которого невозможно предсказать. Колоссальные материальные потери гарантированы, а если пострадает система противовоздушной обороны и управления войсками, то она (страна) окажется беззащитной. При этом противник может быть анонимным. В принципе возможна настолько скоротечная информационно-техническая атака, что на идентификацию ее исходной точки не хватит времени. Это, по меньшей мере, затруднит ответный «удар», немедленный, если на него останется достаточно мощности, или после того, как системы будут восстановлены. Да и каким должен быть ответ? Информационно-техническое нападение бескровно, отвечать на него ракетами и бомбами представляется несоразмерным. Нападающая сторона не обязательно должна быть сильным высокоразвитым государством, она вообще может быть не государством, а какой-либо организацией, группой, располагающей компьютерными мощностями и некоторым числом квалифицированных специалистов. Это тоже является своего рода миниатюризацией вооружений и потенциально опасно в условиях расползающегося сегодня по миру терроризма, который становится все более многоликим и жестоким.

Конечно, поскольку информационно-технических войн пока не было, все рассуждения о них содержат больше вопросов, чем ответов. Очевидно лишь, что такого рода угроза существует, что по мере развития информатизации общества и глобальных компьютерных сетей она возрастает и безусловно требует внимательного изучения. Выходки хакеров, взламывающих самые, казалось бы, недоступные банки данных, рост компьютерной преступности в финансовой сфере свидетельствуют о том, что угроза эта не является плодом научной фантастики. Вряд ли можно сомневаться в том, что в Пентагоне, в военной организации НАТО, в Китае, в России, возможно, в Израиле, Индии, Пакистане на суперкомпьютерах проигрываются соответствующие модели, имитирующие информационно-технические сражения, и обрабатываются наиболее эффективные способы и средства информационных атак и защиты от них.

Развитие ИТ, нанотехнологии, генной инженерии – все эти и множество иных граней научно-технического прогресса приносят человечеству новые возможности, облегчают и украшают жизнь, позволяют глубже понять природу, но в то же время чреваты новыми опасностями и бедами. Это – объективная закономерность общественного развития, замкнутый круг, разорвать который ни в обозримом, ни в сколько угодно далеком будущем вряд ли станет возможным.

Прогресс в разработке и использовании генетической информации

Этот вид информации и основанные на ней технологии также окажут серьезное влияние на многие аспекты жизни общества, хотя пока еще не столь масштабное, как влияние информационных технологий. Наиболее четко просматриваются такие области, как медицина, производство пищевых продуктов (продукция животноводства и растениеводства и их переработка), а также ряд направлений «на стыках» генетики с другими технологиями.

Достаточно далеко уже продвинулись работы по расшифровке генома человека. В ближайшей перспективе ученые будут знать последовательность генов в молекулах ДНК типичного мужчины и типичной женщины. Хотя сегодня процент уже расшифрованной информации невелик, предполагается, что темп этих работ резко возрастет в ближайшие 25 лет. Параллельно можно ожидать «прорывов», результатом которых станет понимание биохимических процессов, происходящих в теле человека и обеспечивающих передачу генетической информации, а также реакции определенных генов на внешние воздействия, вызывающие разные эффекты у разных людей.

Нет сомнений, что ближайшая четверть века станет свидетелем рисшифровки геномов тысяч архетипов млекопитающих, рыб, насекомых, микроорганизмов и растений. Целый ряд крупных проектов, направленных на решение этой задачи, инициирован в ряде стран и на международном уровне. Например в США ННФ выделил 40 млн. долл. на так называемую Инициативу расшифровки геномов растений (P1ant Genome Initiative), а Министерство сельского хозяйства предполагает начать работы по программе генетических исследований, поставляющих пищевые продукты животных и растений (National Food Genome Strategy).

Биотехнологии, по всей вероятности так же как цифровые информационные устройства, окажут влияние на большинство областей человеческой деятельности. Они уже основательно «закрепились» в медицине, скотоводстве, растениеводстве и пищевой промышленности. Ожидается их широкое использование для решения экологических проблем, в обрабатывающей промышленности, изготовлении новых материалов и компьютерной технике.

Большинство специалистов полагают, что наиболее важные достижения будут иметь место в медицине. С расшифровкой генома человека, способов передачи генетической информации и «ответственности» конкретных генов за предрасположенность к тем или иным заболеваниям генетическое тестирование должно стать рутинной процедурой в ближайшие десятилетия. К 2025 г. вполне вероятно внедрение терапии единичных генов или целых генных групп, а также технологии замещения их. Появление и применение основанных на использовании генов медицинских препаратов станет обы-

денным делом. К примеру, препаратов, блокирующих передачу генной информации, «запускающей» некоторые заболевания. Успехи междисциплинарных ИР, возможно, позволят широко использовать биосенсорные датчики для диагностирования заболеваний, внедрить в хирургическую практику имплантацию сенсорных устройств и невропротезирование, например для лечения глухоты или восстановления механических функций при параличах. Не исключено, что к 2025 г. удастся освоить технику клонирования конкретных органов человеческого организма.

Технический прогресс: Возможности и риски

Значительных достижений можно ожидать в целом ряде областей науки и техники: вычислительных системах, генетике, исследованиях мозга, новых материалов, особенно композитов с заданными свойствами и материалов, позволяющих резко миниатюризировать множество изделий, энергетике, транспорте, экологии. Ключевыми областями, от развития которых зависят все остальные, являются вычислительная техника и генетика, другими словами, две информационные технологии – искусственная и естественная (природная), находящиеся в настоящее время в начальной стадии развития. Особенно отчетливо сегодня проявляется лидирующая роль цифровой техники. «Количественный и качественный рост информации, трансформированной в цепочки нулей и единиц, обеспечивает возможности быстрого совершенствования многих других областей науки и техники» [5, с. 8].

Прогресс цифровой информационной техники можно измерять такими параметрами, как быстродействие, размеры элементов, стоимость. В 1997 г. микропроцессоры выполняли операции в 100 тыс. раз быстрее, чем в 1950 г. Один мегабайт полупроводниковой памяти 25 лет назад стоил около 550 тыс. долл., а сегодня он стоит всего 4 долл. Если темп перемен сохранится, то к 2020 г. настольный персональный компьютер будет обладать вычислительной мощностью, равной совокупной мощности всех компьютеров, которые сегодня эксплуатируются в Силиконовой долине [там же, с. 9].

Существенные продвижения ожидаются в области создания и использования полупроводниковых датчиков, в том числе на молекулярном и атомном уровне, интегрированных с ДНК, которые будут способны собирать очень большие объемы высокоточной биологической и экологической информации. Они же могут открыть совершенно новые горизонты для прямой взаимосвязи человека с разного рода машинами и механизмами. Наконец, предполагается дальнейшее совершенствование системы Интернет.

Несколько скромнее оцениваются перспективы «прорыва» в области программного обеспечения, хотя потенциальное значение продвижения на этом участке очень велико. Многие аналитики считают, что значительных

успехов в создании «искусственного интеллекта» не следует ожидать раньше середины XXI столетия, хотя «разумные» устройства, способные собирать информацию об особенностях поведения и вкусах отдельных индивидуумов, могут появиться в ближайшие 25 лет.

Если же говорить о перспективах применения цифровых информационных систем, то нет сомнений в том, что этот вид информационной техники, по-видимому, проникнет во все сферы человеческой деятельности и охватит много новых районов земного шара. И это может не только ускорить или удешевить различные виды активности, но и заметно их изменить. Появится возможность возникновения новых форм сотрудничества, новых общностей как виртуальных, так и реальных. В некоторых регионах мира это может означать возврат к деревням и сокращение городских поселений. В других районах, где более развита инфраструктура или присутствуют иные привлекательные стороны, люди будут по-прежнему держаться своих «силиконовых долин». «В любом случае использование вычислительных мощностей предоставит нам такую возможность выбора условий и образа жизни и работы, какой до сих пор не было» [5, с. 10]. Ограничения, которые накладываются сегодня расстоянием, отпадут в охваченном компьютерными и телекоммуникационными сетями мире 2025 г. Физическая изоляция не будет связана со значительной экономической или социальной ущербностью.

Для науки и научных коммуникаций новые информационные системы и устройства откроют прекрасные возможности и с точки зрения кооперации усилий, взаимодействия, и с точки зрения моделирования в ходе исследований различных процессов. Могут измениться и традиционные формы получения образования, снизятся или отпадут ограничения, связанные с его стоимостью, с временем и пространством, станет больше возможностей для проявления индивидуальных творческих способностей.

Дабы не утонуть в океане информации, люди, наверное, будут пользоваться услугами «ноуроботов», т.е. систем, позволяющих быстрее и точнее сориентироваться в информационном пространстве и получить нужные данные.

Риски, связанные с развитием новых технологий, можно разделить на три группы. Во-первых, как уже подчеркивалось, новые технологии обладают не только созидательным, но и большим разрушительным потенциалом, который трудно поддается контролю. Случайно или намеренно развитие и распространение достижений генной инженерии в принципе могут вызвать непредвиденные опасные заболевания или экологические потрясения. Аналогичным образом растущая зависимость общества от компьютерной техники и ее программного обеспечения делает уязвимыми многие стороны жизни общества. Опять-таки случайно или со злым умыслом могут быть приведены в негодность такие критичные в плане жизнеобеспечения блоки, как управле-

ние авиаперевозками, атомные электростанции, системы безопасности и множество других, не менее важных. Не столь смертельно опасной, но крайне неприятной является также вероятная угроза конфиденциальности частной информации, растущая по мере расширения и совершенствования электронных информационных сетей. Возникают возможности для нелегального вторжения в частную жизнь, нарушения гражданских прав, а также разного рода жульничества, подделок и тому подобных преступлений. Во-вторых, чисто технические риски возникают по мере усложнения используемых технологий, всегда существует вероятность поломки или сбоя, которые заранее не удается предусмотреть и заблокировать. В-третьих, существует группа рисков, связанных с этикой, системой ценностей и образом мышления. Даже самые первые шаги в области столь радикально новых технологий, как клонирование человека или создание искусственного интеллекта, вызвали бурю дискуссий по поводу этических аспектов подобных исследований. Риск состоит в том, что шок, которым в принципе чреваты новейшие достижения науки, может привести к серьезным социальным потрясениям.

Условия реализации научно-технического потенциала

Условия, определяющие общественную значимость, темп и масштабы технологического прогресса можно разделить на три категории: микро-, макро- и глобальные.

К микроуровню относятся социально-экономические факторы, связанные, с одной стороны, с особенностями семейного уклада, личного хозяйства, предприятий и правительственных учреждений, а с другой – с решениями, которые принимают индивидуальные субъекты перечисленных структур. Макроуровень включает в себя общие социально-экономические условия, в которых функционируют указанные структуры. Речь в основном идет о рынках труда и капитала, состояние которых определяется национальной финансовой политикой, государственным регулированием, уровнем цен, условиями кредита (размера ссудного процента), остротой конкуренции и степенью занятости. Наконец, глобальный уровень – это международные отношения, мировая торговля, инвестиции, трансфер технологий и планетарная экологическая взаимозависимость государств.

Все перечисленные категории и их составляющие могут как благоприятствовать технологическом динамизму, так и тормозить его. Какого-либо единого рецепта поощрения социотехнологических позитивных трансформаций не существует. Можно лишь разграничить условия, которые им способствуют, и более консервативные, трудно поддающиеся переменам.

Влияние микроусловий можно проиллюстрировать на примере трех секторов промышленности, демонстрируя разные возможные ситуации.

Сектор автомобилестроения в XX в. был пионером радикальных изменений в сфере производства (полуавтоматические сборочные линии) и в сфере потребления (массовый автомобиль). За ним следовали, опираясь на его опыт, многие другие сектора, промышленность в целом. Потребителей тоже охватил синдром массовости; в семьях, в организациях появились не только автомобили, но и стиральные машины, телевизоры, холодильники, менявшие быт и привычки. Даже в социальной сфере был задействован принцип массовости – массовое здравоохранение, социальное обеспечение, массовое образование.

И сегодня внутри автомобилестроения еще есть простор для инноваций типа отдельных технических усовершенствований. Конкуренция не дает производителям стоять на месте. Крупные перемены можно описать в конструкциях двигателей, в организации транспортных потоков, в особенности безопасности водителей и пассажиров. Нас ожидают «разъемные» автострады (smart highways), гибридные электродвигатели, дальнейшее развитие «гибких» автоматических производств и, конечно, компьютеризация автомашин, вплоть до использования систем спутниковой навигации и всех видов телекоммуникаций [5, с. 17].

Однако принципиального изменения существующей в секторе (с учетом потребления) парадигмы за счет его внутренних инноваций, за счет микроперемен произойти не может. Для этого необходимы внешние перемены, радикальный пересмотр транспортной системы как таковой, способов доставки людей на работу или в торговые центры, стремление резко сократить нагрузку на окружающую среду.

Иначе обстоит дело с другим сектором современных технологий – всемирной коммуникационной и информационной системой Интернет, пришедшей на смену сетям электронного обмена данными (СЭОД), которые создавались и довольно широко использовались на протяжении 70-х и 80-х годов в промышленности и финансовой сфере в основном для координации действий поставщиков и производителей или отдельных звеньев какой-либо банковской структуры. Концептуально эти системы сходны с Интернетом, но их техническая реализация принципиально различна. СЭОД создавались в рамках отдельных фирм или корпораций на сугубо частной основе и в результате оказались несовместимыми, да к тому же очень дорогими и негибкими. Сегодня за очень короткое время почти все они поглощены Интернетом.

Технология Интернета, первоначально созданная в общественном (государственном) секторе, замечательна тем, что она обеспечивает открытый и бесплатный доступ к единому стандарту. Сотрудничество, а не изоляция, расширение, а не ограниченность – вот ключевые понятия, лежащие в основе Интернета. Непримиримые в других сферах конкуренты, а также правительства и международные организации всех видов ныне с поразительным энту-

зиазмом совместно работают над тем, чтобы Интернет стал открытым, лишенным внутренних препон пространством, доступным для коммерческих операций, электронной почты, информационных потоков. По сравнению с иерархичными, чаще всего централизованными организационными моделями, доминирующими в частном и общественном секторе (а нередко и в семьях), Интернет представляется анархичным, совершенно децентрализованным и дезорганизованным виртуальным миром. Это – океан информации, взаимодействующей в соответствии с нелинейными правилами гиперсвязей. Он чрезвычайно эффективен в плане обмена идеями, проявления инициативы и установления спонтанных контактов, независимо от расстояний, временны́х зон и каких-либо предварительных условий. Это резко контрастирует с парадигмой массового производства и массового потребления, Интернет потенциально способен полностью изменить многие институциональные и поведенческие порядки, которые характерны для экономик современных развитых стран на микроуровне как в сфере производства, так и в сфере потребления. В первой из них появляются формы организации труда, разработки и сбыта продукции, выхода на рынок и кооперации. Во второй – наблюдается постепенный переход от пассивной модели поведения к активной.

Вместе с тем новая парадигма может оказаться разрушительной. Требования, которые предъявляет Интернет к динамичности реакций субъекта, выходят далеко за пределы тех ролей, которым люди обучены, и за пределы тех способов обучения, которые привиты школой, нынешней работой или семейными порядками.

Третий сектор, используемый в качестве иллюстрации к стремительному прогрессу современных технологий, – это здравоохранение. Традиционно в развитых странах подход к нему в основном опирался на модель массового производства и потребления, где больница выступала в качестве фабрики, а пациент – в роли пассивного потребителя. Результаты были успешны: и заболеваемость, и смертность в результате болезней или несчастных случаев намного сократились. Но в последнее время появились серьезные проблемы, связанные со стоимостью и эффективностью традиционной системы. Достижения в области генетики и биохимии жизненных процессов в сочетании с прогрессом вычислительной техники могут принципиально изменить институциональный и поведенческий контекст здравоохранения, превратить пациента из пассивного потребителя в активного контролера и распорядителя, ликвидировать монополизм врачей и внести много нового в организацию их практики.

Но на пути радикальных преобразований в этой области трудностей, возможно, больше, чем в любой другой. В первую очередь они связаны с медицинской некомпетентностью большей части населения и ее страхом перед

заболеваниями. Мало кто сегодня готов к тому, чтобы самостоятельно и систематически контролировать состояние своего организма, принимать профилактические меры, диагностировать нарушения и во многих случаях исправлять их. Кроме того, в современном здравоохранении и медицине сильны корпоративные интересы, институциональный консерватизм и другие подобные настроения, которые обусловливают внутреннее противодействие переменам на микроуровне.

Подводя итог усилий по реализации научного потенциала на микроуровне, Р. Миллер, У. Михальски и Б. Стивенс пишут: «Быстрое развитие и распространение новых технологий вряд ли возможно без инициативности, изобретательности и открытости со стороны производителей и потребителей. Успех перемен на микроуровне в значительной мере зависит от того, как будут меняться макро- и глобальные условия, в которых "микромир" существует» [5, с. 21].

Наблюдающиеся сегодня тенденции в развитии этих макро- и глобальных условий в основном благоприятствуют технологическому прогрессу, и можно рассчитывать на то, что они сохранятся в ближайшие десятилетия. Правда следует подчеркнуть, что при любом сценарии развития существует риск обострения и без того серьезных явлений раскола в обществе и между регионами, неравенства, имеющего место в доступе к новому знанию в мире, который становится все более сложным технологически, а эти компоненты – все более взаимозависимыми. Поляризация на тех, кто владеет технологией, и тех, кто ею не обладает, будь то в пределах одного города, региона (например, Европы) или по разные стороны океана, может привести к возникновению труднопреодолимых препятствий развитию социотехнологического динамизма. Протекционизм, социальные конфликты, нетерпимость и даже взаимная ненависть вплоть до открытых столкновений могут вспыхнуть в связи с расширением кажущейся непреодолимой пропасти между «имеющими знания» и «неимеющими» его. И если такого рода фрагментация и изоляция будут нарастать, темп социотехнологических перемен скорей всего значительно замедлится, а это, в свою очередь, дополнительно усилит напряжение, и вместо позитивной спирали развития мы получим спираль противоположного направления или по крайней мере замкнутый круг нарастающих проблем неравенства, деградации окружающей среды и международной напряженности.

Как поддержать социотехнический динамизм?

Многие приветствуют грядущие технологические достижения, столь щедро обещающие новые блага в XXI в. Однако реализация технологического потенциала в решающей степени будет зависеть от «сложного взаимодей-

ствия взаимно усиливающих друг друга подвижек в технике и в социальной, общественной сфере – от взаимодействия, которое мы и называем социотехническим динамизмом. Четыре могучие и всепроникающие силы могут рассматриваться как факторы, способные обеспечить социотехнический динамизм в ближайшие десятилетия. Во-первых, диффузия и интенсификация конкуренции на существующих и вновь появляющихся местных, региональных и глобальных рынках стимулируют самые разнообразные технологические и организационные нововведения. Во-вторых, переход к наукоемкой, основанной на знании, экономике ведет к разрушению устоявшейся парадигмы промышленной эры и обещает открыть широкие горизонты принципиально новых форм организации производства и потребления, не связанных с фирменными структурами. В-третьих, растущая экономическая, социальная и экологическая взаимозависимость заставит изменить существующие способы управления знаниями и ресурсами, а также внесет поправки в понимание суверенитета. В-четвертых, постоянно растущие индивидуальные и коллективные надежды людей на лучшую жизнь тоже сыграют важную, если не основную, роль в готовности пойти на риск реструктуризации традиционных «где, когда и как» многих основных видов человеческой активности [5, с. 29].

Чтобы все это осуществилось, необходимо, во-первых, всяческое поощрение индивидуального и коллективного творчества со стороны лиц, принимающих решения, как в частном, так и в общественном секторе и, во-вторых, качественное улучшение самого процесса принятия решений на местном, национальном и (что особенно важно) на глобальном уровнях. Это отнюдь не означает, что нужно ослабить уже действующие тенденции обеспечения стабильности макроэкономических условий, повышение структурной гибкости рынков труда, капитала и продуктов производства, улучшения систем образования и сглаживания социального неравенства. Все это надо не ослаблять, а напротив, усиливать – и только через усиление уже существующих тенденций можно добиться нового качества. «Переход от сельскохозяйственного общества к промышленному открыл массу новых возможностей для фирм, индивидов и правительств. Точно так же произойдет и при переходе к экономике и обществу, основанном на знании, переходе, возможном на волне социотехнического динамизма» [5, с. 30].

Литература

1. Ferdinand P. Many layers building a super soldier // Washington Post. – Wash., 2003. – Jan. 20. – P. A21.

2. Federal supercomputer programs and policies: Hearing before the Subcomm. on energy development a. applications a. subcomm. on science, research and technology of the Comm. on science a. technology, House of Representatives, 99 Congr. 1st sess., June 10, 1985. – Wash.: Gov. print. off., 1986. – P. 44–52, 82–84, 470–581.

3. Science a. engineering indicators, 2002 / Nat. science board. – Wash.: Gov. print. off., 2002. – Ch. 8. – 340 p.

4. Berkowitz B. Warfare in the information age // lnformation age anthology, Ch. 19, http://www.ndu.edu./undu/inss/books/anthologyl/chl9.htm1

5. Miller R., Michalski W., Stevens B. The promises and perils of 21st century technology: An overview of the issues // 21st century technologies: Promises and perils of a dynamic future. – P.: OECD, 1998. – P. 7–32.

Л.Г. Белова

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИННОВАЦИЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Белова Людмила Георгиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ.

Мировой опыт показывает, что инновации превратили использующие это конкурентное преимущество страны, как крупные, так и малые (Финляндия в Европе, Сингапур и Южная Корея в Азиатско-Тихоокеанском регионе), в богатейшие страны мира. Современная экономическая теория подчеркивает определяющую роль эффективной инновационной системы в достижении устойчивости развития, повышении международной конкурентоспособности и качества жизни. Более того, современная мировая конкурентная борьба – это конкуренция между национальными инновационными системами.

Большой интерес вызывает опыт передовых стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Этот интерес обусловлен рядом факторов, среди которых можно выделить, по крайней мере, важнейшие пять. Во-первых, уже стало аксиомой, что центр тяжести мировой экономической активности смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, который справедливо называют локомотивом глобального развития и центром формирования нового полицентричного мироустройства [2], причем этот сдвиг является не временной фазой, а долгосрочной тенденцией для всего мирового сообщества [1]. Во-вторых, азиатско-тихоокеанское направление является одним из ключевых приоритетов во внешней политике России, которая стремится к более интенсивному участию в разворачивающихся в АТР процессах политико-экономической кооперации и интеграции. В-третьих, вовлеченность России в эти процессы будет способствовать решению стратегической задачи по подъему регионов Сибири и Дальнего Востока и ускоренному созданию в этих регионах инфраструктуры, связывающей Европу и Азию. В-четвертых, в настоящее время приоритеты развития смещены от задач повышения гло-

бальной конкурентоспособности ключевых отраслей к решению задач устойчивости развития, а государства АТР демонстрируют устойчивые темпы роста даже в условиях ухудшения мировой конъюнктуры. В-пятых, в силу значительных достижений в инновационно-технологическом развитии передовые страны АТР смогут на взаимовыгодной основе способствовать реализации российских инновационных проектов.

В настоящее время уже начата работа по формированию «модернизационных альянсов» на основе инноваций в отраслях экономики с высокой добавленной стоимостью с Китаем, Индией, Южной Кореей, Японией, Сингапуром, Австралией. Ряд партнеров, в том числе из Южной Кореи, Китая проявляют большой интерес к инновационному центру Сколково. С Китаем и Индией Россия взаимодействует в атомной энергетике, космосе, сфере высоких технологий, других областях [2].

Ключевую роль в экономическом развитии региона и его индустриализации сыграла Япония, распространившая парадигму «летящих гусей», разработанную еще в конце 30-х годов японским ученым К. Акамацу как обобщенную теорию экономического развития, отражающую динамику внутренних процессов и изменение конкурентоспособности японского промышленного сектора. Постепенно Япония, а вместе с ней и страны второй стаи «летящих гусей» – новые азиатские индустриальные страны – перешли к техническому усовершенствованию производства, а в конце 90-х годов XX в. – к инновационной модели развития.

Инновационное развитие в странах АТР строится на активной роли государства. В Японии центральное правительство в лице Министерства международной торговли и промышленности оказывает значительную поддержку инновациям и играет ключевую роль в координации научно-исследовательских работ, в реализации программ развития НИОКР и поощрении частных компаний на базе тесного сотрудничества с Научно-технологическим агентством. Инновации, исследования и разработки объявлены стратегическим приоритетом, и Япония ранжируется второй среди стран ОЭСР как по абсолютной величине расходов на исследования и разработки, так и в их процентном отношении к ВВП, а по удельному весу вклада частного сектора уступает только Швеции и Южной Корее. Наука получает от государства льготные кредиты, в некоторых случаях приближающиеся по своим условиям к дотациям. Прямое государственное финансирование фундаментальных исследований и приоритетных прикладных работ осуществляется посредством системы грантов. Размещение государственного заказа на научно-исследовательские работы является составной частью федеральных программ. В стране растут финансирование НИОКР со стороны частного бизнеса и удельный вес числа НИИ при частных корпорациях. Частные компании ассигнуют средства преимущественно на прикладные исследования и опытно-конструкторские

разработки. Практикуется система обязательных квот на патентные заявки для каждого сектора корпоративного НИИ и поощрений за количество не только полученных патентов, но и поданных заявок.

Ряд примечательных особенностей характерен для построения национальной инновационной системы (НИС) Южной Кореи, правительство которой принимает самое активный участие в управлении НИС, особенно с середины 2000-х годов. Первая характеристика южнокорейской НИС роднит страну с другими малыми инновационными странами. Как и, например, в Финляндии, в разработке научно-технической политики Южной Кореи участвуют высокопоставленные чиновники правительства (министры и другие ключевые игроки), которые входят в состав Президентского консультативного совета по вопросам образования, науки и технологий, образованный с участием представителей промышленности и науки, и Национального научно-технического совета, образованного министрами. Особенно значительна роль Министерства образования, науки и технологий.

Вторая характеристика южнокорейской НИС отличает ее от Финляндии: НИС Кореи имеет сложную структуру управления, поэтому одна из ключевых задач страны – организовать адекватное управление быстро растущим портфелем политических мер и добиться согласованности научно-технической политики посредством горизонтальной (между консультативными советами и министерствами) и вертикальной координации (между министерствами и государственными научно-исследовательскими институтами).

Третья особенность корейской системы – двойственность корпоративных структур. В сфере исследований, развития и модернизации промышленности доминируют крупные конгломераты или транснациональные корпорации (*chaebols*, «чеболы», буквально «бизнес-семьи»), а малые и средние предприятия остаются относительно слаборазвитыми. В этом смысле, Корея по-прежнему представляет дуалистическую смесь характеристик развитых и развивающихся стран. Эта двойственность препятствует развитию предпринимательства и распространению технологий и знаний по всей стране. Сотрудничество и формирование сетей и каналов передачи знаний между компаниями, университетами и научно-исследовательскими институтами гораздо менее выражено, чем сотрудничество в рамках «чебол», поэтому его поощрение также является ключевой задачей корейской НИС. Наличие этой особенности южнокорейской НИС ограничивает возможности использования южнокорейского опыта в нашей стране.

Большой интерес для нас представляет и опыт Австралии. Словно отвечая на запросы России по отысканию самого эффективного опыта формирования конкурентных преимуществ инноваций, в Австралии в конце 2009 г. была принята программа инновационного развития до 2020 г., где особое место уделено именно тем вопросам, которые представляют наиболее слабые

стороны России: качеству институтов, систем управления и законодательной системы. Австралия демонстрирует устойчивые стабильные темпы роста в течение последних 17 лет и занимает сильные экономические позиции, базирующиеся на поддержании баланса между твердыми правовыми и регулятивными основами, с одной стороны, и бизнес-средой, благоприятствующей инновациям и развитию предпринимательства, – с другой. Иными словами, Австралия сильна в тех позициях, в которых Россия наиболее слаба. С другой стороны, Австралия, как, возможно, никакая другая страна, имеет много общего с Россией, и дело не только в приблизительной сопоставимости размеров территории (они все-таки неевропейские) и некоторых важнейших экономических параметров[1], но и в том, что в государственной политике этой страны, как и в российской, наблюдались «маятниковые» тенденции (гораздо меньшие, по сравнению с непревзойденными российскими), и некоторое время страна находилась на «минеральной игле».

Инновации находились в центре внимания австралийского правительства с 80-х годов XX в. В целях ускорения инновационного развития австралийской промышленности и укрепления взаимосвязи между исследователями и бизнесом применялись такие механизмы экономической политики как: субсидирование производства и торговый протекционизм; налоговое стимулирование научных исследований и разработок; создание специальных исследовательских центров: центров исследований в области сельского хозяйства, центров кооперативных исследований. Благодаря целенаправленной деятельности правительства и усилиям частного сектора в 80-е годы Австралия существенно продвинулась по инновационному пути, но в конце 90-х годах произошло значительное замедление инновационной динамики в связи с «минеральным бумом»: страна «подсела на минеральную иглу» взамен повышенного в предыдущий период внимания к инновациям. Такой сдвиг вызвал негативную реакцию многих экономических показателей. Прирост производительности, составлявший в период 1982–1996 гг. в среднем 1,4% в год, замедлился до 0,9% в год, а ее уровень снизился до уровня 1960-х годов. С 2003–2004 гг. реально сокращалась производительность. В результате ранг Австралии по индексу глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума снизился к началу 2000-х годов с 5-го до 18-го [9].

Главной причиной такого драматического экономического спада сами австралийские руководители назвали резкое сокращение затрат на науку и инновации – на 22% (в процентном отношении к ВВП), по сравнению с

1. См., в частности: The World Economic Forum. The Global Competitiveness Report, 2011–2012. [Электронный ресурс] URL:http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf; World Development Indicators database [Электронный ресурс] URL:http://ddp-ext.worldbank.org/ext/ddpreports/ViewSharedReport

1993–1994 гг. Расходы на науку и инновации составляли в конце 1990-х годов 2% в процентном отношении к ВВП, а среднегодовые темпы их прироста – 8% (для сравнения: в крупнейшей стране региона – Китае – расходы на науку и инновации возрастали, начиная с 1996 г. в среднем на 22% в год), в результате к 2007–2008 гг. доля расходов на науку и инновации сократилась в Австралии до 0,58% в процентном отношении к ВВП. В конце 1990-х годов резко сократились и государственные, и частные расходы на науку и инновации. Последние в начале XXI в. стали увеличиваться, однако удар 90-х годов оказался столь силен, что, несмотря на повышенные усилия правительства последних лет, только 15% инновационно-активного австралийского бизнеса производит расходы на НИОКР, и Австралия по-прежнему уступает по этому показателю странам, являющимся ее главными конкурентами [5].

По признанию австралийских правительственных кругов, декада политики «минеральных» приоритетов нанесла значительный ущерб позициям Австралии, сделало ее менее производительной и конкурентоспособной [6]. К чести австралийских правительственных кругов, они недолго «любовались» ухудшением экономической конъюнктуры – всего восемь лет, смогли соскочить с «минеральной иглы» и вернуться на инновационный путь развития.

Новое австралийское правительство, пришедшее к власти 3 декабря 2007 г., произвело разворот на 90^0 в государственной политике. Инновации, а не минеральные богатства, были признаны ключевым фактором повышения конкурентоспособности страны, роста подушевого дохода и жизненных стандартов. Бюджетные расходы на науку и инновации увеличились с 6,56 млрд. долл. в 2007–2008 гг. до 6,88 млрд. долл. в 2008–2009 гг. (на 5%). В дальнейшем планируется нарастание этих расходов [7].

Программа по совершенствованию австралийской НИС была инициирована 22 января 2008 г. Созданная для ее разработки комиссия провела анализ состояния и «провалов» НИС и сформулировала конкретные рекомендации по их преодолению. Неудачи, связанные с недостаточностью коммерческих инициатив и усилий для стимулирования желаемых экономических и социальных тенденций были отнесены к рыночным «провалам»; ограничение возможностей и масштаба инновационного развития, вызванное ошибками в политике и институциональными недостатками, – к системным «провалам» [8]. «Запуск» Программы инновационных реформ и трансформации НИС на следующие десять лет – до 2020 г. «Идеи, рождающие могущество: Инновационный план действий в XXI в.» [10] позволил создать условия для модернизации НИС (представляющие, на наш взгляд, большой интерес для России, поскольку могут быть созданы и в нашей стране), которые сводятся в четыре группы.

1. Построение современной архитектуры НИС.

2. Изменение на государственном и предпринимательском уровнях подходов к инновациям и их вкладу в экономическое развитие страны:

– перенос «центра тяжести» в инновационной политике: если в 1980-х годах главный упор делался на идею увеличения объема инноваций и, главное, ускорение их *коммерциализации*, то в 2009 г. акцент, не умаляя значимости коммерциализации инноваций, был сделан на создание на частных фирмах *возможностей* для восприятия и внедрения результатов НИОКР;

– признание увеличения в эпоху Интернета значения *прозрачности инноваций* и их открытости всему миру (переход на *открытую модель инноваций*).

3. Признание причин «провалов» в инновационном развитии в 1990-е годы: сокращение финансирования науки и инноваций, что выразилось в сокращении числа исследователей на 1000 занятых и числа зарегистрированных патентов; поддержание общественных доходов денежными потоками поступлений от продажи полезных ископаемых, генерируемыми «минеральным бумом» на развивающихся рынках.

4. Признание «сейсмических» сдвигов в экономической географии глобального производства и их причин: «самотрансформация» двух великих стран региона – Индии и Китая – в экономических гигантов было достигнуто благодаря экономической открытости и международной торговле (как это было в 1980-х годах и в Австралии), но главное конкурентное преимущество этих стран, как и других стран, превратившихся в богатейшие страны мира, – инновации [8].

Определяющие для конкурентоспособности факторы *формируются*, а не наследуются: факторы, данные стране изначально, могут давать конкурентные преимущества только ценовые, в определенных отраслях и в кратко- или среднесрочной перспективе; основой долговременных преимуществ являются *развитые специализированные* факторы, которые обеспечивают конкурентные преимущества «второй природы», т.е. агломерационный эффект, человеческий капитал и институты[2].

Реформирование НИС в Австралии нацелено и выполняет на практике формирование именно таких долгосрочных конкурентных преимуществ глобального характера. Представляется вполне возможным реформирование

2. Согласно «новой экономической географии» Пола Кругмана, к конкурентным преимуществам «первой природы» относятся данные изначально факторы, главным из которых является фактор природных ресурсов, к преимуществам «второй природы» – агломерационный эффект, человеческий капитал и институты (Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge, MASS, 1991; Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. – 1991. – N 99 (3). – P. 483–499).

российской НИС по этим же направлениям, поэтому рассмотрим их подробнее.

1. Человеческий капитал и социальные сети. Критическое значение для инноваций имеет человеческий капитал. В послевоенный период и до начала XXI в. Австралия была одной из ведущих стран ОЭСР по показателям государственного финансирования образования, однако по выше указанным причинам к 2003 г. затраты общественного сектора на образование сократились до 4,7% ВВП, спустившись ниже среднего для этой группы стран уровня 5% [8]. Формирование высококвалифицированного человеческого капитала требует усиления внимания к образованию всех уровней, от обучения детей в детских учреждениях первой ступени до вузов и образования на рабочих местах, поэтому все образовательные учреждения Австралии должны получить финансирование, адекватное запросам инновационного развития, что выразилось в значительном увеличении удельного веса в ВВП общественных затрат на образование.

2. Расширение исследовательских возможностей: Повышение финансирования исследований и укрепление их технической платформы. Австралия с успехом воспринимает и адаптирует 98% инновационных идей, генерируемых в мире [8]. Вместе с тем правительством признается настоятельная необходимость срочного повышения уровня общественного финансирования университетов, при *полном государственном финансировании исследований* в университетах и правительственных исследовательских агентствах, таких как Федеральная организация научных и промышленных исследований, Австралийский институт морских наук, Австралийская организация космических наук и технологий, с тем чтобы к 2020 г. войти в высшую четверть стран ОЭСР по показателю общественных затрат на НИОКР. Сильный и устойчивый общественный исследовательский сектор означает, что университеты выступают провайдерами исследований, а не их инвесторами. Разработчики реформы НИС Австралии настаивают на полном бюджетном финансировании научных исследований. Размер финансирования должен быть увязан с национальными приоритетами, которые могут изменяться, поэтому необходимо разработать гибкие и проактивные механизмы финансирования. Кроме того, необходимо адекватное финансирование отраслей, составляющих глобальную конкурентоспособность австралийской экономики, – сектор полезных ископаемых, сельское хозяйство, образование и туризм – для поддержания их на самом высоком мировом уровне [8].

3. Налоговое стимулирование НИОКР: Трансформация и рационализация налоговой системы. С момента своего принятия в 1980-х годах Программа налоговых послаблений НИОКР была сопряжена с возникновением новых проблем. Вместо урегулирования этих проблем в рамках одной программы, австралийское правительство пошло по пути принятия других

дополнительных программ налогового стимулирования НИОКР. В целях совершенствования системы налогового стимулирования НИОКР предполагается: устранить излишнюю сложность основной программы; увеличить базовый размер концессии; ввести 40%-ный налоговый кредит; увеличить размер финансовой поддержки малых предприятий – как за счет повышения планки отнесения фирмы к разряду «малый бизнес» с 5 млн. долл. оборота до 50 млн. долл., так и посредством полного устранения ограничений на финансирование НИОКР. Ожидается, что такое реформирование налоговой системы самым существенным образом повлияет на расширение частного инвестирования НИОКР [8].

4. Построение основ инновационного развития частных фирм и инновационных рабочих мест: Создание взаимосвязей. Страна может достичь процветания лишь в том случае, если критическая масса частных предприятий и рабочих мест станут инновационными – и не только по показателям новизны продукции и технологий, но и в их производственных операциях, взаимосвязях и бизнес-моделях. Всем бизнесменам на практике, а не в теории следует осознать, что Австралия существует во взаимосвязанной *глобальной экономике знаний*, в которой идеи, капиталы и даже рабочая сила могут стать доступными посредством щелчка «мыши». Именно это делает бизнес инновационным. Конкуренция на почве инноваций и знаний становится решающей для успешности бизнеса и всей нации. Ключевой вопрос – в расширении инновационных возможностей и улучшении бизнес-среды. Это должно стать центральным моментом в экономической политике правительства. В достижении этих целях планируется открыть новые программы бизнес инноваций и сотрудничества [8].

5. Потоки информации и рыночные инновации. Информация имеет критическое значение для развития рынка как наиболее эффективного и инновационного пути решения возникающих проблем, однако многие рынки страдают от асимметрии информации. Правительство может значительно улучшить потоки информации, сделать ее абсолютно доступной в целях максимизации ее использования и включения в добавленную стоимость – и тем самым способствовать улучшению функционирования рынка и повышению эффективности экономики. Предполагается внедрить в программах финансовой поддержки инновационных фирм *единый механизм прямого реагирования на запросы рынка*. В этих целях все программы финансовой поддержки инновационных фирм должны быть скоординированы в зависимости от целей конкретной стадии жизненного цикла инновационной фирмы. В центре внимания этих программ: создание технических возможностей фирм по восприятию и внедрению нового знания; организация сотрудничества – особенно между фирмами и университетами и общественными исследовательскими агентствами; совершенствование рынка капиталов.

6. Венчурное финансирование. В целях создания технических возможностей фирм по восприятию и внедрению нового знания предполагается: учредить новую программу помощи инновационным фирмам на высокорисковых ранних стадиях; расширить существующую в настоящее время программу взаимосвязей между предприятиями (the Enterprise Connect program); увеличить финансирование программ сотрудничества и взаимосвязей между предприятиями, осуществляемых центрами кооперативных исследований (Cooperative Research Centres, CRC); внедрить систему инновационных ваучеров с целью облегчения установления связей между малыми и средними предприятиями и исследовательским сообществом. Для России состояние венчурного финансирования является одной из самых слабых сторон ее НИС, тогда как его развитие следует рассматривать в качестве национального приоритета. В этой связи мы считаем весьма перспективным для России изучение и адаптацию австралийского опыта развития венчурного финансирования. Для ликвидации «пробела» в финансировании венчурных предприятий на ранних стадиях в Австралии был создан Фонд инновационного инвестирования и Фонд предпосевного инвестирования (Pre-Seed Fund), программы которых расширяются. В целях укрепления высокотехнологичных фирм и становления сетей сообществ оказывается существенная помощь бизнес-ангелам и укрепляются проекты в рамках Программы коммерциализации новых технологий (Commercialising Emerging Technologies, COMET).

Полноценное развитие рынка венчурного капитала может происходить только на базе полной прозрачности и доступности информации. Это предполагает наличие соответствующих достоверных данных, в том числе статистических. Для получения таких данных о венчурном финансировании предполагается оснастить Австралийское бюро статистики адекватным ресурсным обеспечением.

Другой критический момент в создании и успешном использовании нового знания – интеллектуальная собственность и ее защита. Нынешнее регулирование охраны интеллектуальной собственности, особенно в таких новых областях патентования как программное обеспечение и методология бизнеса, выступает препятствием для инноваций. Ключевые моменты охраны интеллектуальной собственности должны стать важным аспектом экономической политики государства.

7. Инновации в правительстве. В целях повышения «полноты и креативности» деятельности австралийского правительства по инновационному развитию страны предполагается провести ряд мероприятий, которые не потребуют больших финансовых затрат, но будут способствовать внедрению в австралийский общественный сектор «культуры инноваций»:

1. Создание специальной структуры, которая действует как в общественном, так и в частном секторе в качестве своеобразного «адвоката» в пользу

тех предприятий, которые хотели бы развиваться по инновационному пути, но встречают разного рода препятствия со стороны правительственных структур, а также являются источником финансовых средств и возможностей повышения квалификации для развития инновационных подходов.

2. Направление средств Совета Австралийского Правительства (Council of Australian Governments, COAG), предназначенных для проведения реформы НИС, на инициирование цикла внедрения инноваций и проведение экспериментов и аттестаций в масштабах всех австралийских штатов и территорий для выявления, что «работает», а что – нет.

8. Урегулирование институциональных «провалов». Инновационный процесс в Австралии сдерживается, во-первых, недостатками в институциональном устройстве страны, которые приводят к фрагментации и распылению инновационных ресурсов по вертикали и по горизонтали, т.е. внутри одной структуры и в отношениях между разными структурами, – как на уровне федерального правительства, так и на уровне правительств штатов и территорий, а, во-вторых, краткосрочностью периода финансирования инноваций. Необходима новая институциональная структура, которая смогла бы возглавить и координировать всю инновационную систему; установить и укрепить *взаимосвязи* между министерствами и юрисдикциями и охватывать широкий круг областей и инструментов экономической политики; сосредоточиться на *координации без централизации*. Для достижения этих целей предполагается создать новый правительственный орган – Национальный инновационный совет (National Innovation Council) под руководством премьер-министра для стратегического руководства инновационным процессом. Предполагается, что NIC заменит существующий ныне Научно-технический и инновационный совет премьер-министра (Prime Minister's Science, Engineering and Innovation Council) и будет поддерживаться Комиссией инновационной аттестации [8]. Правительство должно улучшить координацию финансирования программ. Для максимизации воздействия общественных инвестиций в инновации предлагается выработать систему принципов по вмешательству в инновационный процесс, которую приняли бы правительства штатов, территорий и федеральное правительство Австралии. Наконец, критическое значение имеет улучшение системы сбора и анализа данных, измерение инноваций и укрепление исследовательских технических возможностей, механизм аттестации и оценки инновационных программ.

9. Национальные инновационные приоритеты. Еще одна ключевая задача австралийского правительства – выявить и установить на официальном уровне национальные инновационные приоритеты, которые дополнили бы широкий спектр принятых ранее и действующих в настоящее время национальных исследовательских приоритетов. После масштабных консультаций с представителями производств и партий по всей стране все инновационные

приоритеты были классифицированы в две группы: относящиеся к областям прямого контроля общественного сектора; относящиеся к областям, в которых инновации в общественном секторе послужили бы толчком для развития спирали дополнительных инновационных усилий в частном секторе. К первой группе отнесены инновации в: сельскохозяйственном и продовольственном обеспечении; смягчении адаптации к изменениям климата; здравоохранении; решении проблем тропической окружающей среды; инфраструктуры, особенно в здравоохранении, образовании и доступа к общественной информации. Ко второй группе отнесены инновации в: секторе полезных ископаемых, космических науках и астрономии, финансовом и рисковом управлении, морских науках. Управлением и координацией этих приоритетов будет заниматься новый правительственный орган НИС.

Осуществление этих мероприятий должно привести не только к совершенствованию НИС Австралии, но и к новому витку инновационного развития страны. Представляется, что адаптация положительного австралийского опыта формирования конкурентного преимущества инновационного развития будет способствовать тому, что население нашей страны получит инновационные навыки и умения, а рабочие места будут соответствующим образом экипированы; затраты на научные исследования, проводимые в ряде российских вузов, будут полностью финансироваться из бюджетных средств, и вузы получат стимулы для четкой специализации исследований в зависимости от исследовательского превосходства вуза; частные инвестиции в инновации с целью повышения конкурентоспособности будут осуществляться все большим числом российских предпринимателей; рынки будут лучше приспособлены к запросам экономических акторов посредством совершенствования потоков и прозрачности информации, российские потребители получат адекватную информацию для формирования спроса в соответствии с наивысшими стандартами, а инновационные фирмы смогут удовлетворять этот спрос; в государственном секторе будет внедрена новая культура инноваций, и носители новых идей будут ощущать полную свободу для их разработки; бизнес и исследовательские организации будут активно вовлечены в международное сотрудничество; система налогового стимулирования НИОКР будет рационализирована; российская НИС будет адекватно скоординирована и интегрирована в систему национальных инновационных приоритетов, и будет создан единый государственный орган, эффективно координирующий инновационную деятельность исследовательских агентств. Это вполне достижимо в российских условиях при наличии воли и желания властных структур.

Литература

1. Новая роль Австралии в обеспечении безопасности в АТР. 20 января 2012 [Электронный ресурс] URL: http://www.rodon.org/polit-120120105543 (дата обращения: 27.05.2012).

2. Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: К миру, безопасности и устойчивому развитию [Электронный ресурс] URL: http://www.interaffairs.ru/read.php?item=8402 (дата обращения: 27.05.2012).

3. Тимошенко В.Н. Австралия во второй половине XX в.: В поисках национальной и политической идентичности. Центр изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Февраль 4th, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.ru.apircenter.org/staff/ (дата обращения: 27.05.2012).

4. Тимошенко В.Н. «Доктрина Дж. Говарда» и миротворческая деятельность Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник ТОГУ. Серия «Философия, культурология и педагогика». – Владивосток, 2011. – № 3 (22). – С. 233–238.

5. ABS, Innovation in Australian Business, 2006–07 (cat. no. 8158.0). Powering Ideas: An Innovation Agenda for the 21st Century [Электронный ресурс] URL: http://www.innovation.gov.au/innovationreview/Pages/home.aspx (дата обращения: 15.05.2012).

6. Australia's Innovation Performance. Powering Ideas: An Innovation Agenda for the 21st Century [Электронный ресурс] URL: http://www.innovation.gov.au/innovationreview/Pages/home.aspx (дата обращения: 15.05.2012).

7. Australia's Innovation System. Powering Ideas: An Innovation Agenda for the 21st Century. Australia's innovation performance. P. 17. [Электронный ресурс] URL: http://www.innovation.gov.au/innovationreview/Pages/home.aspx (дата обращения: 15.05.2012).

8. Australian Review of the National Innovation System. Overview. [Электронный ресурс] URL: http://www.innovation.gov.au/innovationreview/Pages/home.aspx (дата обращения: 15.05.2012).

9. Early Action. Powering Ideas: An Innovation Agenda for the 21st Century [Электронный ресурс] URL: http://www.innovation.gov.au/innovationreview/Pages/home.aspx (дата обращения: 15.05.2012).

10. Powering Ideas: An Innovation Agenda for the 21st Century. Australia's innovation performance. P. 17. [Электронный ресурс] URL: http://www.innovation.gov.au/innovationreview/Pages/ home.aspx (дата обращения: 15.05.2012).

Т.В. Чубарова

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В МИРЕ: МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Чубарова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, заведующая Центром экономической теории социального сектора ИЭ РАН.

1. «Железный треугольник здравоохранения»

Сегодня во многих развитых странах подходы к охране здоровья населения, механизмы, которые при этом используются, претерпевают существенные изменения. Хотя конкретные меры различаются, но везде вопрос решается в рамках трех важнейших параметров, которые некоторые эксперты концептуализируют как «железный треугольник здравоохранения» – затраты, доступ, качество[1]. Иными словами, изменения затрагивают финансовые параметры (как доходы, так и расходы), предоставление услуг (кто и какие услуги получает) и обеспечение качества обслуживания. Основная задача, которую сегодня приходится решать развитым странам, состоит в том, чтобы обеспечить доступ большинства населения к качественным медицинским услугам и при этом сдерживать рост расходов.

Финансовые аспекты функционирования систем здравоохранения сегодня выходят на первый план. В странах ОЭСР, например, общественные расходы на здравоохранение, начиная с 1970 г. в среднем ежегодно растут на 1,5% больше, чем ВВП этих же стран. В результате их доля в ВВП за этот период практически удвоились – с 3,5 до 6,8%. Необходимо подчеркнуть – во всех странах ОЭСР – рост общих расходов на здравоохранение опережает темпы экономического роста, что привело к повышению их доли в ВВП в среднем с 7,8% (2000) до 9,5% (2009). При этом заметим, что в ходе недавнего экономического кризиса в некоторых странах ВВП падал, а расходы на здравоохранение, наоборот, росли, что привело к резкому увеличению доли

1. Kissick W.L. Medicine's Dillemmas: Infinite Needs versus Finite Resources. 1994.

последних в ВВП. В Ирландии, например, она выросла с 7,5% в 2007 до 8,7 в 2008 г., а в Испании – с 8,4 до 9,0%[2].

В этих условиях необходимо определить, до какого предела возможен рост расходов, кто и с помощью каких механизмов должен их оплачивать. Сегодня основная доля расходов в большинстве стран ОЭСР лежит на плечах государства. Причем она заметно выросла, в среднем с 12% в 1990 до 16 в 2008 г. Это самый высокий уровень за весь рассматриваемый период. Учитывая необходимость снижения дефицита бюджета, многим государствам ОЭСР предстоит сделать сложный выбор: как в условиях экономии государственных средств поддержать свои системы здравоохранения. Среди возможных обсуждаемых вариантов – обуздание роста общественных расходов на здравоохранение, снижение расходов в других областях, рост налогов.

Методы финансирования здравоохранения также значительно различаются по странам. Основная доля средств может поступать за счет общего налогообложения как, например, в странах Скандинавии, Италии и Великобритании. Обязательное медицинское страхование представляет собой основной источник финансирования здравоохранения в Германии, Франции и в ряде других государств континентальной Европы. Хотя в основном медицинские услуги в развитых странах финансируются на основе предоплаты, в отдельных государствах пациенты непосредственно оплачивают определенную долю расходов на медицинское обслуживание через систему совместных платежей или добровольного страхования. При этом в большинстве случаев государство освобождает определенные группы населения от оплаты или устанавливает определенные ограничения на сумму, которую должно вносить население.

Под *доступом* понимается возможность для гражданина получить необходимый набор медицинских услуг. Доступ имеет различные аспекты, среди которых обычно выделяют территориальный, финансовый и культурный. При этом даже если в стране поставлена политическая задача обеспечить всеобщий доступ населения, ее практическое воплощение может столкнуться с серьезными трудностями, например с наличием финансовых барьеров в получении медицинской помощи, неадекватным предложением медицинских услуг, дискриминацией по социальным характеристикам[3]. Поэтому сегодня в развитых странах, несмотря на то что они обеспечивают практически 100%-ный охват населения (за исключением, пожалуй, только США), попрежнему сохраняется проблема неравенства в доступе к услугам здраво-

2. OECD Health Data, 2010.

3. Docteur, Oxley N. Health care systems: lessons from the reform experience. OECD, Econ. Dept. WP № 304, 2003.

охранения. Даже в таких странах, как Швеция и Финляндия, которые традиционно связываются с достаточно эгалитарной социальной политикой[4].

Одним из наиболее ярких проявлений проблем с *качеством* медицинского обслуживания стали врачебные ошибки. Новый импульс дискуссиям на эту тему дал известный доклад Института медицины в США, который подчеркнул, что ценой ошибки может быть жизнь человека[5]. Согласно данным, опубликованным в докладе, от 44 до 98 тыс. американцев умирают ежегодно от врачебной ошибки и еще около миллиона получают ту или иную травму. В целом по стране смертность в больницах от врачебных ошибок заняла восьмое место, опередив рак груди, СПИД и несчастные случаи.

Таким образом, в развитых странах выдвигаются схожие задачи как в области политики здравоохранения (всеобщий или почти всеобщий доступ населения к услугам охраны здоровья и высокое качество медицинского обслуживания при рационализации затрат), так и в отношении механизмов, с помощью которых предполагается этих целей достичь, прежде всего сбалансированных бюджетов.

После периода расширения социальных прав в области охраны здоровья, начиная с середины 1970-х годов, большинство стран пережили реформы систем здравоохранения, направленные на повышение эффективности как на макроуровне (сдерживание расходов), так и микроуровне (взаимодействие между потребителями, поставщиками и третьей стороной – плательщиком). При этом необходимость реформ во многом определяется общими проблемами государства благосостояния и может рассматриваться как идущая извне сектора здравоохранения, вытекающая из макроэкономического контекста, демографической динамики и новых ожиданий граждан. Вместе с тем некоторые проблемы специфичны для здравоохранения, например изменение продолжительности жизни и структуры заболеваемости, растущее неравенство в предоставлении услуг и их низкая техническая и распределительная эффективность. Отсюда формируется триединая задача – во-первых, улучшить отношение к пациентам, во-вторых, укрепить здоровье населения и, в-третьих, сократить подушевые расходы на здравоохранение[6].

4. Lahelma E., Lundberg O. Health inequalities in European welfare states // European Journal of Public Health (2009) 19 (5):445–446.

5. To Err Is Human. Building a Safer Health System. Kohn L.T., Corrigan J.M., Donaldson M.S. eds. Institute of Medicine. National Academy Press. – Washington, D.C. 2000.

6. Berwick DM, Nolan TW, Whittington J. The triple aim: care, health, and cost // Health Affairs. 2008; 27(3):759–769.

Реформы общественного сектора стали главной темой здравоохранительной политики. При этом, несмотря на существенные национальные различия, во многих странах происходит развитие рыночных отношений в здравоохранении, в частности продвигается идея необходимости внедрения конкуренции в работу медицинских учреждений. Причем это отнюдь не является «техническим» способом решения существующих проблем, как это часто пытаются представить. Расширение сферы действия рыночного механизма имеет принципиальные последствия для будущего систем здравоохранения. В этом контексте важнейший, на наш взгляд, вопрос сегодня состоит в том, каково будет соотношение между «коллективным» и «индивидуальным» в области охраны здоровья. Иными словами, кто должен отвечать за здоровье человека – общество или он сам?

Системы здравоохранения: Методология анализа

Анализ систем здравоохранения нужно начинать с понимания здоровья. Оно весьма многогранно и определяется как взглядами экспертов и специалистов, так и тех, кто профессионально не занимается вопросами здоровья. В результате сложилось два подхода, которые условно можно определить как медицинский и социальный. Согласно более узкому или так называемому медицинскому подходу, здоровье понимается как отсутствие болезни или недомогания. Однако в последнее время практически общее признание получил более широкий социальный подход, который утверждает, что здоровье «это состояние полного физического, душевного и социального благосостояния, а не просто отсутствие болезни»[7].

Это определение, данное Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) еще в 1946 г., определяет здоровье как позитивную концепцию, учитывающую не только физиологические возможности человека, но и те социальные и личностные ресурсы, которыми он располагает. В рамках социальной модели человеческая физиология и медицинская помощь (хотя они и остаются важными определителями здоровья) являются частью более широкого «поля здоровья». Подчеркивается важность индивидуальных поведенческих факторов, с одной стороны, и материальных, экономических и психосоциальных факторов – с другой, их комплексная взаимосвязь в обеспечении здоровья и преодолении болезни. Признается сложное соотношение между воздействием на здоровье и болезнь человека биологических и социальных факторов.

Такое комплексное понимание здоровья обусловливает методологические трудности в его измерении. Для этого предлагаются различные индика-

7. WHO, 1946. Constitution. – Geneva, World Health Organization.

торы. Проблема может быть хорошо проиллюстрирована показателями, которые использует для оценки здоровья американцев программа «Healthy People 2020». Они включают следующие показатели.

– Продолжительность жизни – при рождении и в возрасте 65 лет.

– Продолжительность здоровой жизни.

– Годы потенциальной потерянной жизни (years of potential life lost), показывающие преждевременную смертность.

– Дни физического и душевного нездоровья в течение последних 30 дней (например, исследования, проведенные в рамках рассматриваемой программы, показали, что в 2008 г. в среднем американцы имели 3,6 дня физического нездоровья и 3,4 дня душевного нездоровья).

– Самооценка здоровья – обычно по шкале от «отличного» до «плохого» самочувствия.

– Ограничения активности.

– Бремя хронических заболеваний (по таким нозологиям как сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, артрит, диабет, астма).

Эти индикаторы показывают, что достаточно сложно дать объективную оценку состояния здоровья человека и поэтому часто она строится на основе опроса и носит субъективный характер.

Важно также понять, что собой представляет система здравоохранения, какие виды деятельности и институты она включает. Различные понимания системы здравоохранения можно сгруппировать следующим образом:

- «Все виды деятельности, главная цель которых состоит в продвижении, восстановлении и поддержании здоровья»[8].
- Меры, непосредственно направленные на обеспечение здоровья, т.е. система оказания медицинских услуг.
- Более широкие меры, направленные на поддержание здоровья, например здоровый образ жизни, охрана окружающей среды.
- Некоторые виды деятельности и услуги, которые не имеют первоначальной целью обеспечение здоровья, но оказывают на него существенное косвенное влияние, например образование или жилье.

Таким образом, понимание системы здравоохранения может быть различным. Однако чаще всего речь идет о медицинской помощи, и это неслучайно, ибо как бы ни рассматривалась система здравоохранения – более узко или более широко – оказание медицинской помощи остается (пока, во всяком случае) ее основой. Традиционно ВОЗ оценивает вклад медицинской помощи в поддержание здоровья населения в 20%, отдавая решающую роль образу и условиям жизни, экологии, питанию и т.д. Однако в последнее время появи-

8. ВОЗ 2000.

лись исследования, которые показывают, что роль медицинской помощи, ее возможности в связи с развитием новых технологий, возможно, больше. В связи с этим появилось понятие смертей, которые можно избежать (*avoidable mortality*). Это важно, так как обеспечение доступа к своевременной и качественной медицинской помощи – задача, которая поддается управлению со стороны государства, в то время как другие включают сферу личной жизни человека, на которую влиять гораздо сложнее. Обеспечение доступа к медицинской помощи вместе с развитием систем здравоохранения стало проблемой не только социальной, но и политической.

Понимание охраны здоровья как системы требует реализации комплексного подхода в здравоохранительной политике. Достаточно часто речь идет о ее отдельных элементах, например об организации медицинских учреждений или используемых способах финансирования. Это связано и с традиционным административным делением: обычно в министерствах здравоохранения существуют отдельные подразделения, занимающиеся этими вопросами. Но такой подход игнорирует реальную ситуацию, в которой здравоохранение развивается как комплексная система, где каждый элемент играет свою роль, но при этом неразрывно связан с другими. Это тем более важно в современных условиях, когда все большее внимание уделяется общему функционированию системы здравоохранения с акцентом на результат, удовлетворение потребностей потребителя и высокое качество обслуживания.

В развитых странах сегодня происходит переход от политики здравоохранения (health-care policy) к политике здоровья (health policy). Однако хотя разработаны такие программные документы как Стратегия «Здоровье для всех», принятая ВОЗ, на практике поворот к идеям продвижения здоровья происходит достаточно медленно.

Новые подходы к здравоохранению, на которые сегодня ориентируются развитые страны, можно сгруппировать вокруг следующих направлений.

- *Вложение (инвестиции) в здоровье*. Здоровье является не побочным продуктом экономического развития страны, а одной из важнейших детерминант экономического развития и обеспечения благосостояния населения. Поэтому расходы на охрану здоровья следует рассматривать не как затраты, а как инвестиции, диалектически связанные с экономическим развитием любой страны. Речь должна идти не об экономии и сокращении затрат на здравоохранение, а о том, что вложение в здоровье ведет к существенным экономическим результатам.
- *Система охраны здоровья должна не просто улучшить здоровье населения, но и реагировать на немедицинские потребности граждан в вопросах охраны здоровья.* Программа развития системы охраны здоровья должна включать не только развитие медицинских учреждений, но и

более широкие вопросы, такие как чистая и безопасная окружающая среда, обеспеченность водой, борьба с курением, правильное питание. Важную роль играет также социальный аспект здравоохранения, который связан, с одной стороны, с развитием социальных служб в системе здравоохранения, а с другой – отношением к пациентам в системе и тем, как они его воспринимают.

- *Введение практики оценки государственными органами последствий для состояния здоровья населения любых мер, предпринимаемых на территории.* Необходимо осознание приоритетности охраны здоровья населения и стратегической важности его улучшения для будущего страны, изменить весь подход к охране здоровья населения, включив ее в процесс развития общества, принятия политических решений.
- *Включение граждан в механизмы осуществления реформы здравоохранения.* Говорить об успехах реформы можно только тогда когда люди начнут воспринимать предпринимаемые изменения в секторе здравоохранения как инвестиции в их собственное будущее. Степень участия граждан определяется двумя основными параметрами, а именно: учетом мнений граждан относительно целей и структуры здравоохранения; полномочиями и правами граждан в отношении влияния на принимаемые решения.

Социальная ответственность в здравоохранении: Индивид и общество

Система охраны здоровья во многом определяется конкретными социально-экономическими, политическими, культурными традициями той или иной страны. Однако во всех случаях роль государства в системе охраны здоровья рассматривается в рамках идеи социальной ответственности. Последняя возникает на основе социальных норм и реализуется как через формы социального контроля (общественное мнение, устав, закон), так и через понимание общественными субъектами своей общественной роли[9]. Причем социальная ответственность не обязательно имеет вертикальную иерархическую структуру, связанную с исполнением определенных обязанностей, а включает обширные горизонтальные связи, соединяющие элементы общественной жизни более тесными и неформальными узами.

Государство тем не менее продолжает играть ключевую и возрастающую роль, связанную с появлением у него в современной системе здравоохранения новых функций. Это:

9. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. академика РАН Г.В. Осипова. 1998.

– формирование стратегии на национальном уровне;
– строгое регулирование общих расходов и качества услуг;
– определение стандартов в здравоохранении в широком понимании;
– контроль и оценка результата.

В настоящее время происходит усиление государственного регулирования даже в страховых системах. Ведь здравоохранение это не просто экономическая, но и социальная система. Она отражает отношения граждан с государством, является предметом национальной идентификации. В этих условиях магистральной линией развития здравоохранения в ряде стран становится не просто обеспечение минимальных социальных стандартов, направленных на поддержание уровня благосостояния бедных, а обеспечение социального качества жизни для всего населения.

Однако, как это ни парадоксально, в последнее время происходит усиление позиций индивидуальной ответственности в здравоохранении. Она пока не так заметна в большинстве развитых стран и ее понимание еще не сформулировано эксплицитно. Концентрированным выражением индивидуализма в здравоохранении являются США – сегодня на рассмотрении Верховного суда находится иск ряда штатов к федеральным властям против введения так называемого обязательного мандата, т.е. обязательности приобретения медицинского полиса в том или ином объеме для каждого гражданина США.

Индивидуальная ответственность продвигается по крайней мере в двух направлениях совершенно очевидно.

Первое – пропаганда здорового образа жизни, которому во всех развитых странах уделяется растущее внимание. Сегодня все популярнее становится идея о том, что человек должен сам отвечать за свое здоровье, прежде всего отказаться от вредных привычек, правильно питаться, заниматься спортом. Подразумевается, что общество компенсирует человеку то, что находится вне его контроля, и прямо наказывает за поведение, которое сознательно ведет к ухудшению здоровья.

Другое направление – введение различного рода непосредственных платежей населения за медицинские услуги. В ряде стран сегодня вводятся индивидуальные доплаты пациентов, которые могут принимать форму совместных с государством платежей или платы за отдельные услуги.

Оба этих примера по существу можно рассматривать как способы рационирования ограниченных ресурсов, выделяемых обществом на здравоохранение. Однако необходимо отметить, что они весьма спорны. В первом случае, если учесть что на состояние здоровья влияют уровень жизни, бедность и неравенство, придется признать, что возможность здоровой жизни не всегда зависит непосредственно от человека. Во втором случае материальные возможности населения также играют существенную роль, ведь введение плате-

жей означает, что человек финансирует определенные медицинские услуги из своих личных средств. Ясно, что будет снижаться потребление услуг, тем самым обеспечивая экономию ресурсов в здравоохранении для более нуждающихся. Однако оборотная сторона этого заключается в том, что личные платежи могут удержать малообеспеченных людей от своевременного обращения за медицинской помощью и в конечном счете лечение запущенных случаев им обойдется дороже.

Сегодня идет поиск баланса между коллективным и индивидуальным, общественным и личным не только в здравоохранении. Индивидуальная ответственность в здравоохранении связана с проявлением рыночных идей, однако при кажущейся логичности они не могут быть прямо распространены на здравоохранение. Особенность медицинских услуг не позволяет рассматривать их как обычный рыночный товар, который можно легко продать и купить на рынке, продажа которого имеет основной целью извлечение прибыли. Это своего рода социальный товар, так как их оказание индивидам также приносит выгоду всему обществу[10].

В обществе, основанном на принципе гуманизма, здоровье не может быть только предметом счета, это основополагающая общечеловеческая ценность, без которой все остальные ценности становятся бессмысленными. Как представляется, главная задача системы здравоохранения состоит в том, чтобы обеспечить реализацию гуманистического начала в рамках конкретной системы организации общественной жизни. В рыночной экономике постановка звучит еще жестче – как сделать так, чтобы никому не было отказано в медицинской помощи только потому, что у него нет средств на ее оплату.

Основная проблема для неоклассической парадигмы в области экономики здравоохранения – как сочетать эффективность и справедливость. В основе понимания рынка в здравоохранении лежат три идеи, а именно: важность удовлетворения индивидуальных преференций; приоритет эффективности перед справедливостью; выбор потребителя как основа распределения ресурсов в здравоохранении. Неоклассики полагают, что рынок можно рассматривать как бесстрастный объективный механизм распределения ограниченных ресурсов, выделяемых обществом на здравоохранение.

Однако такой узкий подход невозможен в здравоохранении, которое основывается на универсалистских гуманистических принципах и в котором немедленно и неизбежно возникают вопросы справедливости, равенства, прав, доверия, участия и достоинства. Более того, их нельзя решить в рамках рынка как безличностного обмена между атомизированными индивидами.

10. Чубарова Т.В. Обеспечение населения медицинскими услугами: Экономический аспект. Проблемы прогнозирования, 2008, № 6.

Из социального определения здоровья вытекает, что экономическое объяснение вопросов охраны здоровья содержит существенный социальный и этический компонент. Необходимо признание того факта, что организация и распределение ресурсов на здравоохранение в современном обществе должны во многом определяться социальными ценностями, прежде всего такими как солидарность и справедливость.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В.М. Шевырин

«Я – КАКОЙ-ТО МОГИЛЬЩИК» (ЛЕВ ТИХОМИРОВ В НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Эти удивительные слова Л.А. Тихомирова о себе, записанные им в дневнике 22 октября 1916 г. [1, с. 296] можно бы поставить в качестве эпиграфа ко всей его жизни. И новое исследование А.В. Репникова и О.А. Милевского меня только убеждает в этом, хотя, наверное, они едва ли разделяют такое самобичевание героя своей книги. Но что делать, если все, к чему он обращался, становилось руинами, а горестные ламентации о втуне прожитой жизни (самим ли загубленной или / и загнанной, затравленной сурово-капризным русским историческим процессом), часто несутся со страниц его дневника? Поразительные метаморфозы Л. Тихомирова и соответственно – его творчество оставили такой причудливый шлейф в истории, что могут порождать и самые «экзотические» представления о нем.

Но самому ему хотелось быть созидателем. Тихомиров считал, что он «не был ни консерватором, ни радикалом» [1, с. 132]. И из жизни он уходил «с сознанием, что искренне хотел блага народу, России, человечеству». Но вынужден был констатировать, что его идеи и представления «об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством» [1, с. 358]. При его-то умопомрачительных политических кульбитах, – и такое постоянство в желании этого блага! И многие, естественно, считали и считают его парадоксальной личностью. А Г.П. Федотов и вовсе развел руками: Лев Тихомиров – загадка! Знаток душ исторических знаменитостей Е. Тарле заклеймил Тихомирова, но «наполовину», почти как Пушкин Воронцова, – как «скорбного, но подлого полупрохвоста» [7, с. 144]. Некоторые серьезно полагают, что только какой-нибудь новой «больной совести нашей» будет «по плечу» этот феномен. Сейчас исследователей как прорвало: Тихомиров в повальной историографической моде и отношение к нему куда благосклоннее, чем в какие-

либо другие времена. Есть и немало его восторженных почитателей, готовых принять идеи мыслителя как истину в последней инстанции, требующую немедленной реализации. Но перед ними А.В. Репников и О.А. Милевский благоразумно опускают «шлагбаум»: «Нельзя осуществить транзит концепций вековой давности в политическое пространство современной России» [7, с. 6]. И вообще экскурс этих двух авторов в литературу вопроса блистателен как, собственно, и само их повествование о «двух жизнях» Льва Тихомирова, при всем том, что мысль именно о двух его жизнях, не нова [см., напр.: 5, с. 384]. Впрочем, почему две, а не три или четыре, если считать все «перелеты» Тихомирова, ведь газеты в марте 1917 г. писали о его «двойном ренегатстве», а позже он пошел если не в советскую «Каноссу», то в КУБУ!?

Книга и в целом «провокативна» в самом хорошем смысле слова: она побуждает к размышлениям. Так, в ней утверждается, что мировоззрение Тихомирова определяло его поступки [7, с. 25]. Но авторы приводят и мнения современников Тихомирова (В. Фигнер, Н. Морозова, Я. Стефановича и др.), видевших в основе этих поступков иные причины, и историков, в частности. Н.А. Рожкова, находившего, что «виной всему было честолюбие Тихомирова, слишком развитый инстинкт самосохранения и стремление к материальной обеспеченности» [7, с. 8] и Э. Глисона, приходившего к выводу, что «крайняя приспособляемость была отличительной чертой характера Тихомирова» [7, с. 20].

Однако приводить эти мнения, это еще не значит их разделять. Особенности характера и психики Тихомирова принимаются во внимание в монографии, но они имеют в ней второстепенное значение для понимания ее авторами эволюции их персонажа. В их интерпретации главное, так сказать, «магистраль» жизни Льва Тихомирова, – его «мировоззренческие установки». Но ведь бывает, что и такую «магистраль» приспосабливают к «рельефу местности», к ее «ландшафту», т.е. к особенностям характера и психологии, к обстоятельствам жизни. Не тот ли случай и с Тихомировым? И потому при чтении книги возникают вопросы: не завышают ли авторы «революционный балл» Тихомирову, и не слишком ли подчеркивают идейную основу, его изменившееся мировоззрение, как глубинную причину его «разрыва» с революцией и перехода на сторону самодержавия? Разумеется, была и «революционность», и последующее переосмысление «багажа» радикализма. И все же, как мне представляется, на поведение Тихомирова порой мощно воздействовали и в конце концов резко выделили его из других руководителей «Народной воли» именно его психологические особенности, черты характера, личные склонности и предпочтения. А они, в свою очередь, в той мере, в какой влияли на политическую «смену вех» Тихомировым, накладывали свой отпечаток и на судьбу «Народной воли», и в определенной степени на историю самодержавия.

По крайней мере, мне не кажется его революционный стаж ни столь пространным (1873–1888), ни столь беспорочным («высоко державший знамя “Народной воли” Тихомиров»), как то сказано в книге [7, с. 179]. Впрочем, в новой литературе есть и бьющие через край оценки Тихомирова: «дипломированный» четырьмя годами тюрьмы революционер, «ортодоксальный террорист», который удивлял современников своей «верой и энергией», «олицетворение молодости русского терроризма» [9].

Между тем Тихомиров едва ли был таким идеальным революционером без страха и упрека. В нем чувствовалась некая «червоточинка». Причем с самого начала его революционного пути, чуть ли не с самого дебюта на поприще радикализма. В главе «Рождение революционера» авторы, показывая его деятельность как «чайковца», пишут, что «в революционном лагере авторитет Тихомирова как литератора был достаточно высок» [7, с. 56]. Действительно, его «Сказка о четырех братьях», например, разошлась в стране довольно широко. Но ведь факт, что «чайковцы», прочитав ее в рукописи, «совсем разочаровались». С их точки зрения, она была, как сказали бы в советское время, «идеологически не выдержана», и П. Кропоткин по решению кружка дописал несколько страниц, после чего она «пошла в народ».

Другая сторона деятельности Тихомирова, пропаганда среди рабочих, в Москве как-то не клеилась, а в Питере была чрезвычайно короткой: в сентябре 1873 г. он приехал в столицу, а вскоре его арестовали, – случайно, на квартире его друга, С. Синегуба, тоже «чайковца». Симптоматично, что оценивая общественно-политическое мировоззрение Тихомирова, авторы признают: «Он в это время разделял идеи скорее культурно-просветительские, нежели бунтовские» [7, с. 58].

Ну, а как «революционизировался» Тихомиров дальше? Сидел девять месяцев в Петропавловской крепости и... «сломался», «порешил», по его словам, «сдаться» [7, с. 65]. Стал «подаванцем»: написал следователю «слезницу», что не будет вести никакую пропаганду и никуда не скроется, мол, – слово революционера, только выпустите из узилища. Трудно сказать, как бы сложилась судьба подающего надежды революционера, если бы в 1876 г. его не перевели в новый дом предварительного заключения, вполне комфортабельный для того времени и, главное, с небывало «щадящим» (особенно в сравнении с Петропавловкой), либеральным режимом, настолько «вольным», что даже разрешались свидания в камерах с приходящими с воли «невестами». Тихомирова посещала С. Перовская, которая и впрямь стала его невестой.

Минуло четыре года «отсидки» и после нашумевшего «процесса 193-х», его выпустили под надзор полиции, – в родные пенаты, в Новороссийск. Но он быстро понял: полиция ему не даст здесь жизни. И когда пришел «вызов» от С. Перовской, он устремился в Питер, перешел на нелегальное положение.

И здесь «автоматом» стал членом «Земли и Воли»: за ним был авторитет революционного литератора и ореол мученика за правое дело. И с самых истоков «Народной воли», с Липецкого съезда, он в руководстве организации (член Исполкома, член Распорядительной комиссии, редактор печатного органа).

Но и в «Народной воле» Тихомиров – революционер не без «червоточинки». И это была та «язвочка», которая со временем «съела», погубила вконец революционера. Неслучайно, что позже он решительно заявлял о своей непричастности к делу 1 марта 1881 г. Но его «странности» начали проявляться, к удивлению и изумлению его товарищей, еще в 1880 г., в «звездную» пору «Народной воли». А.П. Прибылева-Корба заметила, что уже тюремное заключение плохо подействовало на Тихомирова, который постепенно отходил от революционной деятельности. В партии его считали теоретиком и ценили прежде всего как такового, хотя впоследствии и раздавались голоса (например, М. Фроленко), что он лишь придавал блестящую литературную форму идеям и помыслам своих коллег. Тихомиров, однако, не был литературным поденщиком, слепо выполнявшим заказы организации. Он обобщал и развивал идеи «Народной воли» и его статьи шли в русле ее идеологии. Но не всегда. Народовольцы в большинстве своем не разделяли устремлений бланкизма. Их позиция была иной: действовать с народом и для народа. Поэтому бывшие члены Исполкома, дожившие до советских времен, посчитали копию бланкистского по духу письма к Лаврову, найденную в его бумагах, фальшивкой, порочащей их организацию. Но в 1960-х годах в архиве отыскался и оригинал этого письма, принадлежавший перу Тихомирова. От бланкизма, как оказалось, недалек был путь к апологетике монархии и самодержавия. Обращает на себя внимание и другой аспект литературного творчества Тихомирова, – его все более активное сотрудничество с легальной печатью. И он явно тяготится своими революционными обязанностями.

Летом 1880 г. Тихомиров к негодованию А. Михайлова и других членов Исполкома попросил разрешения вернуться в частную жизнь, хотя народовольцы, вступая в Комитет, давали слово никогда не покидать его. Тихомиров вышел из Распорядительной комиссии (мотивируя необходимостью сосредоточиться на литературной работе партии). Годы спустя, он писал, что уже с 1880–1881 гг. «нередко подмечал какой-то глубокий разлад между собой и товарищами, на вид так уважающими меня. Они искренне, конечно, полагали, что мой авторитет велик для них, но в действительности я чем дольше, тем больше чувствовал, что они меня, в сущности, не понимают... разлад был и в моей собственной душе, где все, что ум мой выработал самостоятельно, давно боролось с приобретенными на веру идеями революции» [7, с. 116]. По его словам, «верой и правдой, по совести и убеждению, прослужил я почти до конца 1880 г. Тут я – и не я один – стал чувствовать, что в

этом движении нет творящей силы. 1881 год я прожил весь уже с чисто формальной "верностью знамени"» [7, с. 117]. С Ольгой Любатович он откровенничал: «Я не верю вообще в успех революционного дела» [там же].

Что же так, поистине роковым образом, повлияло на эту веру Тихомирова? И тут нельзя не обратить внимания на то, что перед тем, как он «запросился» в отставку, у него «резко проявилась шпиономания», настоящий «пароксизм малодушия», – он панически боялся агентов полиции, слежки за собой, и от этого доходил до состояния нервного срыва. А. Михайлов пытался успокаивать Тихомирова, посылал для его сопровождения, обеспечения безопасности боевиков с револьверами. Исполком – беспрецедентный случай – дал Тихомирову отпуск. Поправить здоровье. Но это состояние развивалось в нем «крещендо», усилившись с ноября 1880 г., со времени казни А. Квятковского и А. Преснякова и ареста А. Михайлова. Затем грянули аресты А. Желябова и Н. Клеточникова, – огромные, невосполнимые утраты для «Народной воли». Мощное «энергетическое поле» этих неустрашимых, преданных революции деятелей, которое испытывал Тихомиров, резко ослабло, высвобождая все его страхи и неверие в революцию, его малодушие.

После 1 марта 1881 г. он все более «изумлял» народовольцев: надел на рукав траурную повязку по случаю смерти Александра II, ходил в церковь и «принес присягу новому императору». В. Фигнер вспоминала, что «шпиономания, по-видимому, овладела им» и он стремился засвидетельствовать «свою благонадежность». Она писала, что «на такие махинации никто из нелегальных не пускался до него ни при каких обстоятельствах» [8, с. 303]. Но апогеем малодушия Тихомирова стало его поведение на заседании Исполкома «Народной воли» в начале марта 1881 г., вскоре после цареубийства. На этой встрече руководителей организации В. Фигнер заклинала своих товарищей продолжить активную борьбу, провести акцию против Александра III, когда он поедет по Садовой (там уже был сделан подкоп и все было готово к взрыву). Но резко против этого выступил Тихомиров. Тогда он был еще влиятельным членом Исполкома и мог, вероятно, склонить чашу весов в иную сторону. Однако он предпочел, в сущности, «выйти из игры» и увлек за собой членов Исполкома (а их было на заседании более десяти человек). В. Фигнер заклеймила поведение Исполкома эмоциональным и уничтожающим: «Это трусость!» Тихомиров и еще один народоволец подняли крик: «Вы не имеете права говорить так!» Остальные молчали, и дело было снято с очереди [8, с. 307]. Похоже, что в отношении Тихомирова слова В. Фигнер попали, что называется, в точку.

Между тем в книге А.В. Репникова и О.А. Милевского это заседание рассматривается так: «Осуществленное цареубийство поставило перед организацией вопрос ребром – есть ли наличные силы для открытого выступления. На заседании спешно собравшегося ИК выяснилось: сил нет. Правота Тихоми-

рова не требовала подтверждения. Террор, бесконечная погоня за царем полностью обескровили «Народную волю» [7, с. 119]. Тезис об «обескровленности» «Народной Воли», «исчерпавшей» себя актом 1 марта, с давних пор «общее место» в историографии. Но была ли такая «обескровленность» в момент самого заседания, если даже при всей спешности его созыва, собралось столь внушительное число членов Исполкома? Другое дело, что очень скоро почти все они были арестованы. Но до этого не получилось ли так, что Исполком «промолчав», «исчерпал» «Народную волю», не исчерпав всех ее возможностей? После 1 марта не только царское правительство заколебалось, пришло в замешательство, но и «Народная воля»: сказалось не только громадное напряжение непрестанной «охоты» на царя, аресты и казни. Апатия и подавленное состояние народовольцев и даже их безволие прежде всего были обусловлены тем, что народ молчал и общество безмолвствовало. Даже спустя десятилетия, Тихомиров вспоминал: «Народа против царя не было» [1, с. 331]. А ведь народовольцы, как и непререкаемый их авторитет и вождь, А. Михайлов, были уверены, что террором они «дезорганизуют правительство и принудят» его дать конституцию, ибо цареубийство «освободит живые силы народных масс, недовольных своим экономическим положением, и они придут в движение, и в то же время общество воспользуется благоприятным моментом и выявит свои политические требования» [5, с. 89; 8, с. 345]. И то, что этого не произошло, привело их почти в шоковое состояние. О том, что молчание Исполкома отнюдь не было трусостью, свидетельствует и письмо Исполкома «Народной воли» Александру III. В нем подчеркивалась решимость «Народной воли» продолжать борьбу, если не будут начаты преобразования в стране. Но сил для этого уже не было. Письмо составлял Тихомиров, – демонстрировал «формальную верность знамени». Прав американский историк Р. Пайпс: Тихомиров – «революционер поневоле» [6].

А дальше у Тихомирова не столько «послужный список» революционных дел, сколько их «мартиролог». В том же 1881 г. он умчал с женой на периферию, где «залег на дно», ничем не обнаруживая своей революционности, затем вместе с супругой выехал за рубеж (несмотря на «горячие увещевания» В. Фигнер остаться и продолжить работу), – сначала в Швейцарию, потом во Францию, где стал представителем «Народной воли» и издавал вместе с П. Лавровым «Вестник “Народной воли”».

Авторы пишут, что «Тихомиров оказался в центре внимания эмиграции как крупнейший идеолог партии. Высокая самооценка и тщеславие, присущие ему, получили в этот период времени изрядную подпитку» [7, с. 145]. Эти качества действительно были в такой степени присущи ему, что вместе с малодушием они нередко обусловливали его поведение, выбор жизненной позиции. И как «крупнейший идеолог» он мог удивить отношением к своему детищу – «Вестнику». Когда М.М. Ковалевский в беседе с Тихомировым

критически отозвался о «Вестнике», его «словесной кровожадности», то это у Тихомирова, к «немалому изумлению» Ковалевского, «не встретило сильного отпора» [2, с. 269].

Что касается других сторон деятельности Тихомирова за границей, то они тоже могут поразить. Авторы, например, отмечают «достаточно двусмысленное» положение Тихомирова в истории с Дегаевым. Тихомиров дважды встречался с ним и некоторое время скрывал от революционного подполья дегаевскую провокацию. При этом «жизнь революционеров в России Львом Александровичем в расчет как-то особенно не принималась». Торг с Дегаевым ставил под удар «жизни и свободу молодых народовольцев в России». Оттуда слышались голоса протеста против двурушничества эмигрантского центра. Понятно, что авторам это дегаевское дело «напоминает азефовскую историю» [7, с. 161, 163] и, конечно, ее трудно объяснить только идеологическими соображениями, не затрагивая не лучших сторон и свойств души, психики и характера «Протяжного».

Жизнь Тихомирова все больше превращалась в какую-то «биографическую кляксу». Его стал с невероятной силой терзать страх за свое будущее и за самую жизнь. К нему все ближе подбирались агенты русской полиции и прежде всего П.И. Рачковский, мечтавший о выдворении Тихомирова из Франции и предании его российскому суду. Авторы справедливо отмечают, что деятельность полиции «вызвала пароксизм страха у Тихомирова». Он стал искать заступничества у Клемансо и добился у него аудиенции. Клемансо был поражен жалкой фигурой Тихомирова, трясущейся от страха: «Я увидел человека вне себя от страха, с прыгающими по сторонам глазками, дрожащими руками, бессвязным лепетом: мосье Клемансо, мосье Клемансо» [с. 180].

Такой Тихомиров мог раскаяться в чем угодно: у малодушия и страха нет строгих принципов и твердых убеждений и политическое сальто-мортале – это то, что следовало ожидать от него. Конечно, при этом он учитывал, общественно-политическую ситуацию в России и в Европе. Тихомирову импонировала укреплявшаяся и растущая (как казалось ему) самодержавная Россия, ее своеобразие и мощь. И при этом у него было понимание, что «Народная воля» уже безвозвратно канула в Лету. Но к ренегатству подталкивал его и широкий спектр «привходящих» обстоятельств: материальная обездоленность, болезнь любимого сына, влияние жены, «зацикленной» на быте и многое другое.

И Тихомиров разразился брошюрой «Почему я перестал быть революционером». Книжица оказалась суперрезонансной: и автор был «птицей высокого полета», да и сам «перелет», в ту пору, когда еще живы были высокие понятия о чести, достоинстве и благородстве, имел вид чего-то чрезвычайного и «нечистого». В революционных кругах ренегатство вызвало понятное

негодование, но причин его называлось немного и чаще всего, – болезненная психика и неустойчивость революционных принципов бывшего «Тигрича». Сам Тихомиров многократно повторял, что его новая вера в монархическую, самодержавную Россию явилась результатом того, что он понял всю ложность революции и полностью изжил ее в себе. Но все-таки здесь и более прозаические вещи «делали погоду». В 1892 г. он как-то упомянул о двух своих постоянных «качествах»: малодушии и высоком мнении о себе. Опасность и бесперспективность пребывания Тихомирова за границей и продиктовали его «поворотную» брошюру. Обратившись с ней и с покаянным письмом к царю, Тихомиров пошел, в сущности, ва-банк. И он сумел так убедительно раскаяться, что монарх принял то решение, на которое и рассчитывал Тихомиров: «Он нам еще пригодится». П.И. Рачковский, кажется, не так далек был от истины, когда предположил, оценивая брошюру и письмо, что «новая выходка Тихомирова направлена к созданию себе особого политического положения, взамен того, которое он утратил», и что «в настоящее время Тихомиров считает возможным занять общественное положение умершего Каткова». Можно лишь согласиться с авторами, которые так комментируют эту сентенцию Рачковского: его мнение не лишено основания, поскольку он изучил особенности характера Тихомирова и «хорошо понимал его честолюбивые планы» [7, с. 213].

О своем честолюбии и призвании быть чуть ли не мессией, Тихомиров пространно рассуждал в дневнике: «Я воображал, будто принадлежу не к категории сотен миллионов, а просто сотен, более или менее “избранных”» [1, с. 55]. И он имел, видимо, потенции для этого. Один бывший гимназист Керченской гимназии вспоминал, что Тихомиров «решительно выдавался уже тогда; сочинение, им написанное, до того поразило учителей, что они не могли поверить в принадлежность его ученику гимназии» [4, с. 15].

Свое честолюбие Тихомиров донес до могилы. Он в старости обиделся на В. Фигнер, когда прочитал в ее мемуарах, что она не поставила его в «иерархии» «Народной воли» на второе место после общепризнанного лидера (А. Михайлова). Он с большим удовольствием вспоминал также, что из встречи с ним в январе 1889 г. министр Д.А. Толстой «вынес от меня самые лучшие впечатления, нашел, что я умен, талантлив и, очевидно, безвозвратно осудил, революцию... Все это он сказал Дурново, а Дурново передал мне, сказавши, что я имел у графа “огромный успех”» [1, с. 126].

В стремлении влиять на российское общество в новом качестве идеолога самодержавия, Тихомиров быстро «обзаводится» единомышленниками (К. Леонтьев, К. Победоносцев, А. Киреев и др.). Генерал Киреев побуждал Тихомирова вырабатывать идеологию. Но его и не надо было «понукать»: он сам страстно, даже с азартом занимался этим делом, лишь сожалея, что в Рос-

сии слишком мало истинных монархистов. И одну из работ он посвятил своему кумиру – Александру III.

В современной литературе иногда задаются вопросом: был ли Лев Тихомиров человеком «невоплощенного дела»? По определению самого Тихомирова, он – человек теории, из которого жизнь сотворила «практического деятеля» и он «вышел середкой наполовинку» [1, с. 55]. Но не так уж неправ историк В.Н. Костылев, считая, что Тихомиров и Победоносцев вселяли твердость в Николая II, чтобы он правил по заветам своего отца [3]. И самодержец первые пять лет своего царствования, как замечали современники, правил тенью своего родителя. И Тихомиров, уверовав в самодержавное будущее России, верой и правдой служил ему. Порой Тихомирова называли «консервативным славянофилом». Сам он не считал себя консерватором. Однако вкупе с Победоносцевым и другими сторонниками самодержавия, «подмораживал» Россию, – «не просто так» у него наметились было и теплые отношения с К. Леонтьевым. Но всемерная поддержка курса Александра III, неприязнь к новым веяниям и ценностям, отрицание необходимости глубоких преобразований в стране в конечном счете не только не служили укреплению монархии, но и ослабляли, подрывали ее. И даже попытки Тихомирова влиять на рабочее движение в рамках зубатовского «эксперимента» не отводили рабочих от революции, а, наоборот, приобщали к ней. Тихомиров предчувствовал приближение революции, страшился ее и боролся с ней по своему разумению. Он боялся, что интеллигенция может так отлибералить Россию, что от нее ничего не останется. Более же всего хотел победы «монархической государственности» и в 1905 г. написал о ней книгу, гордился этой работой («в которой, право, как никто до меня на свете, изложил ее философию»). И это, писал он с горечью, «явилось **в дни смерти монархического принципа**. Какая-то эпитафия или надгробное слово на могиле некогда великого покойника» [1, с. 296]. Но тогда, по своей усвоенной манере влиять на сильных мира сего, он послал книгу Николаю II и кайзеру Вильгельму II. Он вырабатывал и программы реформ, и пытался заинтересовать ими правительство и высшие сферы. Но уже тогда, в 1905–1907 гг. он сознавал, что не годится более для жизни общественной, – «тогда уже вполне увидел, что **моей** России пришел конец, а новой – я не умею служить, потому что не согласен с ее планами самоуничтожения» [1, с. 232]. Что ж, светлое будущее всегда оправдывает лучшие ожидания пессимистов. Одно время им почти увлекся П. Столыпин, о котором Тихомиров был высокого мнения как о «государственнике» и истинном монархисте. И хотя Столыпин способствовал тому, что Тихомиров стал главным редактором «Московских ведомостей», – практическими советами Тихомирова пренебрег. Так, премьер считал, что вернуться к совещательной Думе значило бы провоцировать революцию. И работа Тихомирова в газете не была удачной. Это издание и при прежнем редакторе вла-

чившее жалкое существование, при Тихомирове стало и вовсе скучным, малотиражным, и дышало на ладан. Но при этом доставляло ему и обиды, и неприятности, вплоть до того, что он с 1.1.1914 г. лишился редакторства, его «ушли» из газеты.

…В последнее десятилетие жизни Тихомиров «не у дел». Но дневник отразил его насыщенную духовную жизнь. Львиная доля заметок и размышлений – о войне, тех катастрофических изменениях, которые она вызывает, приближая неизбежную революцию. Он с отчаянием пишет, что это уже не его страна, не его народ, и он нередко дает им крайне нелестные характеристики. Жизнь так часто обманывала его, и он сам так часто обманывался, что Тихомиров решил понять ход исторического процесса, смысл истории. И не в силах установить это, он бессильно опускал руки. Последним его доводом и надеждой стала лишь вера в Бога. Религиозные мотивы резко усилились и в его творчестве. Феерическое развитие событий в стране лишало Тихомирова всякой возможности предвидеть даже ближайшее будущее и он «плыл по течению», порицая монарха за слабую и неумную политику, за неумение придать государственному кораблю остойчивость. В марте 1917 г. официально признал Временное правительство. Признал он и советскую власть, но косвенно, опосредованно, – обратился за помощью в КУБУ. Получил паек третьей категории. И при этом осторожничал: не включил в список своих трудов ультрамонархические сочинения, ничем не обнаруживал своего отношения к новому режиму. И дневник закончил 16 октября 1917 г.: нет его реакции на Октябрьскую революцию, деяния большевиков. Авторы правы, когда пишут о «политическом поражении Тихомирова», выразившемся в идеологической капитуляции перед большевистской властью [7, с. 511].

Но для него было настоящей трагедией признать: «Я был слеп. Я не видел страшной внутренней гнилости России» [1, с. 166]. При Александре III «видно все держалось личностью царя. Умер царь и оказалось в стране гнилая пустышка», хотя тогда, при нем, было много «светлых и бодрых надежд», и казалось «воскресала русская духовная сила и ежегодно возрастала русская мощь». И какое «страшное крушение!» [1, с. 273, 116]. И он видел, что ни монархисты, ни сам «монархический принцип» не могут уже играть в России сколько-нибудь значительную роль [1, с. 274]. Действительно, монархизм «получил драму», несовместимую с жизнью.

Тихомиров был вовсе не «мелким бесом», крестившимся в купели самодержавия, а вечным странником в мятущейся России, который всегда стремился соответствовать ей и «быть на гребне» ее многообещающего и великого вала, но каждый раз выбирающим не ту историческую волну, которая возносит, а ту, которая низвергает в пучину политического крушения.

Литература

1. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. – М., 2008. – С. 296.
2. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. – М., 2005. – 784 с.
3. Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма. Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1986.
4. Коц С. А.И. Желябов: Воспоминания товарища по гимназии // Былое. – Л., 1991 [1926, № 3 (37)]. – С. 14–15.
5. «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. – М., 1989. – 415 с.
6. Пайпс Р. Тихомиров: Революционер поневоле // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4. – С. 116–153.
7. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. – М., 2011. – 560 с.
8. Фигнер В. Запечатленный труд: Воспоминания. В 2 т. – М., 1964. – Т. 1. – 439 с.
9. Чесноков С. Лев Тихомиров. По обе стороны баррикад // www.voskres.ru>idea/tihomirov.htm

И. Жалнина-Василькиоти

КНЯГИНЯ САН-ДОНАТО (С.И. ДЕМИДОВА) В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГРЕЦИИ*

Жалнина-Василькиоти Ирина – председатель Союза русских эмигрантов в Греции.

Супруга последнего Императорского посланника России в Греции Елима Павловича Демидова Софья Илларионовна Демидова, урожденная графиня Воронцова-Дашкова (22.08.1870–16.04.1953), родилась в семье генерал-адъютанта, министра Императорского Двора и уделов (1881–1897), наместника на Кавказе (1905–1915), члена Государственного совета, графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837–1916) и графини Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой (урожденной графини Шуваловой). Отец Софьи Илларионовны был близким другом Императора Александра III, и графиня Софья с рождения входила в узкий круг друзей будущего Императора Николая II. Ее мать была одной из самых влиятельных дам при дворе, имела орден Св. Екатерины и была статс-дамой высочайшего двора[1].

До замужества Софья Илларионовна была фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны. 30 апреля 1893 г. она вышла замуж за Елима Павловича Демидова, князя Сан-Донато, наследника знаменитого рода уральских горнопромышленников, связавшего свою судьбу, однако, с дипломатическим поприщем. После службы в посольствах Мадрида, Копенгагена, Вены, Парижа, в августе 1912 г., Елим Павлович был назначен российским императорским посланником в Греции в чине действительного статского советника. Приехав, как думали супруги Демидовы, на несколько лет в Грецию по работе, Елим Павлович и Софья Илларионовна останутся тут на несколько десятилетий. В земле Греции они и будут похоронены.

** Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (№ 10-01-00629а/Г).*

1. Ипполитова Г.А. Аврора Демидова – графиня Ногера. – СПб., 2009. – С. 48.

Назначение Е.П. Демидова императорским посланником в Грецию пришлось на период серьезных политических перемен в судьбах стран Балканского полуострова, где немалое влияние имела Россия. По ее инициативе 13 марта 1912 г. между Болгарией и Сербией был подписан договор о создании оборонительного союза. 29 мая к союзу присоединилась Греция, а через несколько месяцев, 25 сентября 1912 г., Греция вступила на стороне Сербии, Болгарии и Черногории в Первую балканскую войну против Османской империи. В стране в это время правил король эллинов Георг I (1845–1913), дядя российского императора Николая II. Королевой эллинов была русская великая княгиня, племянница Императора Александра II Ольга Константиновна Романова.

В 1913 г. началась Вторая балканская война. В отношениях между балканскими странами Софья Илларионовна была на стороне Греции, Сербии и постоянно использовала частную переписку для того, чтобы убедить общественность в России помогать грекам и перестать покровительствовать Болгарии.

После выступления Болгарии против Сербии с конца 1915 г. в Грецию хлынул поток сербских беженцев. «Первыми, кто пришел им на помощь, – писал российский генеральный консул в Салониках В.Т. Каль, – были не союзники, не греки, даже не сербы, а мы – русские. Благодаря инициативе супруги императорского посланника в Греции С.И. Демидовой были собраны в Афинах средства; здесь также организован был при ближайшем участии нашем комитет, устроены подписки, благотворительные вечера, и нам удалось пригреть, прокормить и эвакуировать тысячи несчастных беженцев, потерявших все свое состояние»[2]. О русских, проживавших в Греции в то время, Софья Илларионовна писала: «С русской колонией тут легко, она небольшая и все почти симпатичные, так что все идет гладко»[3]. Однако вскоре ситуация изменилась.

В 1913 г. после убийства в Салониках короля Греции Георга I вдовствующая королева Ольга Константиновна уехала к родственникам в Россию. Вступление России в Первую мировую войну затронуло и семью Софьи Илларионовны. Брат Илларион ушел на фронт, сестра Александра работала в лазарете. Софья Илларионовна переживала свою оторванность от семьи, близких и невозможность в полную силу приносить пользу Отечеству. Но в 1916 г. Россия послала на Македонский фронт почти 20 тыс. солдат и офицеров. Возглавив греческое отделение Российского общества Красного Креста (далее: РОКК) в Греции, Софья Илларионовна стала принимать непосредст-

2. Соколовская О.В. Греция между двумя лагерями. – Режим доступа: http://www.promacedonia.org/zbf_wwl/zbf_6g.html

3. См.: ЦГИАР. Ф. 1088. Оп. 2. 1912–1917. Д. 244. Л. 36 об.

венное участие в судьбах соотечественников. Прошло совсем немного времени и отголоски революции в России, Гражданской войны докатились и до Греции.

После окончания военных действий на Македонском фронте в 1918 г. здесь остались сотни раненых и больных, находившихся на излечении в русских, английских, греческих и французских госпиталях, и русские, не пожелавшие вернуться на Родину.

Желая всеми силами помочь России, в 1918 г. Софья Илларионовна стала инициатором создания «Союза возрождения России в единении с союзниками», созданного в Риме.

Вынужденные переселенцы из России в Греции появились гораздо раньше, чем началась крымская эвакуация армии генерала Врангеля. После неудавшейся интервенции Франции, Греции и Румынии на Юге России в Грецию в апреле 1919 г. хлынул первый значительный поток русскоязычных беженцев. Тогда же в связи с появившейся необходимостью благоустройства этих эмигрантов здесь по инициативе и под председательством С.И. Демидовой в Афинах был создан «Союз помощи русским в Греции»[4]. В задачи «Союза помощи русским в Греции» входили: трудоустройство, размещение, питание (как бесплатное, так и по льготным ценам), выдача льготных и даровых ванн, определение нуждающихся в русский лагерь беженцев, оказание бесплатной медицинской помощи, определение русских неимущих в учреждения греческих организаций, выдача разного рода справок; выдача денежных пособий[5]. 31 мая 1919 г. Союз открыл лагерь для бесплатного помещения неимущих русских беженцев. Союз работал в тесном контакте с Российской Императорской миссией, с существовавшем уже в то время в Греции Союзом русских офицеров (СРО) и многочисленными в то время российскими гражданскими, военными и духовными представителями в Греции.

Главными пунктами размещения русских эмигрантов стали как русские госпитали, так и госпитали англичан, французов, итальянцев, американские отделения Красного Креста. На май 1920 г. только в английских госпиталях № 43 и № 52 числились 299 участников Белого движения, находившихся на излечении в Салониках[6].

17 ноября 1920 г. королева Ольга Константиновна после долгих лет отсутствия по разрешению премьер-министра Элефтериоса Венизелоса вернулась в Грецию и после монархического переворота, происшедшего в стране, стала до возвращения из изгнания ее сына короля Греции Константина реген-

4. Русская газета // Афины, 1 июля 1919. – С. 2.

5. Союз помощи русским в Греции // Русская газета. – Афины, 29 мая 1919. – № 8. – С. 4.

6. ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 193. Л. 49, 64.

том Эллады с титулом «Королева-Мать и Правительница». По ее ходатайству и просьбе генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, греческое правительство дало согласие принять в страну еще 1742 русских эмигранта. Из них 1 тыс. человек были отправлены на поселение в Салоники в барачный поселок Харилау, принадлежавший ранее французскому госпиталю. Остальные разместились в Афинах[7].

Размещение русских в Греции прошло оперативно и грамотно. Огромная заслуга в этом принадлежала бывшему российскому посланнику Е.П. Демидову, но особенно его супруге С.И. Демидовой. Русских военных и членов их семей селили в русском военно-морском госпитале в Пирее, в 4-м госпитале, который был создан на базе госпитального судна «Цесаревич Георгий», инвалидном лагере при церкви Св. Дионисия, госпитале Хаджикирьяку, французском госпитале, больнице Евангелизмос, пирейском общежитии, заводе удобрений в Пирее, гараже Ломагиных, по частным квартирам и т.п.[8] Первое время больных и раненых содержало французское правительство, затем, через несколько месяцев, расходы приняла на себя Греция.

Значительную помощь эмигрантам оказывало представительство РОКК, возглавляемое Софьей Илларионовной Демидовой. В введении РОКК на территории Греции находились: 4-й госпиталь РОКК в Афинах, госпиталь РОКК в Пирее (ул. Кецина), госпиталь на русском кладбище в Пирее[9]. РОКК содержал в Афинах, Салониках и Пирее медицинский персонал всех госпиталей и медицинских пунктов, где находились русские[10].

Общее число русских к середине мая 1920 г. достигло порядка 3,5 тыс. человек. Из них около 2 тыс. – в Афинах (в том числе 1 тыс. военнослужащих), и около 1,5 тыс. – в Салониках (944 военнослужащих)[11].

В 1922 г. королева Ольга писала: «Денег нет... Все идет на армию в Малой Азии и на бесчисленное число беженцев, русских и греков с Кавказа, из Малой Азии, из Фракии, отовсюду. Сердце за них болит, они такие несчастные! А наши изгнанники сильно страдают от малярии, от чахотки, происходящих от лишений. Их так всех много, что всем и помочь нельзя. Я иногда хотела бы выть на перекрестке, громко и долго, от отчаянья! Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом!»[12]. Посетивший в эти годы Грецию рус-

7. См.: ГАРФ. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

8. См.: ГАРФ. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 78. Л. 8.

9. См.: ГАРФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 13. Л. 22 об.

10. ГАРФ. Ф. 4651. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

11. ГАРФ. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

12. Письма вдовствующей королевы Ольги Софье Николаевне Угрюмовой (урожденной Кавериной) РГАВМФ. Ф.Р.-2246. Оп. 1. Д. 73. Л. 65–66. Режим доступа: http://ricofor.org/euroPe/grezia/2/history/4/

ский эмигрант писал: «В смысле приискания заработка в Греции было всегда неважно, теперь же, после катастрофы в Анатолии, особенно плохо. Контр-адмирал Плотто занимается настройкой пианино, контр-адмирал князь Путятин рисует акварели, флота генерал-майор Шумов работает простым рабочим на фарфоровом заводе, старший лейтенант Гипарис, носящий греческую фамилию и знающий греческий язык, служит чертежником и т.п. Интеллигентного труда совершенно нет, а теперь ввиду большого количества беженцев трудно получить и физическую работу»[13].

Уже в 1923 г. в докладе правления Совнаркома указывалось: «Общее число русских беженцев в Греции в настоящее время достигает 8–10 тыс. человек, большинство из которых прибыло с о. Лемнос после разрешения Греческого правительства, часть из Галлиполи и часть прибывает из Сербии, переходя тайно границу Греции. Из этого числа рядовых казаков, вахмистров и подхорунжих – 60%, рядового офицерства – 20, знати и высшего офицерства – 20%. 80% беженцев бывшей врангелевской армии находятся на работах в шахтах, рудниках, каменоломнях, заводах и на полевых работах и виноградниках. Оплата труда русских, не знающих греческого языка, ниже рабочих греков и других национальностей, а также потому, что русские беженцы, не имея средств к жизни, идут на всякую оплату. До прибытия беженцев греков из Малой Азии... работу можно было найти, но после, а также вследствие пошатнувшегося экономического состояния страны не только работы не стало, но даже немногие, работавшие на фабриках и заводах, выбрасывались вон и заменялись греческими беженцами и демобилизованными»[14].

После официального признания греческим республиканским правительством Папанастасиу Советской России в июне 1924 г., положение русских эмигрантов в Греции сильно изменилось. Колония стала терять собственность, некогда принадлежавшую Российской империи и которой она пользовалась. Перешли в собственность Греции русские больницы в Афинах и в Салониках, наличие которых не только сильно облегчало положение больных и раненых, но и приносило известный доход. И хотя, приходясь дядей принцу Королевства Сербии, Хорватии и Словении Павлу Карагеоргиевичу[15], Елим Павлович сохранил за собой должность посла королевства СХС; здание, в котором помимо миссии находились и Бюро трудовой помощи, и справочный отдел, больше белой эмиграции с этого периода не принадлежало.

13. Меркушев В.А. Без страха и сомнения // Бизертинский морской сборник. 1921–1923. – М., 2003. – С. 444–511.

14. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. – М., 2001. – С. 253.

15. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. – С. 31.

Русская эмиграция в Греции тяжело восприняла факт признания Советов греческим государством. Многие стали покидать страну. Ходили слухи и об отъезде супругов Демидовых. «Демидовы еще не уехали, но уже укладываются. Не знаю, уедут ли они совсем или останутся жить как частные лица», – писала в марте 1923 г. родителям в Сербию Андриана Безсмертная[16]. Однако Демидовы из Греции не уехали. Забота о соотечественниках, нуждающихся в помощи, особенно забота о стариках, инвалидах, женщинах с детьми, детях стала делом жизни Софьи Илларионовны Демидовой и ее супруга.

Только бараки для русских беженцев при 4-м госпитале РОКК (для туберкулезных, для инвалидов, для холостых, для семейных, для одиноких женщин) и церковь там же (настоятелем которой был священник Константин Козлов) просуществовали с 1922 по 1932 г.[17]. 16 мая 1932 г. барон А.П. Офенберг писал К.Н. Гулькевичу: «...как мне известно, Софья Илларионовна Демидова Вам говорила о тех жалких бараках, которые Греческое Правительство в свое время предоставило в распоряжение Красного Креста и в которых были размещены и наши инвалиды. Теперь Греческое Правительство отбирает последний барак и совершенно не способные к труду окажутся выброшенными на улицу»[18].

После потери в Афинах и Салониках русских больниц[19] появилась насущная необходимость оказания медицинской помощи русским эмигрантам. Появилась идея создания больничной кассы. Состоявшие членами кассы эмигранты имели право на бесплатное медицинское обслуживание русскими врачами и помощью при госпитализации в греческие больницы. Председателем кассы была избрана Софья Илларионовна Демидова. В разные годы в кассе числилось от 200 до 500 человек[20].

Вместе с Митрополитом Платоном (Рождественским) Софья Илларионовна стала и инициатором создания в Афинах и Салониках гимназий для детей русских беженцев. 25 марта 1921 г. для 30 детей, разделенных на три группы, в Афинах были открыты гимназия и детский сад[21]. На следующий год в феврале 1922 г. в ней числились 54 ребенка из общего числа 100 русских детей, находившихся к тому времени в Афинах, и семеро учителей[22].

16. ГАРФ. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 60. Л. 15 об.

17. ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 193. Л. 23.

18. Там же. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

19. В Пире – созданной на средства королевы эллинов Ольги и родственников из России русского военно-морского госпиталя, в Салониках – созданной на средства монахов русских монастырей Афона больницы во имя Святого Великомученика Димитрия Солунского.

20. Членский билет. Архив семьи генерал-майора Н.Н. Философова. Афины. Греция.

21. ГАРФ. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

22. ГАРФ. Ф. 5780. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

8 марта 1921 г. была открыта и русская гимназия в Салониках. Почетным попечителем этой гимназии и председательницей Дамского комитета при гимназии в Афинах стала Софья Илларионовна Демидова[23]. В 1924 г. в 4-м русском госпитале и бараках русских беженцев был создан «Комитет помощи детям русских беженцев в Афинах». В уставе комитета было написано, что его целью было «поднять образование и воспитание, давать усиленную пищу, обувь и одежду, книги и учебные пособия». С.И.Демидова согласилась быть почетным членом общества. Ее рукой на подлиннике устава общества написано: «Всякую помощь детям сердечно одобряю. С. Демидова. 23 января 1924 года»[24].

Средств, присылаемых из Парижа Земгором на содержание школ в Афинах и Салониках, не хватало, и Попечительный совет Русской гимназии во главе с Софьей Илларионовной часто проводил благотворительные мероприятия: елки, балы, собирая средства на нужды гимназий. Все годы, пока существовали школы, С.И. Демидова вместе с супругом оказывали постоянную финансовую помощь, распродавая личные вещи и антиквариат, привезенные когда-то из России[25]. «Среди постоянной благодарности, которую к Вам чувствуют все здешние русские организации и отдельные члены русской колонии, не откажитесь принять и благодарность вверенной мне гимназии», – писал директор русской гимназии в Афинах А.А. Дервисье, благодаря Софью Илларионовну за очередную материальную поддержку школы[26].

В 1927 г. по инициативе Софьи Илларионовны был создан Союз русских эмигрантов в Греции. Он просуществовал до конца 80-х годов, фактически до смерти последних русских, прибывших в Грецию «временно» в начале 20-х годов XX в. Союз провозгласил своей целью, во-первых, объединение всех находящихся в Греции беженцев-белоэмигрантов из России, а, во-вторых, защиту их прав всеми возможными официальными способами, улучшение их положения и оказание помощи. Союз по существу заменил и Комитет защиты прав русских беженцев, долгое время возглавлявшийся Борисом Сергеевичем Якушевым.

Ранее по инициативе Е.П. Демидова был создан при бывшей посольской Свято-Троицкой церкви Союз русских православных христиан в Греции – духовно-просветительское общество[27]. Благодаря созданию этого общества, Е.П. Демидову удалось достигнуть договоренности о временном переходе

23. ГАРФ. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

24. Протоколы «Комитета помощи детям русских беженцев в Афинах». Рукопись. Архив автора.

25. ГАРФ. Ф. Р-5781. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 15.

26. ГАРФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 61. Л. 19.

27. Там же. – С. 268.

русского прихода Свято-Троицкой посольской церкви под юрисприденцию афинской архиепископии. Первым председателем союза был назначен о. Сергий (Снегирев). Софья Илларионовна в 1921 г. была избрана заместителем председателя Союза русских православных христиан в Греции.

Посетивший в 1953 г. Элладу архиепископ Серафим (Иванов) писал: «Русская церковь ... Большевики неоднократно пытались ее отобрать, но их попытки не увенчались успехом, только русскому приходу пришлось временно перейти в юрисприденцию элладской церкви. Однако весь церковный чин богослужения остается русским. Прихожане и весь церковный совет – русские. Несколько лет во главе совета стояла княгиня Софья Илларионовна Демидова, вдова последнего императорского посла в Греции. Ее в Афинах все знали, и она пользовалась очень большим уважением. Мне она оказала много внимания, несколько раз приглашала к обеду, устроила так, что приходской совет преподнес мне красивую митру, работы иноков Александро-Невской лавры и вообще оказывала всяческое содействие. Вечная ей память!»[28]

По инициативе С.И. Демидовой при Союзе русских эмигрантов в Греции был создан Дамский комитет помощи русским детям, в который входили наиболее влиятельные и деятельные дамы русской эмиграции. Она же стала его председателем. Комитет организовывал детскую колонию отдыха, куда летом посылались дети от 7 до 13 лет[29], взял на себя заботу о русской гимназии и о детях русских эмигрантов, не посещавших гимназии. В 1928 г. прекратились и субсидии ЗЕМГОРа по финансированию гимназии. Комитет установил и поддерживал связи с международными организациями – Всемирной церковной беженской организацией, Американским Красным Крестом, фондом Ивана Васильевича Кулаева в Америке. Последний поддерживал неимущих русских эмигрантов с 1936 по 1995 г.

Тяжелое материальное положение русских, отсутствие работы, болезни, безысходность – все это заставляло искать новые формы работы по обеспечению помощи и защиты русских эмигрантов. Софья Илларионовна, пользующаяся непререкаемым авторитетом среди греческих политиков и гражданского населения, использовала все свое влияние, чтобы поддержать соотечественников. По многочисленным воспоминаниям русских эмигрантов, ее письма и рекомендации было достаточно, чтобы людей брали на работу. Вот одно из свидетельств: «Отец общался с Софьей Илларионовной Демидовой, и она мне дала рекомендательное письмо. В нем она писала, что мол, давно меня

28. Архиепископ Серафим (Иванов). РПЗЦ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую землю. Глава «Сказочная Эллада». Журнал «Русский инок» Джондарвилль. США, 1952. Режим доступа: www/Russian-inok.org./books

29. См.: ГАРФ. Ф. 5781. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 6–6 об.

знает с самой лучшей стороны и поэтому свободно меня рекомендует. Это письмо очень мне помогло попасть на работу в банк»[30].

После смерти в 1928 г. бывшей императрицы Марии Фёдоровны в память о ней при русской Свято-Троицкой церкви для помощи бедным русского прихода был учрежден Фонд ее имени. Затем возник и Фонд имени генерала П.Н. Врангеля для помощи беднейшим детям русской колонии[31]. В 1931 г. было создано сестричество при Свято-Троицкой церкви. Его почетной покровительницей стала С.И. Демидова, которая одновременно была и почетным председателем СРЭ. В 20-е годы она была избрана «Почетным казаком» Афинской казацкой станицы[32].

Председателем церковно-приходского совета Свято-Троицкой церкви до своей смерти был Е.П. Демидов, а Софья Илларионовна – товарищем председателя. На земле, принадлежавшей церкви в самом центре Афин, русская колония содержала бараки, которые за чисто символическую аренду сдавала наиболее нуждающимся русским эмигрантам. Иллюзии первых лет эмиграции, что жизнь за чужбине это – временное явление, сменилось осознанием реальности и желанием начать приспосабливаться к жизни.

Из-за невозможности найти работу продолжался и отток русских эмигрантов из Греции в другие страны. В 1935 г. из-за финансовых трудностей закрылась и русская школа в Афинах.

Последним ярким событием в жизни русской колонии в предвоенной Греции стало празднование дней Александра Сергеевича Пушкина в связи со 100-летием со дня гибели поэта. В 1936 г. Софья Илларионовна была избрана Почетной председательницей Пушкинского комитета в Афинах.

Во время войны, когда Греция была оккупирована Германией, Италией и Болгарией и в стране начался голод, русская эмиграция всячески старалась поддержать стариков, детей, больных и инвалидов. В годы войны по инициативе Софьи Илларионовны был создан Комитет по сбору средств на оказание помощи причтам русских церквей в Афинах и Пирее. Для действительного статского советника В.В. Павлова, дочери вице-адмирала В.А. Корнилова и военного врача Н.Ф. Петрова были определены маленькие пожизненные пенсии от церкви[33]. Великая княгиня Елена Владимировна и Софья Илларионов-

30. Ирина Обновленская. Воспоминания. Афины, 1997. Архив автора.

31. АРД. Запись от 30 мая 1928 г. в журнале заседаний церковно-приходского Совета русской Свято-Троицкой церкви.

32. Архив русского старческого дома.

33. См.: АРД. Протоколы заседания церковно-приходского совета русской Свято-Троицкой церкви в Афинах. 1928 г.

на Демидова, используя свои связи, устраивали больных и неимущих в греческие богадельни и больницы.

В годы войны умер Елим Павлович Демидов. Он был погребен внутри ограды русской Свято-Троицкой церкви в Афинах. Через десять лет рядом с ним упокоится и Софья Илларионовна. Хрупкая сероглазая женщина, осуществившая мечту: принести пользу своему Отечеству.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Д. Михайлова

ЗВЕЗДНАЯ СИСТЕМА – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Михайлова Елена Дмитриевна – заместитель директора Государственного литературного музея по научной работе, заслуженный работник культуры.

Представьте себе, что вы идете по Новому Арбату и вдруг в глубине, за «Домом книги», замечаете маленький особнячок с мансардой, напоминающий о Москве далеких времен. Подойдя, вы увидите титульную доску, гласящую: «Министерство культуры РФ. Государственный Литературный музей. Дом-музей М.Ю. Лермонтова». Зайдя в него, вы узнаете, что здание не просто памятник типовой архитектуры «послепожарной» (1812) Москвы, но здесь, в начале 30-х годов XIX в. жил юный Лермонтов, студент Московского университета. Пройдя по залам, вы окунетесь в атмосферу жизни Лермонтова той поры, в мир его интересов и раннего творчества.

А если, выйдя из музея Лермонтова, вы пойдете направо по улице Молчановка, на которой он стоит, то прямиком выйдете к особняку под № 17 по Трубниковскому переулку. Здесь когда-то жил художник и коллекционер древнерусской живописи И.С. Остроухов, а ныне здесь находятся выставочные залы Государственного Литературного музея и работает отдел литературы XX–XXI вв. В его стенах проходят самые разные выставки из фондов музея и выставки из собраний художников и коллекционеров в серии «Литература и художник».

И далее, пройдя Новый, а затем и Старый Арбат, вы выходите к переулку Сивцев Вражек, где на ампирных особняках вы вновь прочтете на титульных досках: «Государственный литературный музей». В одном из них, невысоком, с мансардой, под № 27, жил между ссылкой и эмиграцией А.И. Герцен. Потом дом был передан Литературному музею, а 6 апреля 2012 г. после масштабных реставрационных работ к 200-летнему юбилею писателя «Дом-музей А.И. Герцена», обновленный, похорошевший, вновь открыл свои две-

ри. Сохраняя обаяние давнего времени, новый вариант экспозиции раскроет историю жизни и творчества одного из крупнейших мыслителей и общественных деятелей XIX в., требующих глубокого осмысления в веке XXI.

В особняке напротив под № 30а, в середине 1850-х некоторое время жил со своей семьей С.Т. Аксаков. Здесь бывал Н.В. Гоголь, читал свои произведения. С выставки к 175-летию со дня рождения Гоголя освоение этого дома и начинал в 1984 г. Государственный литературный музей. Ее сменила экспозиция «Альманах русской литературы 1840–1880-х», широко представлявшая коллекцию Литературного музея той эпохи. Однако после второй реставрации дом был оборудован под хранение изобразительных материалов, так как других площадей для хранения фондов, отвечающих современным требованиям, у музея не было.

На Рождественском бульваре на доме 16 можно вновь встретиться с титулом Государственного литературного музея. Здесь, в бывшей квартире Демьяна Бедного, поэта и библиофила, расположились книжные фонды музея, основанием которых послужила его библиотека, включавшая около 35 тыс. наименований и переданная им музею в конце 1930-х. Сегодня здесь хранятся более 450 тыс. книжных и журнальных сокровищ от первопечатных книг Ивана Фёдорова до изданий сегодняшнего дня.

Очередную титульную доску со знакомым названием «Государственный литературный музей» можно увидеть и на Петровке. Здесь, в «Нарышкинских палатах» Высоко-Петровского монастыря, расположилась дирекция Музея, и проводятся самые значительные, как правило, долгосрочные выставки. Сегодня работает выставка «Немое красноречие вещей. Мемории писателей в собрании Государственного литературного музея». Открыта выставка в дни празднования 75-летия основания Музея в ноябре 2009 г.

Так что же такое сегодня «Государственный литературный музей»? Ответить коротко, на этот вопрос невозможно, потому что сегодня:

– это 700 тыс. единиц хранения, в числе которых рукописи и книги, личные вещи литераторов и бытовая типология прежних эпох, документы и записи авторского чтения стихов и прозы, портреты писателей в живописи, графика и фотографии, виды мест, связанных с писательскими судьбами и фотофиксация литературных вечеров и многое, многое другое. Отметим, что:

– ежегодное пополнение фондов – не менее 2 тыс. единиц хранения;

– это три постоянные историко-литературные экспозиции;

– десять мемориальных музеев. Они открыты в домах, связанных с судьбами М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.И. Герцена, В.Я. Брюсова, А.Н. Толстого, М.М. Пришвина, А.В. Луначарского, К.И. Чуковского, Б.Л. Пастернака;

– это от 30 до 40 выставок в течение года – юбилейных и тематических, – организуемых в выставочных залах музея, как на основе своих фондов, так и

в содружестве с другими музеями, архивами, художниками и коллекционерами;

– это активное участие в развитии сети литературных музеев России и широкая международная деятельность – выставочная и в рамках Международного комитета музеев (ICOM);

– это высокопрофессиональный коллектив, обеспечивающий комплектование коллекции, создание экспозиций и временных выставок, организацию вечеров и научных конференций, разработку новых и часто совершенно неожиданных форм работы с детьми и совместное с высшими и средними учебными заведениями проведение литературных и музыкальных фестивалей.

Началом формирования музейной коллекции можно считать 1912 год, когда Мария Павловна Чехова передала наследие своего великого брата в Румянцевскую библиотеку с условием организации музея А.П. Чехова. Первоначально «Выставка А.П. Чехова» пополнялась новыми материалами как из семейной коллекции, так и из других источников, куда после революции влились материалы ряда писателей – Короленко, Вересаева и др.

Как учреждение культуры Государственный литературный музей создан приказом Народного комиссариата просвещения РСФСР № 526 от 16 июля 1934 г. на базе Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики (приказ Наркомпроса 1933) и Литературного музея при Всесоюзной библиотеке им. В.И. Ленина.

Появлению этого приказа предшествовала огромная организационная работа, ее инициатором и главной движущей силой стал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Создание Музея истории русской литературы было его давнишней мечтой, идею об осуществлении которой он выдвигал еще при жизни В.И. Ленина, будучи управляющим делами Совнаркома.

В 1930 г. Библиотеке, носящей уже имя В.И. Ленина, В.В. Маяковский передал в дар материалы выставки «20 лет работы», собранные поэтом с помощью молодых энтузиастов, создавших «Бригаду Маяковского». Войдя в состав «Литературного музея им. А.П. Чехова», фонд оставался самостоятельной его частью.

К этому времени по инициативе Бонч-Бруевича был организован Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, чья коллекция тоже вошла в состав фондов ГЛМ, как и небольшое собрание по литературе Серебряного века, скомплектованное при Союзе писателей. Эти коллекции стали основой фондов Государственного литературного музея. Дальше началась фантастическая работа по их пополнению.

Как гласит музейная легенда, Владимир Дмитриевич вел собирательскую работу «широким неводом». Прекрасно зная историю России, он направлял сотрудников в те семьи, по тем фамильным гнездам, где могли сохраняться материалы, связанные с историей литературы. Бывали случаи, когда его гон-

цы не находили ничего, с их точки зрения, интересного в обследуемом ими архиве – например, в одной из семей не сочли достойной внимания, показавшуюся им чисто бытовой, переписку, хранящуюся в бельевой (!) корзине. Выяснив имена корреспондентов семьи, Бонч-Бруевич распорядился – берите на закупку корзину целиком. В корзине, на самом дне, обнаружили шесть писем А.С. Пушкина! К концу 1930-х годов музей обладал уникальной коллекцией материалов по истории отечественной литературы, включавшей около 3 млн. архивных документов, 100 тыс. произведений изобразительного искусства, 130 тыс. томов книг.

Часто, экономя музейные средства, Бонч-Бруевич вынужден был жестко «торговаться» с владельцами. Сохранилась, скажем, переписка, повествующая о том, как нелегко далась покупка архива и портретов семьи декабриста В.П. Ивашева. Бонч-Бруевич выглядит в ней просто скрягой. А пройдет немного лет, и директору музея, собравшему коллекцию в 3 млн. 230 тыс. единиц хранения, поставят в вину то, что он поддерживал дворянские семьи, покупая у них архивы и произведения искусства. И это станет одной из зафиксированных причин его отставки с поста директора музея в предвоенный, 1940 год.

Создавая музей, В.Д. Бонч-Бруевич сразу определил его задачи: *собирать, изучать собранное, вводить в научный оборот, публикуя и организуя выставки и экспозиции.* Первые выставки ГЛМ, посвященные литературе XVIII в., а также Грибоедову и Тютчеву, проходили в 1937 г. При музее было создано издательство, главным редактором которого Владимир Дмитриевич оставался до его ликвидации в 1951 г. Однако публиковать комплектуемые под его руководством материалы В.Д. Бонч-Бруевич начал с 1932 г. Это были легендарные «Звенья» – сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли. Соредактором первых томов наряду с В.Д. Бонч-Бруевичем был А.В. Луначарский. Всего было издано восемь томов, последний датируется 1951 г., т.е. годом ликвидации издательства Государственного литературного музея и фактического прекращения его публикаторской деятельности. Забегая вперед, скажу, что к регулярной публикаторской работе Музей вернется лишь в 1980-е годы, издавая сборники научных трудов сотрудников, посвященные вводу в научный оборот материалов фондов и проблемам музейной деятельности. Сегодня они выходят в формате ежегодного альманаха «Звено» – скромного возвращения к задачам, поставленным первым директором Музея.

Наряду со «Звеньями» в 1936–1948 гг. издавались не менее известные в истории литературоведения «Летописи» ГЛМ, в каждой книге которых публиковались ранее неизвестные материалы о Пушкине и Л.Н. Толстом, переписка Александра Блока и Андрея Белого, былины М.С. Крюковой и сказки

И.Ф. Ковалёва, письма к А.В. Дружинину и материалы поэта, участника заговора против Павла I, героя войны с Наполеоном С.Н. Марина.

Учитывая огромный масштаб задачи, Бонч-Бруевич привлекал к осуществлению этих изданий большой круг ведущих филологов: М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Ю.Г. Оксмана, Л.П. Гроссмана, Д.Д. Благого, Н.К. Гудзия, С.Н. Дурылина и др.

Силами своих сотрудников Музей стал выпускать каталоги фондов – «Бюллетени», имевшие большое научно-справочное значение, а также материалы просветительского характера – серии портретов писателей, разработки литературных выставок, путеводители по музеям и литературным местам.

Однако ход этой работы был жестко нарушен постановлением 29 марта 1941 г., по которому рукописный фонд музея был передан в ГАУ НКВД СССР для организации Центрального государственного литературного архива (ЦГЛА – ныне РГАЛИ), чему предшествовали длительные проверки деятельности музея и его директора, в работе которого были усмотрены «идеологические извращения». Подробнее эти горькие страницы судьбы Литературного музея детально изложены в статье А.А. Ширяевой в сборнике «Магический кристалл литературы. Исследования. Находки. Публикации», изданном к 70-летию Государственного литературного музея в 2004 г.

Музей постепенно возвращал свое право на комплектование рукописных материалов в годы Великой Отечественно войны, когда его сотрудники (П.Л. Вайншенкер, К.М. Виноградова, К.С. Павлова, Н.П. Анциферов и др.) выезжали с лекциями на фронт, проводили беседы в воинских частях. Это дало возможность собрать фронтовой фольклор как оригинальное творчество, так и фронтовые переделки наиболее популярных песен и стихов. В то же время были собраны многочисленные письма читателей-фронтовиков к писателям, поэтам, чье творчество сыграло большую роль в военные годы – Твардовскому, Симонову, Суркову, Эренбургу, А. Толстому, Шолохову. И те, и другие материалы были выпущены в двух скромных изданиях в 1944 г. А коллектив постепенно, сначала исподволь, а потом, получив официальное право, стал собирать свой рукописный фонд, который сегодня составляет более 77 тыс. писательских рукописей и документов.

Невольно мы подошли к разговору о том, как в наши дни Государственный литературный музей использует свои фонды, насколько, имея десять мемориальных экспозиций, стационарные и временные выставки, отвечает задаче раскрытия истории русской литературы. Что необходимо для воплощения мечты В.Д. Бонч-Бруевича о создании Музея истории русской литературы?

Создание столь масштабной экспозиции требует соответственных площадей. Но Литературный музей не только никогда не имел здания, где бы мог развернуть полноценную экспозицию, но и многократно вынужден был ме-

нять свое местоположение. Первые свои выставки Музей представлял в одном из зданий, принадлежавших Библиотеке им. В.И. Ленина, затем получил в свое распоряжение дом на Моховой, с которым связано не только создание ряда выставок, но и ряд легенд, передаваемых из поколения в поколение. Например о том, как работая в Ленинской библиотеке, забегали на «огонек» многие ученые, в том числе Ираклий Андроников. Или о том, что какое-то время в одном из служебных помещений жил сотрудник музея, литературовед Н.Л. Степанов. А вернувшийся из ссылки его друг, поэт Николай Алексеевич Заболоцкий, ночевал в его комнате на письменном столе.

Но в 1949 г. здание было передано для организации «Музея М.И. Калинина». Литературному музею предложили переехать в двухэтажный особняк на Якиманке, тогда носившей имя Георгия Димитрова. Купеческий особняк, имевший прекрасную анфиладу залов на первом этаже в 1200 м^2, пережил смену целого ряда экспозиций и выставок, каждая из которых несла на себе следы своего времени и творческих поисков коллектива. Здесь прошли юбилейные выставки Максима Горького (1951), Н.В. Гоголя (1952, 1959), И.С. Тургенева (1958), Л.Н. Толстого (1958), В.Г. Белинского (1961), А.И. Герцена (1962), В.В. Маяковского (1963). Особо памятна выставка к 150-летию М.Ю. Лермонтова, на которой экскурсии шли одна за другой, не более чем с 30-минутным перерывом.

Настоящим событием было открытие в 1965 г. выставки Сергея Есенина, долгие годы бывшего «опальным» и фактически выключенным из официальной истории советской литературы. На этой выставке впервые были представлены многие автографы поэта из его архива, бережно хранимые его последней женой С.А. Толстой-Есениной и поступившие в музей после ее смерти.

Наряду с монографическими на Якиманке прошел ряд интереснейших тематических выставок: три экспозиции по истории литературы – «Советская литература 1917–1941» (1952), «Советской литературе 40 лет» (1957) и «История литературы XX века» (1967). Последняя выставка явилась примером выработки инновационных подходов к созданию историко-литературных экспозиций, ставших со временем в музейном деле почти аксиомами.

Каковы же эти подходы?

Во-первых, разработан «проблемно-хронологический» принцип экспозиционного рассказа. Процесс развития литературы разворачивался периодами, определяемыми как историческими сдвигами, так и наиболее характерными явлениями самой литературы. Материалы того или иного писателя давались не монографически в контексте экспозиции, как это было прежде, а размещались с учетом хронологии. При этом в каждом разделе выделялась фигура автора (или тех авторов), творчество которого было наиболее характерно для того времени. Так, в разделе предреволюционной литературы («Серебряный век») на первом плане – Александр Блок; в разделах литературы эпохи рево-

люции и 1920-х – Владимир Маяковский, в 1930-е – Михаил Шолохов, в зале Великой Отечественной войны – Александр Твардовский, Константин Симонов, Илья Эренбург и т.д. Эта позиция повлияла впоследствии и на решение юбилейных персональных выставок, где широко стали использоваться материалы, вводящие «героя» в круг литературы его времени. Очень показательной в этом отношении стала выставка к 100-летию Александра Блока (1980).

Во-вторых, материалы, используемые в экспозиции, должны соответствовать времени, о котором повествуется, что создает соответственный стиль, дает возможность ощутить эстетические нормы эпохи. Любые исключения лишь подчеркивали строгость соблюдения этой установки.

Наконец, третья установка заключалась в том, что при отборе текстов, определяющих смысл того или иного раздела или даже отдельной витрины, организаторы опирались на писательское слово, при этом максимально используя текстовые возможности самих музейных предметов – авторской рукописи, раскрытой книги, книжной обложки, плаката, афиши; минимально – специально подготовленного шрифтового текста.

Эти подходы нашли отражение в экспозиции «Русская литература XX века». Ей пророчили долгую жизнь, так как она давала возможность проводить экскурсии по разнообразной тематике. Взрослые группы обычно просили сделать обзор всей экспозиции, для учащихся (школа, ПТУ, техникумы, ВУЗ), как правило, требовались экскурсии по отдельным периодам истории литературы или по творчеству отдельных авторов. Посещаемость экспозиции была очень высокая. Особым спросом в те годы пользовались темы «Маяковский», «Литература Великой Отечественной войны», «Современная литература», где шел разговор о творчестве авторов, произведения которых в конце 1960-х – начале 1970-х будоражили общественное сознание. Достаточно вспомнить имена В. Быкова, Ф. Абрамова, В. Белова, Ф. Искандера, А. Солженицына.

Коллектив надеялся, что экспозиция проработает в старом особняке до времени переезда Музея в новое здание, строительство которого было запланировано на начало 1970-х около церкви Ивана Воина, так как старое здание попадало по проекту расширения ул. Димитрова (Якиманки) на «красную черту». Пятая мастерская Моспроекта активно работала над проектом здания музея, которое должно было вместить экспозиционные площади и зрительный зал, помещения для дирекции и научных сотрудников, специализированные фондовые помещения и комнаты реставраторов. Эскиз экстерьера будущего музея был в 1970 г. опубликован в газете «Правда». Однако судьба распорядилась иначе…

Весной 1972 г. Москва готовилась к приезду Президента США Ричарда Никсона. Почему-то в ряде мест, мимо которых пролегал его путь с аэродрома, вместо старых домов разбивали газоны. Коснулось это и музейного

здания на Якиманке. В срочном порядке за одну неделю коллектив демонтировал экспозицию, перевез экспонаты в соответствующие фондовые отделы. Книги уехали на Рождественский бульвар, живопись и графика – в Хрущёвский пер., рукописи – на ул. Весниных (ныне Денежный пер.). А дирекция и коллектив – на Ленинский проспект, осваивать выделенные музею помещения общей площадью около 100 м^2, ранее занимаемые детским садом.

В 1973 г. сюда переместили выставку Маяковского «20 лет работы», первоначально организованную в тех самых комнатах Союза советских писателей, где в 1930-м ее открывал поэт, ежедневно общавшийся с посетителями. Как ни дико покажется сегодня, выставка, ставшая настоящим культурным событием, вызвала нарекания у руководства. Дело в том, что шла «антибриковская компания», был закрыт мемориальный музей Маяковского в Гендриковом переулке, в комментариях к 12-томному изданию Маяковского, выпущенному издательством журнала «Огонёк», против имени Л.Ю. Брик стояло всего два слова – «знакомая Маяковского». Потому при переносе выставки в стены Литературного музея от нас потребовали снятия ряда материалов, в том числе афиши «Закованная фильмой», невзирая на то, что автором сценария, афиши и исполнителем роли главного героя был Маяковский. В роли героини фильма снималась Лиля Брик, а ее портрет смотрел со знаменитого издания поэмы «Про это». Положение спас К.М. Симонов, инициатор реконструкции авторской выставки Маяковского и ее куратор. Выступив на заседании ЦК партии, членом которого он являлся, Симонов заявил о невозможности нарушения авторского замысла поэта, который и в экспозиционном деле проявил себя как высокий профессионал. А выставка впоследствии экспонировалась Литературным музеем во многих странах: Франции, Италии Мексике и Австралии.

Параллельно с работой на Ленинском проспекте Музей осваивал выставочные площади Нарышкинских палат, которые в 1968 г. были предоставлены Музею для организации юбилейной выставки А.М. Горького. За ней последовали юбилейные выставки Н.А. Островского и к 150-летию восстания декабристов. Помещение было окончательно закреплено Министерством культуры РСФСР за Литературным музеем. К началу 1976 г., на Петровку 28, перебралась и дирекция музея. Этот адрес и по сей день остается официальным адресом музея, а залы Нарышкинских палат – местом проведения наиболее значительных выставок и долгосрочных экспозиций, о чем уже говорилось выше.

Перечисление всех выставок, посвященных отдельным периодам русской и советской литературы, или писательским юбилеям, которые прошли на этой территории, заняло бы много места. Каждая из них свидетельствовала и о новых поисках в искусстве экспозиции, и о верности коллектива лучшим традициям, и все они лишний раз подчеркивают право и необходимость об-

ретения Государственным литературным музеем достойного здания для *основной экспозиции по истории русской литературы.*

В последние годы этот вопрос стоит особенно остро, так как по указу Президента России 1994 г. Музей должен передать помещение Нарышкинских палат возрожденному Высоко-Петровскому монастырю с условием предоставления музею другого здания. Сегодня Министерство культуры пытается решить этот вопрос, передав на баланс музея купеческий особняк, выстроенный основателем морозовской династии в Шелапутинском переулке (район Таганки). Особняк требует серьезной реставрации, которую финансирует и курирует министерство. Правда, в особняке все те же 1200 м^2 экспозиционной площади и, обдумывая проект будущей экспозиции хотя бы в рамках классической литературы, коллектив разрабатывает широкую тематику мультимедийных программ. Однако, наличие современных технологий отнюдь не решает всех проблем музея, если вспомнить о том, что, разрабатывая проект идеального музейного здания «Гипротеатр» вышел на цифру в 15 000 м^2.

Сегодня рассматривается еще одна возможность размещения Государственного литературного музея – в доме № 37 по Арбату. В этом случае «метрополия» ГЛМ оказалась бы в центре целой музейной территории. Ведь рядом расположены и мемориальные музеи, входящие в состав ГЛМ, и Государственный музей А.С. Пушкина с его филиалами – Музеем-квартирой Пушкина и Музеем Андрея Белого. Дом – памятник архитектуры XVIII–XIX вв., тесно связан с пушкинским окружением. Поэт бывал здесь у мемуариста Д.Н. Свербеева, затем дом последовательно принадлежал В.А. Бобринскому, состоявшему под секретным надзором за связь с декабристами; актрисе Е.С. Семеновой, К.А. Нарышкину.

И размер дома превышает размеры особняка в Шелапутинском переулке. Эту идею, вынашиваемую музейным сообществом уже много лет, поддерживает и Министерство культуры Российской Федерации. Министерство обороны, кажется, готово для переговоров на эту тему. Директор ГЛМ М.С. Гомозкова «озвучила» ее на встрече В.В. Путина с руководителями ведущих музеев, прошедшей в Саратове в апреле 2012 г. Владимир Владимирович дал поручение рассмотреть вопрос. Будем надеяться на скорое положительное разрешение этой проблемы.

Создавались музеи в разные годы и требовали каждый раз огромных усилий всего коллектива. Они разнообразны и по своей структуре – среди них есть чисто мемориальные, сохраняющие подлинный мир быта писателя (музеи А. Толстого, К. Чуковского, Б. Пастернака, А. Луначарского), или реконструирующие его мир – мемориальные музеи М. Лермонтова, Ф. Достоевского. Есть музеи, сочетающие мемориальную и историко-литературную части экспозиции, – Дом-музей А. Чехова, Музей литературы Серебряного века

с мемориальным кабинетом В. Брюсова. Музей А. Герцена располагает историко-литературной экспозицией с вкраплением мемориально-бытовых интерьеров.

Своими спутниками – мемориальными домами писателей – Литературный музей обрастал постепенно, начиная с 1940 г., когда в его состав вошел Музей Ф.М. Достоевского (ул. Достоевского, 2), организованный на основе коллекции, переданной государству А.Г. Достоевской. В 1954 г. на Садовой Кудринской ул., 6, в доме, где с августа 1886 г. по апрель 1890 г. жил А.П. Чехов, был открыт Дом-музей писателя. Директором ГЛМ в то время был Б.М. Козьмин. В 1965 г. первые посетители вошли в Мемориальный кабинет А.В. Луначарского, экспозиция которого создавалась под руководством директора тех лет А.Д. Тимрота.

Но настоящей «*звездной системой*» Литературный музей стал при Н.В. Шахаловой, руководившей коллективом 34 года (с 1972 г. до последнего дня своей жизни – 30 сентября 2006 г.).

Один за другим ГЛМ вводил в свой состав новые мемориальные музеи:

1976 г. – Музей А.И. Герцена (пер. Сивцев Вражек, 27).

1980 г. – Дом-музей М.М. Пришвина (д. Дунино, Звенигородского района).

1982 г. – Дом-музей М.Ю. Лермонтова (ул. Малая Молчановка, 2).

1983 г. – «Дом Аксаковых» с экспозицией «Альманах литературной жизни 1840–1880-х годов» (пер. Сивцев Вражек, 30а).

1984 г. – Экспозиция «Русская литература XX века» (ныне – выставочные залы ГЛМ, Трубниковский пер., 17).

1987 г. – Музей-квартира А.Н. Толстого (ул. Спиридоновка, 2).

1990 г. – Дом-музей Б.Л. Пастернака (п. Переделкино, ул. Павленко, 3).

1996 г. – Дом-музей К.И. Чуковского (п. Переделкино, ул. Серафимовича, 3).

1999 г. – Музей литературы Серебряного века с мемориальным кабинетом В.Я. Брюсова (проспект Мира, 30).

Наталия Владимировна Шахалова при жизни стала легендой музейного мира, и ее имя остается столь же значительным для истории Государственного литературного музея, как имя его основателя – Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

И.В. Обухова-Зелиньская

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ»

Обухова-Зелиньская Ирина Владимировна – кандидат искусствоведения, член Ассоциации искусствоведов (AIS) и Польского союза историков искусства.

Начало циклу альманахов «Русское еврейство в Зарубежье» было положено в 1992 г., когда вышел первый (527 страниц!) том издания, называвшегося тогда «Евреи в культуре русского Зарубежья». Редактором-составителем и издателем его был М.А. Пархомовский[1], врач-отоларинголог из Москвы, в 1990 г. поселившийся вместе с семьей в Израиле. Помимо интенсивной медицинской практики он еще до отъезда начал собирать материалы и успел издать книгу о приемном сыне Горького, французском генерале и дипломате Зиновии Пешкове[2].

Продолжая работать лечащим врачом (до 1998 г.), Пархомовский решил одновременно приступить к реализации идеи, которая все более властно овладевала его мыслями – опубликовать сборник очерков и статей о деятельности русских евреев за рубежом, об их вкладе в мировую культуру. Подход был нов и необычен – если о живших в России евреях и об их миграциях из страны писали уже два столетия, то жизнь *русских евреев в Зарубежье* впервые становилась отдельным предметом научного внимания и системного изучения. В сформулированную таким образом тему вписывались не только евреи, прочно слившиеся с общей массой русскоязычных жителей империи[3],

1. Михаил Аронович Пархомовский родился в 1928 г. в Одессе, в 1951 г. с отличием закончил Саратовский медицинский институт по специальности врача-отоларинголога; работал в Комсомольске-на-Амуре, с 1954 г. в Москве; в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию; автор 50 опубликованных научных работ по своей специальности; с 1990 г. живет в Израиле.

2. Пархомовский М. Сын России, генерал Франции. – М., 1989. – 272 с.

3. Определение «русские евреи» в узком смысле уже во второй половине XIX в. применялось к той формировавшейся и становившейся все более многочисленной группе

но и не ассимилированные обитатели западных губерний – вообще, все евреи, в прошлом подданные Российской империи (или в более поздний период граждане СССР и Российской Федерации), оказавшиеся тем или иным путем в зарубежье[4]. Согласно давно установившейся традиции, все выходцы из России, осевшие в каких-либо иных странах, повсеместно назывались *русскими*, независимо от национальности. Данная терминология и ее употребление вполне совпадают с установками, принятыми (и неоднократно обсуждавшимися на различных форумах) в российском эмигрантоведении.

У Пархомовского уже были установлены контакты с некоторыми потенциальными авторами, да и сам он по мере возможности продолжал исследования и исподволь накапливал материалы для будущего издания. И все-таки надо было решиться на столь ответственное начинание – ведь тогда у него, в сущности, не было никакого редакторского опыта. К тому же напомним: эра массовой компьютеризации еще только начиналась. Интернет и, главное, электронная почта еще не вошли в обиход – для переписки с авторами приходилось пользоваться традиционной почтой, а за малейшей справкой отправляться в библиотеку. Но чувство свободы, открывшихся горизонтов и, казалось, неисчерпаемых возможностей окрыляло тогда и новоявленного редактора, и его добровольных помощников (в первую очередь жену, Р. Пархомовскую, с самого начала взявшую на себя труд корректора и литературного редактора), и авторов публикаций, найденных в разных странах Старого и Нового света.

Статей для альманаха набралось так много, что следом за первым уже в 1993 г. вышел второй выпуск. Не только для редактора, но и для авторов время было нелегкое – преодоление бытовых трудностей и необходимость адаптироваться к новым условиям требовали немалых усилий и от тех, кто уехал из России (на несколько лет или навсегда), и от тех, кто оставался в ее пределах. Но для исследователя все же главное – иметь возможность донести до людей свои открытия. А за несколько десятилетий цензурных табу у многих исследователей отложились интересные, а то и сенсационные материалы. К тому же на территории только что распавшегося СССР вдруг стали доступны чуть ли не все государственные архивы, периодические издания были полны таких публикаций, о которых раньше и подумать было нельзя. В стране динамично формировалось новое пространство человеческих знаний и научных исследований, вырабатывались новые формы представления их ре-

евреев, для которых русская культура стала столь же своей, как еврейская, а русский язык был если не родным, то, во всяком случае, языком профессионального общения. Именно ими была создана русскоязычная беллетристика, поэзия, драматургия, публицистика, научные труды по истории и т.д., пользовавшиеся большим успехом.

4. В течение последних 1,5–2 веков из России выехали более 4 млн. евреев.

зультатов широкой читающей публике. Альманахи Пархомовского вносили немаловажную лепту в этот процесс. В глазах постсоветского читателя заявленное направление было новшеством. С одной стороны, оно примыкало к начавшим интенсивно развиваться новым областям знаний – российскому эмигрантоведению и иудаике. С другой стороны, занималось изучением культурного наследия евреев, следуя дореволюционной традиции.

Альманахи были новаторскими не только по содержанию, но и по форме. В них печатались материалы различного характера – не только статьи, написанные профессионалами, но также свидетельства или сохранившиеся в архивах письменные документы самых обычных людей, никогда не думавших о публикации. Дилетантский, казалось бы, элемент гармонично вписывался в общий контекст, не нарушая его целостности – он подавался тактично, в случае необходимости снабжался соответствующими комментариями. Установка на открытие новых и хорошо забытых старых имен, культурно и исторически значимых событий, фактов, явлений принесла свои плоды – читательский интерес к новому изданию рос постоянно, его начали читать на всех континентах.

После выхода пяти первых выпусков, было решено немного подкорректировать название альманахов. Это было вызвано тем, что мыслившиеся ранее рамки оказались тесны. Правда, *культура* в широком понимании слова часто служит синонимом понятия *цивилизация*. Но все-таки для широкой читательской аудитории культура в первую очередь связана с гуманитарными дисциплинами. А в альманахах все чаще стали появляться материалы, посвященные деятелям науки, людям, проявившим себя в военном деле, путешественникам, основателям поселений на далеких континентах и т.д. В отдельную тему выделились история и последствия Холокоста. Поэтому, начиная с шестого тома, цикл получил название «Русское еврейство в Зарубежье» (далее: РЕВЗ), а нумерация томов стала двойной. Кроме того, закончив на пятом томе определенный этап работы, М. Пархомовский счел, что пришла пора объединить собранных вокруг издания специалистов в формальную структуру. Организованный им в 1997 г. Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье» ставит задачу собирать, изучать и распространять сведения о деятельности русских евреев-эмигрантов в различных странах мира, а также изучать вклад выходцев из России в создание и становление государства Израиль[5]. В 1997–1998 гг. М. Пархомовскому было присвоено звание «Человек года» в Англии и США (с этого времени его биография фигурирует в нескольких англоязычных справочниках «Кто есть

5. Информацию о деятельности Центра см. на сайте: http://www.rehes.org/lst1/rus_iud.html

кто»). В 2003 г. ему был присужден грант имени Анны Хавинсон (США) и премия фонда Розы Эттингер (Израиль). Под его руководством Центр, помимо альманаха, начал издавать журнал «Иерусалимский русско-еврейский вестник», посвященный его текущим мероприятиям.

В результате новой формы подачи материала структура дальнейших выпусков альманахов РЕВЗ также претерпела некоторые изменения. Если традиционное распределение публикаций по тематическим разделам себя оправдало, то первоначальный замысел посвящать каждый том определенному историческому периоду оказался не слишком конструктивным. Счастливой находкой оказалась идея группировать статьи по «географическому» принципу.

В 2000 г. вышел том 2 (7) с подзаголовком «Русские евреи в Великобритании». Следующий том 3 (8) был посвящен Франции, а материала для него собралось так много, что его хватило не только на следующий том 4 (9), но и на часть тома 5 (10). Остальные публикации этого тома охватывали жизнь русских евреев в Германии, Швейцарии, Эстонии, Израиле и Великобритании, по которым было немало публикаций в предыдущих томах, а также подборка по странам, где эмиграция была не такой многочисленной и, самое главное, мало изученной – Аргентине, Болгарии, Венгрии, Италии, Канаде, Китае, Южной Африке.

Что касается разделов, то с самого начала в различных томах РЕВЗ обязательно фигурировали такие, как «Книжное дело и периодика», «Архивы и мемуары», «Литература. Языкознание», «Философия», «Изобразительное искусство», «Сценические искусства», «Наука», «История. Общественные деятели», «Русские евреи в Палестине / Израиле», «Катастрофа». Иногда появлялись более специфические единичные рубрики – «Шахматисты», «Студенты-евреи из России в Европе», «Первые среди равных». В конце обычно помещался раздел «Дискуссии», где печатались отзывы и реплики по поводу опубликованного.

Дискуссии вел и направлял М. Пархомовский, чьи методы работы и накопленный опыт позволили не опустить планку в непрерывно менявшейся ситуации. Особо стоит отметить его умение работать с авторами: находить среди пишущих индивидуумов именно тех, кто нужны альманаху, и убедить их дать материал, а то и провести целевое исследование и представить результаты в увлекательной и яркой форме. На помощь авторам в поисках нужных сведений и редактирование текстов Михаил Аронович никогда не жалел своего времени.

В архиве главного редактора остались письма ушедших (И. Гржебиной, И. Берлина, Д. Штурман, М. Агурского, Е. Эткинда, Ю. Абызова и др.). Думается, что эти мемории (или, по крайней мере, их фрагменты) могли бы составить небезынтересные публикации. К подготовке и редактированию некото-

рых томов М. Пархомовский часто привлекал специалистов по данной теме – соредактором первого тома стал Л. Юниверг, седьмого (Великобритания) – А. Рогачевский, восьмого и девятогого (Франция) – Д. Гузевич.

Выход десятого тома РЕВЗ обозначил определенный этап – в послесловии к нему так и объявлялось: «том завершающий, но работа продолжается». Теперь направление развития издания и сопутствующей исследовательской деятельности во многом определялось созданным в 1997 г. Центром. Тем не менее издание альманахов продолжалось под тем же названием. Том 16-й содержит публикации статей, посвященных Германии и Австрии. Остальные тома РЕВЗ разделились на особые тематические направления.

Серия о жизни русских евреев в Палестине / Израиле получила название «Идемте же отстроим стены Йерушалаима» (над их составлением и редакцией, помимо М. Пархомовского, работали Н. Борщевский, Р. Пархомовская, И. Резник, Ю. Систер). Том 1 (11) – «Евреи из России, СССР и СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль», где более детально рассматривается роль и достижения выходцев из России в Израиле. Том 13 посвящен памяти ушедших: «Катастрофа и Сопротивление». Том 2 (14) – «Они создавали историю». Том 3 (17)[6] открывается концептуальной статьей А. Эпштейна «Создание Государства Израиль как национальный проект российского еврейства». Основоположником политического сионизма принято считать Т. Герцля, однако не будет преувеличением сказать, что без российского еврейства сионистская идея не имела ни малейшего шанса на успех, ведь именно в Российской империи родились почти все основоположники главных направлений сионистской мысли. Том 4 (19) озаглавлен «Через Дальний Восток – на Ближний».

Еще одно серьезное направление работы Центра нашло отражение в издаваемой и редактируемой Э.А. Зальцбергом (Канада) серии «Русские евреи в Америке», также поначалу выходившей со своей внутренней нумерацией. Начиная с 2005 г. вышли тома 1 (12), 2 (15), 3 (18), 4 (20), 5 (21), 6 (22); последний вышел из печати в июне 2012 г. Материалы этой серии охватывают богатейшую историю русско-еврейской эмиграции на двух американских континентах и заслуживают особого обзора.

Итогом исследовательской работы стала также вышедшая в 2008 г. монография «Евреи России в зарубежье. Очерки истории». Композиция книги определялась тем же «географическим» принципом изложения. К сожалению, объективные причины не позволили на должном уровне завершить книгу так, как она первоначально задумывалась, поэтому очерки о самых главных странах русско-еврейской эмиграции (США, Франция, Германия, Великобрита-

6. С содержанием тома и аннотацией статей можно ознакомиться на сайте: http://www.rehes.org/rus_iud/rus_iud6.html

ния) были представлены лишь отдельными темами, открывая поле деятельности для дальнейших разработок.

В 2012 г. из печати вышел справочный том по всему издательскому циклу РЕВЗ, который подытожил 20-летнюю историю его существования. В недалеком будущем изданные за 20 лет материалы будут размещаться на различных тематических сайтах, а также на сайте Центра. Успешно начатые серии будут продолжены, но это – уже следующий этап работы.

«Я радуюсь тому, что эта серия продолжается и – даст Бог – продолжится, – отозвался на выход изданий РЕВЗ академик РАН В. Топоров. – …Писать о роли евреев в русской культуре не только не нескромно, но необходимо. И это нужно для обеих сторон, поскольку именно здесь их общее поле».

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Каррер д'Анкос Э.

РОССИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ[1]

CARRERE D'ENCAUSSE H.
La Russie entre deux mondes. Paris: Fayard/Pluriel, 2011. – 327 p.

Падение 9 ноября 1989 г. Берлинской стены, пишет французская исследовательница, стало для «сателлитной Европы», большинства других стран событием, означавшим конец коммунизма и XX в. Но для России XX в. в 1989 г. не окончился. Агония этой эры в памяти русских отмечена двумя другими заметными датами: 8 декабря 1991 г., когда в одночасье исчез мощный Советский Союз, и 31 декабря 1999 г., когда мирно и добровольно ушел в отставку Борис Ельцин. Его уход был необычным явлением в стране, где правители теряли власть лишь по принуждению, это событие, по мнению автора, означало окончание «переходного периода» [с. 9].

Эти разные календари показывают два разных похода к истории, они вызывают непонимание России, мучительно выходящей из коммунистического прошлого, в остальном мире. Международное сообщество тепло приняло посткоммунистические европейские государства, как на время покинувших его блудных сыновей, но с подозрением отнеслось к новой России. Разумеется, выход стран Восточной и Центральной Европы из «красного» тоталитаризма – знаменательный исторический факт. Но если выставлять его самым важным событием, то при таком подходе «русский катаклизм» выглядит второстепенным и периферийным явлением.

У многих остаются сомнения: вышла ли Россия из коммунизма? В каких отношениях с Европой находится возникшая на развалинах СССР добровольно ликвидировавшая свою империю новая Россия? В каких отношениях она со своим вековым прошлым? Сами русские на протяжении своей истории не переставали спорить о своей идентичности: кто они – европейцы, азиаты, евроазиаты? У Михаила Горбачёва, пытавшего-

1. Книга известного французского историка и политолога Элен Каррер д'Анкос, посвященная история России последних 20 лет, заметно выделяется в ряду ее собственных предыдущих работ о России (Carrere d'Encausse H. La Gloire des nations ou la fin de l'Empire sovietique. – Paris: Fayard, 1991. – 469 p.; Eadem. Victoriuese Russie. – Paris: Fayard, 1992. – 381 p.; Eadem. La Russie inachevee. – Paris: Fayard, 2000. – 285 p.). В ней даны взвешенные оценки нынешнего состояния и перспектив отношений России со странами Запада и Востока. Автор пытается ответить на традиционный и все еще актуальный для западного человека вопрос: надо ли бояться России? (Прим. реф.).

ся в революционной манере изменить страну, не было сомнения: Россия – страна европейская, Европа это общий дом для России, в то время еще советской, как и для всех народов, живущих на континенте. Но мнения европейцев, и в особенности французов, на сей счет всегда разделялись.

Надо ли бояться России, задается вопросом автор? Эта боязнь возникает из-за бескрайних размеров России, самой большой страны мира. Хотя при Борисе Ельцине она утеряла четверть своей территории, но все же то, что осталось, вызывает страх перед ее мощью. Вот уже 20 лет отделяют Россию от ее советского прошлого. В последнее десятилетие Россией правил Владимир Путин, определяя внутреннюю и внешнюю политику страны. Его «злосчастному высказыванию» о развале СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе XX века» [с. 11] следует справедливости ради противопоставить постоянно повторяемую им мысль, что «мы должны сделать Россию страной XXI века» [с. 13]. Путин был чрезвычайно популярен в стране в эти десять лет, и первой причиной этого стало восстановление внешнеполитического влияния России, а затем и улучшение материальных условий жизни.

Автор предлагает взглянуть на Россию Путина, Россию XXI в., в зеркале ее статуса и международных достижений, чтобы понять, насколько оправдан вопрос «Надо ли все еще опасаться России?» и как на него надо отвечать [с. 14].

Следующую главу «Россия в поисках самой себя» Каррер д'Анкос начинает с цитаты – четверостишия из знаменитой песни А. Галича «На реках Вавилонских»: «Что ни год – лихолетье, Что ни враль, то Мессия! Плачет тысячелетие / По России Россия!» [с. 15]. Она сосредоточивает внимание на событиях 1991 г., когда Россия пережила свою «цветную революцию» на десять лет раньше, чем Грузия или Украина. Когда Ельцин стал президентом России 12 июня 1991 г., ситуация внутри СССР полностью переменилась. А сразу же после августовского путча 1991 г. стало ясно, что СССР больше не существует.

В следующей части «СССР умер, да здравствует Россия», автор отмечает, что распад СССР оказал глубокое влияние на Россию. Ельцин намеревался создать в стране демократию и рыночную экономику, получил признание либерализм, экономист-либерал Е. Гайдар стал первым из премьеров ельцинской поры, начавшим политику «шоковой терапии», аналогичной тому, что проводилась в Польше. Его консультантами были западные экономисты, мало знакомые с российской действительностью. Они игнорировали тот факт, что Россия не Польша, что история этих стран, включая коммунистический период, различна. Результат такой «шоковой терапии» для России оказался «ужасающим» [с. 21]. Но тем не

менее возврата к коммунизму не произошло.

Что касается внешней политики, то Ельцин, хотя и был в прошлом советским аппаратчиком, был приверженцем развития отношений с Западом, считая Россию частью Европы. Однако после первых лет взаимопонимания возникли противоречия, и во внешней политике России появился восточный вектор [с. 23–29]. Укреплялись дружеские связи с соседним Китаем, развивались отношения с другими восточными странами, включая Японию. В 1996 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества, в которую первоначально вошли Китай, Россия, Киргизстан, Таджикистан [с. 33]. При Путине диверсификация российской внешней политики продолжилась, Россия смогла уверенно отстаивать свои национальные интересы [с. 308–312].

Каррер д'Анкос рассматривает и жгучие внутриполитические проблемы России: состояние экономики, трудности демографического плана [с. 63–67]. Она анализирует развитие отношений внутри СНГ, политику России в отношении Белоруссии, Украины, стран Средней Азии, рассматривает внутреннее положение в различных странах СНГ, в частности в Казахстане с его 40% русского и украинского населения. Она обращается к темам положения на Кавказе, отношениям России с бывшими кавказскими республиками СССР, ситуации в районе Каспийского моря и соперничеству разных стран в получении оттуда углеводородов. Особое внимание уделяется положению в российских автономных республиках Северного Кавказа, в том числе событиям Чеченской войны. Население одобрило решительную позицию Путина (автор напоминает, что он стал премьер-министром 9 августа 1999 г.) после вторжения в августе того же года чеченских вооруженных отрядов в Дагестан, когда он пообещал преследовать и добивать террористов повсюду. Достигнутые под его руководством успехи в остановке наступления радикальных исламистов из Чечни, распространения их влияния на другие мусульманские регионы страны автор расценивает как проявление его «маккиавеллизма» [с. 48].

Путин не раз подчеркивал особый характер сосуществования русских с мусульманами. В главе анализируются «немыслимый треугольник Москва–Анкара–Иерусалим», возвращение России в арабский мир, геополитическое российско-иранское партнерство.

В заключительной главе «Грузинская война» рассматриваются ход и результаты короткой российско-грузинской войны августа 2008 г. [с. 241–303]. В отличие от большинства западных аналитиков автор не возлагает вину исключительно на Россию, указывая и на действия президента Грузии, которые привели к этой войне. Россия тем самым хотела наказать своего заносчивого соседа, стремившегося открыть дверь на Кавказ для НАТО, полагает автор. Война 2008 г. стала переломным момен-

том, она показала, что Россия не приемлет ни возвращения к «холодной войне», ни одностороннего господства на международной арене, когда с ней не считаются.

Возвращаясь к этой теме в заключении, автор пишет: «Вступив в эту войну, Россия четко дала понять, что она не страна с сомнительной демократией, которую международное сообщество может инспектировать и осуждать за нарушение правил, отказывая ей в праве действовать в соответствии со своими интересами, а полноправная демократическая страна. Этим жестом Россия противопоставила США свой статус бесспорной державы, тем самым намереваясь наметить очертания мира после холодной войны и положив конец такому миру, где можно было бросать ей вызов "цветными революциями", придвижением НАТО к ее границам и безрассудным размещением противоракетных баз у ее пределов» [с. 309–310].

После выхода из коммунизма Россия столкнулась с двумя императивами: осуществления реконструкции, т.е. создания демократического государства и рыночной экономики, а также внушения уважения к себе на международной арене [с. 306]. Какой же будет Россия? Этот вопрос заставляет русских еще раз задуматься над идентичностью своей страны. «Для большинства русских, как и для их правительства, Россия – не азиатская страна, а великая европейская держава, географически расположенная в Азии и благодаря этому исключительному положению обладающая возможностью быть полноправным членом постзападного мира. Осознание европейской идентичности России никогда не было столь велико, как в XXI веке, когда эта проблема встала со всей остротой» [с. 311].

Нынешняя потребность для России «быть державой одновременно современной и нравственной заставляет вспомнить русские споры XIX в. Не свидетельствует ли это о том, что вместо того, чтобы бояться России, надо попытаться понять ее и осознать, что, раздираемая между двумя мирами, она все же идентифицирует себя с Европой и хочет жить с ней и далее одной судьбой? Мы должны этому способствовать», – заключает Каррер д'Анкос [с. 314].

В.П. Любин

Кругман П.

КРИЗИС: ПОЧЕМУ ЭКОНОМИСТЫ ОБАНКРОТИЛИСЬ?

KRUGMAN P. Crise: Pourquoi les économists ont failli // Alternatives écon. – P., 2012. – N 309. – P. 74–76.

В статье лауреата Нобелевской премии по экономике, профессора Принстонского университета (США) рассматриваются причины неспособности экономистов предсказать финансовый кризис и его последствия.

Основная задача макроэкономистов, отмечает автор, состоит в предотвращении или, по крайней мере, смягчении экономических кризисов. Но экономисты не справились с такой задачей: во-первых, они не смогли предвидеть кризис 2008–2009 гг.; во-вторых, они даже не предполагали возможности наступления кризиса; в-третьих, они оказались неспособными дать совет о том, что делать в условиях кризиса. Первый упрек, с точки зрения автора, не совсем справедлив. Второй гораздо серьезнее: любой, обладающий историческими знаниями, должен был понять, что эпоха финансовых кризисов далека от завершения. Наиболее очевидным провалом экономистов является полное непонимание сути экономических депрессий.

Хотя нереалистично ожидать от экономистов точного определения времени наступления кризиса или его первых жертв, они должны были осознавать приближение кризиса. Автора удивляет фактическое игнорирование экономистами возникновения огромного «пузыря» на рынке недвижимости. Как показал в 2005 г. Р. Шиллер, увеличение реальной цены недвижимости после 2002 г. явилось грубейшей ошибкой рынка, более явной, чем «пузырь» Интернета, поскольку последний затрагивал совершенно новые технологии с неизвестным потенциалом. Кроме того, человечество уже 7 млн. лет обитает в жилищах и могло бы уже научиться оценивать их стоимость.

Основную роль в том, что большинство экономистов не заметили «пузыря» недвижимости, сыграла теория эффективных рынков в широком смысле слова, т.е. вера в то, что рынки не могут ошибаться. И это свидетельствует о присутствии структурной ошибки в профессии.

Когда «пузырь» лопнул, многие экономисты, включая автора, не представляли всех последствий этого события. Простое обращение к истории кризисов должно было показать, что крах рынка недвижимости может повлечь за собой масштабный финансовый кризис и проблемы в макроэкономике в целом. Тем более что некоторые экономисты, изучавшие азиатский

финансовый кризис 1990-х годов, указывали на появление таких проблем. В этой связи автор упрекает и себя за неприменение той же логики к краху американской недвижимости.

Если в целом можно извинить экономистов за неспособность предсказать финансовый кризис, гораздо труднее снисходительно отнестись к их неспособности допустить его возможность. Банковские кризисы – популярный сюжет в современной экономической истории. Никто не может претендовать на роль макроэкономиста без глубоких знаний того, что произошло в 1931 г. одновременно в США и Европе. Однако можно и не углубляться так далеко в историю, достаточно вспомнить скандинавские кризисы начала 1990-х годов и азиатский и аргентинский кризисы в конце того же десятилетия.

Существуют теоретические модели банковских кризисов. В частности, каноническая модель Д.У. Даймонда и Ф. Дибвига раскрывает процесс банковской паники[1]. По мнению этих специалистов, ее возникновению препятствуют достаточные гарантии по депозитам. Многие экономисты не уделили должного внимания их работе и отнеслись к ней как к эссе по экономической истории, описанию того, что могло произойти в прошлом. Если бы, прочитав работу Даймонда и Дибвига, экономисты задались вопросом, какие институты соответствуют определению банков, а какие не являются институтами для хранения депозитов и не покрываются соответствующими гарантиями, они бы поняли, что банковский кризис, подобный кризису 1931 г., не является чем-то случайным в XXI в.

Сегодня мировое сообщество столкнулось не просто с банковским кризисом, а с общим макроэкономическим кризисом. Автору хотелось бы верить, что его недавние совместные работы с Г. Эгертссоном по моделированию подобных проблем вносят определенный вклад в понимание природы современного кризиса. Но экономистам необходимо осознавать эти проблемы, учитывая, что существует длительная, хотя и слабая традиция анализа, ориентированная на исследование левериджа и макроэкономических рисков, связанных с ним.

Хотя у экономистов есть достаточно разработанные инструменты для оценки риска, возникшего в 2008 г., они их игнорировали. Автор объясняет это исключительно верой в рыночные механизмы. В этих условиях даже намек на возможность возвращения «старых демонов» в новом обличье поставил бы под сомнение обоснованность проводившейся десятилетиями политики. Однако грубейшую ошибку экономисты допустили позднее.

В начале 2009 г., когда план Б. Обамы по оживлению экономики еще обсуждался, многие из-

1. Diamond D.W., Dybvig Ph. Bank runs, deposit insurance, and liquidity // J. of political economy. – Chicago, 1983. – Vol. 91, N 3. – P. 401–419.

вестные экономисты утверждали, что федеральные расходы, финансируемые за счет задолженности, не могут в принципе поднять уровень совокупных расходов. Подобные заявления свидетельствуют об их полной неосведомленности относительно выводов макроэкономического анализа за истекшие 25 лет.

Послекризисные политические дебаты ясно показали, что многие экономисты ничего не знают о мультипликационном эффекте, и это свидетельствует о начале «мрачного для макроэкономики периода», поскольку профессиональное сообщество потеряло свои старые знания подобно тому, как Европа, завоеванная варварами, потеряла знания греков и римлян.

Пока монетарная политика могла обеспечить макроэкономическую стабилизацию, потеря знаний не создавала слишком много проблем. Даже когда модели общего равновесия доминировали в университетских курсах, центральные банки, как средневековые монастыри, хранили традиции. Но современный кризис лишил монетарную политику возможности маневра, и появилась настоятельная необходимость в разработке других принципов действия. Но это оказалось невозможным из-за потери знания.

По мнению автора, такое развитие событий связано с неконтролируемым социальным процессом, когда академические успехи в экономической науке достигаются, прежде всего, за счет публикации «крепких» статей, в которых используется сложный математический аппарат. Это стимулировало исследования, ориентированные на модели общего равновесия, в противоположность специальным (для конкретного случая) моделям, которые автор считает полезными для макроэкономики. Университеты в свою очередь все больше и больше сосредоточивалось на этом типе работ, поскольку они обеспечивали публикацию и доступ к профессии. Множество студентов готовили к данной новой версии макроэкономики, что привело к потере контакта с прежними интеллектуальными достижениями. А когда эти студенты начали профессиональную жизнь, они стали ставить барьер любому человеку, подвергавшему сомнению доминирующий подход.

В итоге пред лицом одного из тяжелейших экономических кризисов у экономистов нет единого подхода к вопросу о путях выхода из него. Из сундуков истории извлечены и представлены как новые (и таковыми их воспринимают многие экономисты) давно отвергнутые доктрины.

Сожалея о неспособности теоретиков предсказать развитие кризиса, автор отмечает, что некоторые экономисты, в том числе и он сам, стремятся учесть в своих исследованиях уроки кризиса. Но принципиальная проблема экономической науки сегодня состоит, по его мнению, в отсутствии новых макроэкономических моделей.

Положительно оценивая призывы к созданию новой экономической науки, автор подчеркивает,

что наиболее серьезной профессиональной проблемой является не адаптация к меняющемуся миру, а восстановление знаний предшественников. Общество действительно нуждается в изменении сложившейся траектории социального развития, которую он считает разрушительной. Автору хотелось бы знать, как это сделать. Однако трудность в том, что он экономист, тогда как для решения своих внутренних проблем общество скорее нуждается в социологах.

И.Ю. Жилина

Гюидер М.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

GUIDERE M. Histoire immediate du «printemps arabe» // Debat. – P., 2012. – N 168. – P. 129–145.

Автор (профессор исламологии в университете Тулуза-II, Франция) отмечает, что во многих западных оценках событий, произошедших в арабском мире в начале 2011 г., используются подходы и понятийный аппарат, сложившиеся в науке на основе европейского и североамериканского исторического опыта. Такой подход искажает сущность и значение революционных движений в арабских странах.

События 2011 г. представляют «несомненный разрыв с революционной историей арабских стран, в которой революции и реформы осуществлялись военными и политическими элитами сверху. Во время нынешней "арабской весны" революция произошла снизу» [с. 130]. Ее основными причинами стали соединение экономических (безработица, кризис, коррупция), политических (авторитаризм, репрессии) и демографических (высокая рождаемость, меняющаяся возрастная пирамида) факторов.

Несмотря на различия ситуаций в арабских странах, большинство манифестантов говорили о «революции достоинства» (карама), иными словами об условиях существования, недовольство которыми достигло такой степени, что желание свободы оказалось сильнее страха смерти. В Тунисе и Египте эта свобода стала возможной благодаря отказу армии применять грубую силу в отношении мирных демонстрантов. В Ливии свобода была достигнута вследствие операции НАТО. В других арабских странах мирное противоборство с правящим режимом показало свою ограниченность из-за жесткой реакции властей. До сих пор в арабских странах мирная смена власти происходила лишь в случае наследования. «Прольется еще много крови и слез, прежде чем опыт мирной смены власти здесь станет привычным».

Гюидер считает сильно преувеличенной роль Интернета и социальных сетей в возникновении и развитии арабских революций. Конечно, Интернет является мощным мобилизующим и коммуникационным инструментом. «Но революцию делают ее участники и их требования, а не технические средства» [с. 131]. Впрочем, следует отметить, что Интернет давно используется в арабских странах в политических целях. Особенно в этом преуспели исламисты.

Анализируя характер и цели народных выступлений в арабских странах в 2011 г., автор подчеркивает со всей определенностью, что

«немногие арабы выходят на улицу во имя “демократии”, и еще меньшее их число хотят умереть за “республику” как идеал» [с. 132]. Наиболее распространенный лозунг демонстрантов во всех арабских странах, охваченных народными волнениями, – «народ требует смены режима». А главные требования касались социальной справедливости и искоренения коррупции. На Западе эти требования называют «переходом к демократии», однако это не является приоритетом для участников массовых выступлений и не содержится в их провозглашаемых дискурсах и намерениях. «Характер и цели этих народных волнений схожи скорее с консервативной революцией» [с. 132].

Гюидер указывает на следующие характерные черты нынешних народных движений в арабских странах. Во-первых, они не имеют ни лидеров, ни идеологов. Народ учится свободе на марше. Такое отсутствие революционного лидерства создает благоприятные условия для движений, исторически считающих себя оппозиционными нынешним правящим режимам. Прежде всего от этой ситуации выигрывают исламисты, они оказываются на политической авансцене, как только проходит революционная эйфория. Во-вторых, движения не имеют идеологии, что опять-таки на руку единственному движению, радикально оппозиционному нынешним правящим режимам – исламизму, провозглашающему себя единственной альтернативой, противостоящей модернистским идеологиям (социализму, национализму, либерализму), попеременно доминировавшим в арабских странах, начиная с обретения независимости, и потерпевших крах. В-третьих, движения не имеют программы. Единственное их требование – ниспровержение нынешнего правящего режима. Такое положение выгодно политическим образованиям, программа которых проста и нова: отныне арабские народы должны повернуться к исламистскому проекту за неимением лучшего.

Оценивая перспективы нынешней революции, Гюидер особо подчеркивает характерную черту этой и других политических, экономических и социальных революций, совершавшихся в прошлом в арабском мире: они не затрагивали сложившуюся ментальность и базовые социальные структуры. И ныне культурной революции не происходит, традиционные структуры по-прежнему сохраняются: семья остается главным ориентиром, клан является убежищем, племенные ценности весьма ценимы. В этой связи автор напоминает суждение Ф. Шатобриана: «Любая революция, которая не меняет нравов и идей, терпит крах» [с. 133].

В современных арабских обществах формально наличествуют понятия, заимствованные из западной политической системы (президент, министр, префект, депутат и т.п.) и соответствующие им институты, но они не укоренены в местной социально-культур-

ной среде. То же самое относится к понятию «демократия». Под давлением Запада большинство руководителей используют формальные структуры демократии, но не создали главного – правового государства. Сегодня для большинства арабского населения слово «демократия» является «понятием без понимания заключенного в нем смысла» [с. 133]. В арабских обществах по-прежнему превалирует концепция власти сверху.

Автор считает, что анализировать понятие власти в арабских странах уместнее в категориях силовых отношений, подчинения и верноподданичества, чем в политических и институциональных терминах. Система и логика авторитарности и подчинения пронизывает все социальные и политические институты арабских стран: семью, клан, племя, общественные ассоциации, партии, профсоюзы и государственные институты.

В статье характеризуются три основные действующие традиционные силы, оказывающие решающее влияние на социально-политическую динамику развития арабских стран, три центра власти, сохраняющие и культивирующие традиционную систему авторитарности, зависимости и солидарности в арабских обществах: племена, армия, мечеть.

Племя – предельно расширенная семья, основанная на реальных или воображаемых кровнородственных связях, древнейшая социальная структура арабских обществ. Эта структура может принимать клановые или региональные формы солидарности, которые часто используются в социальных действиях и в политической жизни. Вождь племени или клана, а тем более конфедерации племен – влиятельная фигура. Он улаживает внутренние конфликты, отношения с другими группами и центральной властью в его распоряжении значительные финансовые и человеческие ресурсы. Например, в Йемене племенные конфедерации объединяют почти все население страны. Большинство политических партий в этой стране созданы и возглавляются вождями племен или конфедераций племен или их родственниками. Аналогичным образом устроена политическая власть в Ливии, где длительное время власть принадлежала клану Каддафи, опирающемуся на поддержку дюжины других кланов, связанных между собой матримониальными альянсами. Этот племенной и региональный дух усилился после ухода режима Каддафи и без сомнения окажет определенное влияние на будущее страны.

Армия во многих арабских странах – неизменный политический и экономический фактор. Важно различать разные типы армий в этом регионе. В Египте и Тунисе – это народные армии, формирующиеся на основе массового призыва и тесно связанные с населением, что позволило избежать гражданской войны во время массовых антиправительственных выступлений в 2011 г. В Египте с 1952 г., когда произошла революция «свободных офицеров»,

свергшая монархический режим, все президенты страны были военные. После отставки М. Мубарака (11 февраля 2011 г.) Высший совет вооруженных сил обеспечивает мирный переход к новому политическому режиму. Армия стремится осуществить политические изменения, требуемые египетской молодежью, не утратив своей власти и политического влияния. В Египте, как и в других арабских странах, формируется «партия порядка», возникающая из альянса военных и исламистов. В условиях революционной волны, несущей нестабильность, а иногда и хаос, эти силы выступают как гаранты сохранения государства и политической стабильности. «Речь идет о консервативных силах, которые могут в случае серьезных беспорядков быстро превратиться в контрреволюционные силы, в своего рода национал-исламистскую коалицию» [с. 141].

В Сирии и Мавритании армии являются профессиональными, образуя особую социальную касту. Наконец, в Йемене, Ливии и Иордании существуют племенные армии, состав которых вербуется из определенных племен. Особняком стоит алжирская армия, являющаяся главным институтом страны и представляющая собой прямую наследницу Армии национального освобождения – вооруженного крыла Фронта национального освобождения, под руководством которого была достигнута независимость страны после многих лет вооруженной борьбы. Алжирская армия сумела выиграть затяжную, длившуюся почти десять лет (1992–2002) войну с исламистами и ныне является ведущей политической силой страны.

Наиболее эффективной формой социальной организации и мобилизации населения в арабских странах является религия и ее главный институт – мечеть. Как институт она формирует связи братства и солидарности членов религиозной общины, будь то в ограниченном варианте (джамааты) или в широком (умма). В лоне и на базе этого института формируются исламистские движения. «Исламизм – это идеология, а не религия, это система идей и религиозных убеждений, используемых для обоснования и оправдания политических действий» [с. 141].

Автор различает три основных типа исламизма.

Во-первых, народный, который нацелен на управление частной сферой и направлен на изменение поведения человека с целью создания нового индивида. Моделью для подражания этого течения исламизма является народная революция в Иране в 1979 г., осуществленная аятоллой Хомейни.

Во-вторых, политический исламизм, который стремится управлять публичной сферой, реформировать общество, преобразовать юридическую систему в духе шариата, реализовать социальную справедливость. Он вдохновляется опытом Турции последних лет, когда к власти пришла исламистская партия АКП и успешно руководит внутренней и внешней политикой страны.

В-третьих, джихадистский исламизм, сфера действия которого – международные отношения. В центре его внимания характер экономических и политических отношений между мусульманскими и западными странами, а цель – восстановление прежнего могущества мусульманского мира (халифат, панисламизм, гегемония).

Поскольку ислам составляет основу государства во всех арабских странах, важно видеть различия между политическими проектами «Исламской республики» и «Мусульманской демократии». Первый, подобно иранской модели, – теократия, управляемая религиозными деятелями (аятоллами, улама, имами и др.). Второй, по турецкой модели, – государство, управляемое в основном «светскими» политиками, не являющиеся религиозными деятелями.

В обоих случаях система управления использует шариат, но сфера его применения различна. В проекте «исламской республики» он регламентирует все аспекты и публичной, и частной жизни гражданина, социальное и межобщинное взаимодействие. В проекте «Мусульманской демократии» применение шариата ограничивается частной сферой, а границы его использования в публичной сфере обсуждает и определяет парламентское большинство. В 2011 г. по этим вопросам идут свободные дебаты в большинстве арабских стран, по которым можно сделать вывод, что исламисты всех направлений извлекают уроки и начинают осознавать, что мусульманские народы не хотят насилия во имя религии, а международное сообщество не готово принять религиозные режимы. Это обстоятельство побудило большинство исламистских партий и групп примкнуть к революционерам в их борьбе с правящими режимами и принять демократические правила игры, что означает, в долгосрочном плане, конец исламского терроризма, но не означает конца политического исламизма. Напротив, для него открывается широкое поле деятельности.

Кажется, что в арабских странах исламистские силы начинают мирное движение к «исламской демократии» [с. 143]. Но наряду с относительно умеренными исламскими организациями существуют и фундаменталистские организации и группы, которые проповедуют возвращение к религии предков и отвергают западную демократическую модель.

Анализируя перспективы политического развития арабских стран, Гюидер отмечает, что две политические модели оказывают влияние и регулярно используются современными арабскими лидерами – иранская и турецкая. Иранская «парламентская теократия» смогла увлечь некоторое число арабских исламистов, потому что она представляет первый и явный успех политического исламизма. Однако сегодня она кажется устаревшей, израсходовавшей свой потенциал и дышащей на ладан, демонстрирующей те же самые проблемы и трудности, что и дру-

гие автократические режимы в арабо-мусульманском мире.

Турецкая модель может быть лишь переходной фазой в развитии арабских государств на их пути к полной и осознающей свои границы демократии. Радикальные реформы, которые сформировали современную Турцию, не могут иметь место в арабских странах, потому что их основные социальные силы не готовы к ним.

Принимая во внимание нынешнее соотношение сил, кажется очевидным, что «исламистское движение, включая все его тенденции, будет длительное время представлено и играть большую роль на политической сцене» [с. 145]. В Тунисе исламистская партия «Эннахда» на выборах в Учредительное собрание получила более 40% голосов. В Египте в первом туре парламентских выборов «Братья-мусульмане» и салафитская партия «Ал-Нур» совместно получили 60% голосов [с. 144–145].

Однако, считает Гюидер, «гегемонистский сценарий представляется маловероятным, поскольку по социологическим и историческим причинам арабский мир ориентируется скорее на ту или иную форму мусульманской демократии. Речь идет о демократическом и плюралистском обществе, но с политикой, соответствующей духу Корана, социальной доктрины ислама. Исламисты смогут участвовать во власти, но они не смогут учредить "исламскую республику", потому что не являются политическим большинством в арабских странах. Безусловно, политический исламизм является сегодня главной идеологической силой во многих странах, но это связано с тем, что он позиционируется как оппозиционная и реформаторская сила. Его популярность вряд ли сохранится, когда исламизм будет заниматься повседневным управлением гражданскими делами революционной молодежи, которая сбросила старые режимы» [с. 145].

Было бы наивно полагать, что «переход к демократии» в арабских странах произойдет мгновенно, как по волшебству. Западные демократии должны в своих собственных интересах терпеливо поддерживать переходный политический процесс в арабских странах, не зацикливаться на исламистских рисках и следить за тем, чтобы революционная эйфория не трансформировалась под влиянием экономического кризиса или отживших идеологий в социальный или политический кошмар.

Ю.И. Комар

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

И.И. Глебова. Отечественная война в русской культуре
I.I. Glebova. The Patriotic War in Russian Culture

Ключевые слова: история России, Отечественная война 1812 г., Отечественная война 1941–1945, историческая память, историческая политика, символическая политика, массовое сознание.

Keywords: Russian history, Patriotic War of 1812, Patriotic War of 1941–1945, historical memory, historical policy, symbolic policy, mass consciousness.

Статья посвящена месту Отечественной войны в национальном сознании и предназначена показать, как память общества реагирует на важнейшие исторические события, какое символическое значение в них вкладывает. В работе предпринимается попытка выявления роли мифа войны, одного из определяющих для национальной культуры, в процессах конструирования легитимности современного режима и идентичности российского общества.

The study is devoted to the place of the Patriotic War in the national consciousness and strives to show how the society's memory responds to most important historical events and what symbolic meaning attaches to them. It attempts to define the role of the war myth as one of the determinants of national culture in the processes of building up a legitimacy for the present political regime and an identity for the Russian society.

С.В. Тютюкин. Уроки Александра Керенского и «керенщины» в 1917 г.
S.V. Tyutyukin. Lessons of Alexander Kerensky and «Kerenshchina» in 1917

Ключевые слова: Россия в начале XX в., революции 1917 г., А.Ф. Керенский, «керенщина», Временное правительство.

Keywords: Russia in the early 20th century, revolutions of 1917, A.F. Kerensky, «kerenshchina», Provisional Government.

За созданной Керенским в 1917 г. системой власти в России прочно закрепилось полуироническое, полупрезрительное название «керенщины», а сам премьер осенью этого года был уже не нужен ни «низам», ни «верхам» общества. Первых он разочаровал своим полным безразличием к их нуждам, выпуском огромного количества обесцененных бумажных денег, карательными экспедициями против крестьян и т.д. Вторых же – своей пассивностью и пустословием, разбродом в органах власти и полным падением престижа России за рубежом. Они уже не воспринимали премьера и как сколько-нибудь надежный оплот против быстро набиравшего силу большевизма.

The system of authority created by A.F. Kerensky in Russia of 1917 acquired half-ironical and half-contemptuous name of «kerenshchina» while the Premier himself was not demanded by either the bottom or the top classes of the society in the autumn of that year. The former were disappointed by his absolute indifference to their needs, huge emission of depreciated paper money, punitive expeditions against peasants; the latter by his passivity and idle talking, confusion in the government bodies and complete loss of confidence abroad. They no more comprehended the Premier as a reliable stronghold against quickly rising bolshevism.

Е.В. Фролова. Региональная дифференциация: Роль социальной инфраструктуры
Ye.V. Frolova. Regional Differentiation: The Role of Social Infrastructure

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., региональная политика, региональная дифференциация, городское развитие, социальная инфраструктура, муниципальное управление.

Keywords: Russia, early 21st century, regional policy, regional differentiation, urban development, social infrastructure, municipal government.

Эффективность развития инфраструктуры определяет, с одной стороны, уровень и качество жизни населения, с другой – инвестиционную привлекательность территории. В статье представлен сравнительный анализ основных показателей развития инфраструктуры по федеральным округам России, а также в зависимости от типа поселения. Одной из наиболее актуальных задач современной России является преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии отдельных регионов, муниципальных образований.

The effectiveness of infrastructural development determines both the level and quality of life in a territorial unit and its investment attractiveness. The work offers a comparative analysis of basic infrastructural growth indicators in the federal regions and their disparity depending on a type of settlement. One of the most urgent tasks in current Russia is to overcome the ensuing socio-economic disproportion of growth.

М.А. Положихина. Функции государства и структура органов исполнительной власти: Проблема соотношения

M.A. Polozhikhina. The Functions of the State and the Structure of Executive Bodies: The Problem of Correlation

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., государственное управление, органы исполнительной власти.

Keywords: Russia, early 21st century, state management, executive power bodies.

Преобразование структуры органов исполнительной власти после очередных президентских выборов превратилось в традицию современной России. За период 1992–2011 гг. по этим вопросам было принято не менее десяти указов Президента РФ, а также более 100 поправок к ним. Однако формирование органов исполнительной власти во многом остается стихийно-субъективным. Недостаточная степень рациональности построения отечественного государственного аппарата является одной из причин низкой эффективности системы государственного управления в России.

After the last presidential elections the transformation of executive power bodies became a tradition in modern Russia. Not less than ten presidential decrees and over 100 amendments to them were passed in 1992–2011. Nevertheless the formation of executive bodies remains largely spontaneous and partial. Insufficient rationality in building up executive bodies is one of the causes of state management low efficiency in Russia.

В.Ю. Музычук. Основные тенденции культурной политики в современной России
V.Yu. Muzychuk. Basic Trends of Cultural Politics in Today's Russia

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., развитие культуры, культурная политика.

Keywords: Russia, early 21st century, cultural development, cultural policy.

Культура не вошла в перечень приоритетных национальных проектов. Упоминание о культуре в ежегодных обращениях Президента РФ к Федеральному Собранию РФ впервые появилось в тексте Послания только в 2007 г. Концепция развития культуры до 2020 г., принятая в 2008 г., демонстрирует, что культура постепенно перестает быть сферой ответственности государства, в результате чего происходит перенос центра тяжести в поддержке культуры с государства на плечи населения.

Culture has not been included in the list of first priority national projects. In the yearly presidential addresses to the Federal Assembly culture was first mentioned in 2007. The concept of cultural development up to 2020 taken in 2008 shows that the state ceases to consider culture as a state burden trying to place greater responsibility for its support on the population.

Н.И. Кожевникова. Демографическое развитие России: Современный вектор
N.I. Kozhevnikova. Russia's Demographic Development: The Current Vector

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., демографический кризис, человеческий потенциал, социальные условия.

Keywords: Russia, early 21st century, demographic crisis, human potential, social conditions.

Демографическую ситуацию в России в последние два десятилетия можно характеризовать как кризисную, угрожающую будущему развитию страны. О реальности угрозы можно судить по численности населения России, которое в настоящее время более чем в 2 раза меньше той численности, которую прогнозировал в начале XX в. Д.И. Менделеев: по его расчетам оно должно было бы составлять сегодня уже 500 млн. человек.

The demographic situation in Russia in the last two decades can be characterizes as critical threatening the country's future. The reality of this threat can be weighed against D.I. Mendeleev's forecast saying that today the country's population would grow to 500 mln people, more than twice as much as it is now.

А.П. Обедков, А.А. Обедкова. Тенденции демографического развития России в постсоветский период

A.P. Obedkov, A.A. Obedkova. Russia's Demographic Development Trends in the Post-Soviet Period

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., демографическая ситуация, естественная убыль, динамика рождаемости, региональные различия.

Keywords: Russia, early 21st century, demographic situation, natural deaths, fertility dynamics, regional differences.

Распад СССР вызвал четвертый за последнее столетие демографический кризис в России, который, как и три предыдущих, проявился главным образом в беспрецедентно низкой рождаемости и высоком уровне смертности, значительно превышающего уровень рождаемости. В результате демографического перехода рождаемость в России соответствует уровню развитых стран, а смертность – уровню развивающихся стран. При этом коэффициент фертильности на протяжении большей части постсоветского времени был намного ниже критического уровня (1,6–2,1), обеспечивающего условия простого воспроизводства населения. Всего за период с 1992 по 2010 г. численность населения России сократилась на 13,2 млн. человек.

The disintegration of the USSR led to the fourth demographic crisis in Russia in the last one hundred years which, lire the previous ones, was reflected in an unprecedented low fertility and higher level of mortality. In fertility Russia stands equal to the developed countries, in mortality it compares to the developing ones. For the most of the post-Soviet period the fertility coefficient was much lower he critical level (1,6–2,1) which provides for simple reproduction. From 1992 to 2010 Russia's population diminished by 13,2 million people.

В.В. Бубликов, В.В. Маркова. Прогнозы демографического будущего России

V.V. Bublikov, V.V. Markova. Forecasts of Russia's Demographic Future

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., демографический кризис, миграция, экономика семьи, человеческий потенциал.

Keywords: Russia, early 21st century, demographic crisis, migration, family economy, human potential.

Еще никогда в российской истории будущее страны не находилось в столь прямой зависимости от уровня рождаемости ее жителей. Экономические, социальные, культурные, религиозные и другие факторы сохраняют свое значение, однако на первый план все же выходит главная предпосылка могущества – количество и «качество» населения страны.

Never before the country's future was so directly dependent on its fertility level. While economic, social, cultural, religious and other factors retain their importance, the number and «quality» of population strongly move to the fore ground as the chief precondition of the country's stability.

В.В. Пациорковский. Пространственная организация постиндустриального общества: Воспроизводство, движение и размещение населения

V.V. Patsiorkovsky. Spatial Organization of the Post-Industrial Society: Reproduction, Migration and Distribution of Population

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., размещение населения, городское население, сельское население, домохозяйство, воспроизводство населения.

Keywords: Russia, early 21st century, population distribution, urban population, rural population, household, population reproduction.

Размещение населения, сложившееся в индустриальную эпоху, препятствует решению задач демографического развития. Важным обстоятельством можно считать практически полное прекращение оттока сельского населения в города. И, как следствие, продолжение процесса концентрации городского населения в крупнейших городах теперь уже в первую очередь за счет малых, средних городов и поселков городского типа. Ориентация на концентрацию населения в крупнейших городских центрах, ошибочна для общества с низким уровнем рождаемости.

The distribution of population characteristic of the industrial stage hampers current demographic growth. A significant factor in this respect is practically complete ceasing of rural population inflow in cities. It is followed by the continued concentration of urban dwellers in largest cities at the expense of small and middle towns. Orientation toward the concentration of population in mega cities is fallacious for societies with low fertility.

Н.А. Родионова. Демографический кризис в России в контексте общественной трансформации

N.A. Rodionova. Demographic Crisis in Russia in the Context of Social Transformation

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., общественная трансформация, демографический кризис, демографическая политика, семейный уклад.

Keywords: Russia, early 21st century, demographic crisis, social transformation, demographic crisis, family mode.

России нужна эффективная семейно-демографическая политика, направленная на возрождение семейных ценностей, повышение социального статуса и престижа многодетной семьи, формирование у молодежи репродуктивных установок и условий для их реализации. Социокультурные традиции высокой значимости семьи и детей в России позволяют надеяться на преодоление демографического кризиса в стране.

Russia needs an efficient family and demographic policy designed to revitalize family values, raise the social status and prestige of a large family, foster young people's reproductive commitments and create conditions for their realization. Meaningful socio-cultural traditions of family raising and upbringing give some hope for overcoming the demographic crisis.

В.А. Ковалёв. В ожидании нового Франкенштейна (о «трансгуманизме», NBIC-конвергенции и постчеловеческом мире)

V.A. Kovalev. Anticipating a New Frankenstein (on «trans-humanism», NBIC convergence and the post-human world)

Ключевые слова: футурология, сценарии будущего, социальная антиутопия, технологическое развитие, трансгуманизм, постчеловеческий мир.

Keywords: future studies, future scenarios, social anti-utopia, technological development, transhumanism, post-human world.

Привлекают особое внимание сценарии будущего, описывающие социально-политические последствия новых технологий и политических искушений, перспектив и возможностей, возникающих как «справа», так и «слева» для новой версии Сверхчеловека и выхода на арену той или иной версии Искусственного Интеллекта. Это будущее, конечно же, не жестко детерминировано. Но серьезность угроз побуждает к всестороннему изучению вызовов XXI в.

Of special interest are those future scenarios which describe social and political consequences of new technologies and political temptations both on the «right» and «left» preparing the ground for a new version of The Superman and another version of Artificial Intellect. This future is not rigidly determined, but the graveness of the threats calls for a comprehensive analysis of the 21st century challenges.

А.М. Кулькин. Перспективы и риски развития технологий XXI века
A.M. Kulkin. Prospects and Risks of Technological Development in the 21st Century

Ключевые слова: наука и техника, технологическое развитие, технологические угрозы, информационные технологии, военные технологии.

Keywords: science and technology, technological development, technological threats, information technologies, military technologies.

Новые информационные технологии можно использовагь не только во благо, но и во вред человечеству, поскольку они многократно усиливают многие ранее существовавшие риски, а также создают новые, потенциально не менее разрушительные, чем прежние. Спектр негативных аспектов информатизации очень широк, они различны по масштабам – от индивидуальных до глобальных.

New information technologies can be used not only for the benefit, but for the evil to man as well, since they greatly multiply many existing risks while creating new ones not less destructive than the former. The range of negative aspects of informatization is very wide spreading from individual to global.

Л.Г. Белова. Конкурентные преимущества инноваций: Зарубежный опыт

L.G. Belova. Innovation Competitive Advantages: Some Foreign Experience

Ключевые слова: научно-техническое развитие, инновации, роль государства в экономике, мировой опыт, опыт Австралии.

Keywords: scientific and technological development, innovations, the state in the economy, world practices, Australian experience.

Мировой опыт показывает, что инновации обеспечивают конкурентное преимущество странам, как крупным, так и малым, например Финляндии – в Европе, Сингапуру и Южной Корее – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), превращая их в богатые страны мира. Более того, современная международная конкурентная борьба – это конкуренция между национальными инновационными системами.

World practices show that successful innovations provide competitive advantage to both large and small countries like Finland, Singapore, and South Korea making them rich countries. Moreover, current competitive struggle is a competition among national innovative systems.

Т.В. Чубарова. Здравоохранение в мире: Между индивидуальной и социальной ответственностью

T.V. Chubarova. Health Care in the World: Between Individual and Social Responsibilities

Ключевые слова: здравоохранение, политика здравоохранения, социальная ответственность государства, бизнес и медицина.

Keywords: health care, health care policy, social responsibility of the state, business and medical care.

Подходы к охране здоровья населения во многих развитых странах определяются соотношением трех важнейших параметров, которые некоторые эксперты концептуализируют как «железный треугольник здравоохранения» – затраты, доступность, качество. При этом финансовые аспекты сегодня выходят на первый план. В странах ОЭСР, например, общественные расходы на

здравоохранение, начиная с 1970 г. в среднем ежегодно растут более чем на 1,5%, чем ВВП этих же стран.

Approaches to health care in many developed countries are determined by the correlation of the three most crucial parameters conceptualized by some experts as an «iron triangle of health care» – expenses, access, quality. In this triangle financial aspects come to the foreground. E.g., in the OECD countries public expenditures on health care have been yearly rising since 1970 more than 1,5 percent more than gross domestic productivity in those countries.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2012 г.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.В. Алексеев. Сколько стоит модернизация? ... № 3, с. 72
В.В. Бубликов, В.В. Маркова. Прогнозы демографического будущего России ... № 4, с. 109
Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко. Религиозный ренессанс в России: Динамика и качественные характеристики ... № 1, с. 65
С.Ю. Глазьев, Е.А. Наумов, А.А. Понукалин. Концепция 2020: Региональная инновационная политика ... № 1, с. 35
И.И. Глебова. Отечественная война в русской культуре ... № 4, с. 6
М.В. Глигич-Золотарева. Управление федеративным развитием России: Теория и практика ... № 1, с. 6
Ю.И. Игрицкий. Многопартийная беспартийная Россия ... № 2, с. 30
М.В. Ильин. Как растут свобода и демократия на российской почве? ... № 3, с. 6
В.М. Капицын. Идейно-символьная политика и национальные интересы России ... № 2, с. 58
И.И. Кожевникова. Демографическое развитие России: Современный вектор ... № 4, с. 83
А.Е. Коньков. Федеральный центр и регионы России: Меняющиеся отношения ... № 1, с. 23
Н.И. Кутепова, А.А. Зайцев. Нужны ли России малые города? ... № 1, с. 91
О.М. Михайленок. Политическая модернизация и политическая стабильность: Российский дискурс ... № 3, с. 47
В.Ю. Музычук. Основные тенденции культурной политики в современной России ... № 4, с. 72
Ю.А. Нисневич. Стала ли Россия демократией? ... № 1, с. 52
А.П. Обедков, А.А. Обедкова. Тенденции демографического развития России в постсоветский период ... № 4, с. 95
Ю.Г. Павленко. Социальные факторы модернизации российской экономики ... № 3, с. 62

В.В. Пациорковский. Модернизация домохозяйств как императив развития России ..... № 3, с. 85
В.В. Пациорковский. Пространственная организация постиндустриального общества: Воспроизводство, движение и размещение населения ..... № 4, с. 121
Ю.С. Пивоваров. О русском и советском: Взгляд из 2012 года ..... № 2, с. 6
М.А. Положихина. Функции государства и структура органов исполнительной власти: Проблема соотношения ..... № 4, с. 62
Н.П. Распопов. Модернизация региональной системы управления (На примере Нижегородской и Калужской областей) ..... № 1, с. 42
Н.А. Родионова. Демографический кризис в России в контексте общественной трансформации ..... № 4, с. 134
Р.Х. Симонян. Два десятилетия реформ глазами социолога ..... № 3, с. 29
В.Б. Слатинов. Реформирование государственной службы в России: Институциональные эффекты и ловушки ..... № 1, с. 79
С.В. Тютюкин. Уроки Александра Керенского и «керенщины» в 1917 г. ..... № 4, с. 36
Е.В. Фролова. Региональная дифференциация: Роль социальной инфраструктуры ..... № 4, с. 49
В.Г. Холодков. Возможно ли использовать опыт Китая в модернизации России? ..... № 3, с. 97

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Л.Г. Белова. Конкурентные преимущества инноваций: Зарубежный опыт ..... № 4, с. 187
Л.З. Зевин. Особенности консолидационных и интеграционных процессов в Евразии ..... № 2, с. 71
В.Л. Иноземцев. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: В чем они состоят и какими должны быть? ..... № 3, с. 108
А.В. Кива. БРИК как фактор большой политики ..... № 2, с. 101
В.А. Ковалёв. В ожидании нового Франкенштейна (о «трансгуманизме», NBIC-конвергенции и постчеловеческом мире) ..... № 4, с. 142
Л.С. Косикова. Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России ..... № 1, с. 171
Т.Е. Кузнецова. О некоторых аспектах диаспорного уклада в мире и России ..... № 3, с. 137

А.М. Кулькин. Перспективы и риски развития технологий XXI века ..... № 4, с. 171
Л.С. Лыкошина. Дональд Туск – либерал во власти ..... № 3, с. 167
А.С. Макарычев, А.А. Сергунин. Российско-европейские отношения: В ожидании «перезагрузки»? ..... № 1, с. 133
Т.А. Мансуров. На пути к Евразийскому экономическому союзу ..... № 1, с. 191
В.С. Мартьянов. Ремодернизация постсоветского пространства: Универсализм принципов и целей ..... № 3, с. 122
Д.В. Палаткин. Алмазное сотрудничество России и ЮАР: АК «АЛРОСА» и компания «Де Бирс» в 1990-х годах ..... № 1, с. 161
Ю.А. Плакиткин. Глобальный кризис и основные приоритеты инновационного развития мировой энергетики ..... № 1, с. 103
Л.В. Савченко. «Большая восьмерка»: Быть или не быть? ..... № 2, с. 87
О.В. Сонин. Социальное развитие государств СНГ: Проблемы и пути решения ..... № 1, с. 203
Н.В. Сорокина. Русские и немцы в зеркале представлений российских и немецких студентов ..... № 3, с. 151
Л.И. Федулова. Украина и Россия в рейтинге глобальной конкурентоспособности: Технологии и инновации ..... № 1, с. 149
Т.В. Чубарова. Здравоохранение в мире: Между индивидуальной и социальной ответственностью ..... № 4, с. 199
Е.Е. Шестакова. Острые вопросы пенсионной реформы: Дает ли нам ответ зарубежный опыт? ..... № 2, с. 117
В.П. Шуйский, С.С. Алабян, О.В. Морозенкова. Возобновляемые источники энергии в первой половине XXI в. ..... № 1, с. 118

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

С.С. Секиринский. «Доживем ли мы до 18 брюмера?» Дневник ровесницы Сталина ..... № 3, с. 180
С.В. Сергутин. Разведка в преддверии Великой Отечественной войны: К вопросу о достоверности информации ..... № 3, с. 197

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Е.Я. Виттенберг. Российский бизнес: Социальная ответственность перед работниками ..... № 2, с. 134
С.В. Мельник. Межконфессиональное согласие в современной России: Концептуальные основания и практическая реализация ..... № 2, с. 162

О.А. Мельников, Е.В. Мельникова, Г. Имс, Г. Джонс. Экологические кластеры в современной экономике ... № 1, с. 216
Б.С. Павлов, С.В. Воробьёв. Трудовая занятость замужней женщины в России ... № 2, с. 150
Ю.Е. Поляк. Электронные услуги: Готовы ли к ним государство и население? ... № 2, с. 174
Е.И. Шибаева. Русский язык в Латвии ... № 1, с. 228

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

И. Жалнина-Василькиоти. Княжна Сан-Донато (С.И. Демидова) в истории русской эмиграции в Греции ... № 4, с. 220
А.М. Кулегин, А.П. Смирнов. «Ленинградское дело»: Музейный взгляд ... № 2, с. 185
В.В. Леонидов. Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский и его коллекции изобразительного искусства ... № 3, с. 220
И.В. Обухова-Зелиньская. Потерянные и обретенные портреты Юрия Анненкова ... № 3, с. 210
З.И. Перегудова. Кинематограф и полиция в России до 1917 г. ... № 2, с. 196
Н.А. Родионова. П.К. Дылёв – доктор Швейцер русского зарубежья ... № 2, с. 205
В.М. Шевырин. «Я – какой-то могильщик» (Лев Тихомиров в новейшей литературе) ... № 4, с. 209

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Т.Т. Бурлакова. Государственный музей Л.Н. Толстого (К 100-летию со дня основания) ... № 1, с. 237
Т.М. Кочегарова. Ученые и предприниматели: Впервые лицом к лицу ... № 3, с. 223
Н.К. Меден. Проблемы войны и мира в современную эпоху: «Круглый стол» в Институте экономики РАН ... № 2, с. 224
Е.Д. Михайлова. Звездная система – Государственный литературный музей ... № 4, с. 230
И.В. Обухова-Зелиньская. Издательский проект «Русское еврейство в зарубежье» ... № 4, с. 240
П.М. Шульгин. Рюриково городище – памятник российской государственности (К 1150-летию зарождения) ... № 1, с. 246
В.В. Эрлихман. ЖЗЛ: Замечательные люди не умирают ... № 2, с. 213

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2012 г.

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

Барфилд Т. Афганская этническая головоломка. Децентрализация власти перед выводом войск США ... № 3, с. 237
Ветцингер Й. Внешняя политика Грузии при Михаиле Саакашвили: Рискованная игра в поле напряженности между Вашингтоном и Москвой ... № 2, с. 243
Гюидер М. Новейшая история «арабской весны» ... № 4, с. 254
Каррер д'Анкос Э. Россия между двумя мирами ... № 4, с. 246
Кругман П. Кризис: Почему экономисты обанкротились? ... № 4, с. 250
Кьяни К.М. Колебания в экономике и политика стабилизации в СНГ ... № 2, с. 235
Недервин Питерс Я. Глобальное изменение баланса сил: Кризис и поворот к Востоку и Югу ... № 2, с. 229
Ху Юн. Творцы «китайского чуда»: Развитие крестьянской рациональности ... № 3, с. 231
Японская катастрофа и мировая экономика ... № 2, с. 239

АННОТАЦИИ

№ 1 ... с. 254
№ 2 ... с. 246
№ 3 ... с. 241
№ 4 ... с. 260

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 4–2012 (77)

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Верстка Н.М. Власова

Технический редактор Н.И. Романова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 04.12.2012 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 22,6 Уч.-изд. л. 15,0
Тираж 900 экз. Заказ № 210

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9